

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Артамонов Денис Сергеевич

**Медиапамять в коммуникационном пространстве
цифрового общества**

5.7.7 Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
доцент С. В. Тихонова

Саратов
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Методологические основания социально-философского анализа медиапамяти.....	34
1.1. Парадигмальные основания коммуникационного подхода к исследованию коллективной памяти.....	34
1.2. Проблема медиатизации коллективной памяти в предметном поле социально-философских исследований.....	54
1.3. Медиапамять как социальный феномен цифрового общества.....	76
Глава 2. Медиапамять и историческое познание в цифровом мире.....	101
2.1. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота.....	101
2.2. Социально-эпистемические арены конструирования медиапамяти.....	128
2.3. «Умные толпы» гражданской исторической науки как агент медиапамяти.....	147
Глава 3. Конструирование медиапамяти в контексте «демократизации» и цифровизации истории.....	167
3.1. Цифровая история и цифровая философия истории в структуре медиапамяти.....	167
3.2. Историческая лженаука как социально-эпистемологическая практика.....	190
3.3. Цифровая мифология медиапамяти.....	211
Глава 4. Медиапамять в эпоху постправды.....	234
4.1. Исторический фейк в структуре медиапамяти.....	234
4.2. Визуализация образов прошлого в сетевой коммуникации.....	252
4.3. Стратегии конструирования воображаемых исторических миров в игровой индустрии.....	278
Заключение.....	304
Список литературы.....	309

Введение

Актуальность темы исследования. Происходящие в мире глобальные изменения открывают новые горизонты социальной действительности, контуры которых еще не определены, расплывчаты и в некоторых моментах призрачны. Отличие современной эпохи от прошедших исторических периодов заключается в том, что в философском плане она не осмысливается как эпоха «пост» (постгуманизм, постимпериализм, постсоветский, постмодернизм), а как начало чего-то абсолютно нового, еще не известного человечеству, таящего в себя не только удивительные открытия, способные улучшить жизнь человека, но и серьезную опасность для всего социального бытия. Исключение составляет ставшее широко распространенным определение современности как эпохи «постправды», означающее завершение попыток описания действительности на рациональных началах и поиска истины, а также принятие эмоционального ситуативного взгляда на жизнь, для которого объективные факты не имеют никакого значения, а провозглашается субъективное эмоциональное восприятие происходящих событий. Однако, и в этом определении современной эпохи чувствуется новое веяние, так как еще никогда в истории человечества и философской мысли (за исключением разве что софистов) не провозглашалось отрицание истины в качестве фундамента социального строительства.

Стремление к субъективному восприятию социальной действительности наложило свой отпечаток на отношение к прошлому. Следует отметить, что современная эпоха характеризуется практически повсеместным отсутствием проектов будущего и на уровне идеологий национальных государств, и в глобальной перспективе, а в жизни каждого конкретного человека больше места занимает неопределенность, чем надежды на светлое завтра. Отсутствие представлений о будущем может быть объяснено тем, что современное время это оно и есть, человечество реализовало свои самые смелые фантастические желания и наступил естественный предел человеческим возможностям. С другой стороны, виртуальные технологии позволяют создавать человеку любые воображаемые миры, в которых он может достичь всего, что может прийти в его

сознание. Если чего-то невозможно добиться в реальном мире, это можно с успехом восполнить в мире виртуальном. В тоже время придумывать что-то новое у человека получается все реже, и он идет по пути конвергенции прошлого с настоящим для создания необходимых материальных и информационных продуктов. Ценность прошлого в такой системе многократно увеличивается и порождает борьбу за его присвоение.

В начале XXI в. актуализировались мемориальные войны, которые подспудно тлели с позапрошлого столетия, когда история обрела статус науки, а государства озаботились проведением политики памяти. Память о прошлом стала инструментом конструирования национальных коллективных идентичностей, препятствовавших процессам глобализации, а с появлением и структурированием локальных сетевых сообществ в интернет-паутине, она взорвала информационное поле жестокой борьбой за историческое наследие. Сегодня уже стало очевидным, что войны памяти могут привести к кровопролитным сражениям не только в виртуальном, но и реальном мире. Военные машины стран мира борются, уничтожая человеческие жизни, за свою картину мира, которая, однако, ориентирована не на проекты будущего, а стремиться утвердить свое представление о прошлом. Трепетное отношение к прошлому последних нескольких десятилетий в конечном итоге привело к взрыву, который меняет глобальные политические и социальные структуры цивилизации. Память о прошлом захватила власть над человеком и его устремлениями.

Человечеством при помощи сети Интернет и цифровых технологий была создана альтернативная виртуальная реальность, которая все больше интегрируется с социальным миром повседневности человека. Цифровые технологии проникли во все сферы жизнедеятельности, меняя условия существования индивидов. Они изменили способы коммуникации, создав множество новых коммуникационных средств, объединенных в медиасферу. Новые медиа, социальные сервисы (социальные сети) оптимизировали пользовательское управление различными видами интернет-коммуникации,

обеспечивая хранение и обмен данными различного формата, публичную активность, приватное и групповое общение, а также самопрезентацию индивидов в интернет-пространстве. Это привело к тому, что цифровое пространство стало, прежде всего, огромным хранилищем информации, которая доступна практически без ограничений и с высокой скоростью использования. Прошлое было переведено в цифровой формат и подвергнуто бесконечным трансформациям, как и вся актуальная информация в сети Интернет только потому, что технологии это позволяют. Традиционные медиа все больше интегрируются в цифровое пространство, продолжая выполнять, как и прежде, роль актора коллективной памяти, а культура, став цифровой, осталась таким же механизмом хранения, воспроизведения и забвения образов прошлого, каким была в эпоху устной и письменной коммуникации.

Цифровизация коммуникационных процессов превратила социальную действительность в медиареальность, так как медиа уже нельзя отграничить от повседневности человека. Медиа конструируют социальные отношения и взгляды человека на мир. Под медиа следует понимать все средства коммуникации, доступные человеку, так как они переводятся в цифровой формат и без него хотя и существуют, но стремятся быть интегрированными. В этом отношении представление о коллективной памяти, как об определенной социальными рамками или формируемой культурой, либо исторической наукой и политикой памяти перестает отвечать действительности, так как культура, социальные отношения, наука и политика опосредованы медиа. Единственное что отвечает прежним представлениям о коллективной памяти это сохранение ее коммуникационной природы, которая в цифровом мире стала еще более очевидной. В коммуникационном пространстве цифрового общества коллективная память трансформировалась в медиапамять, что требует научного исследования и философского осмысления.

Медиапамять таит в себя опасные подводные камни в виде фейков, эмоционального восприятия прошлого, мемориальных войн, грозящих человеку глобальными кризисами, но одновременно она способна дать надежду на

будущее, продемонстрировав уроки истории какими бы невыученными они не были.

Объект и предмет исследования. *Объектом* данного исследования является медиапамять как коммуникационный механизм конструирования представлений о прошлом в цифровую эпоху. *Предметом* исследования являются коммуникационные каналы и практики конструирования коллективной памяти, а также способы хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом в медиaprостранстве.

Степень разработанности проблемы. В настоящее время изучение коллективной памяти выделилось в самостоятельную область научных исследований *memory studies*, которая строится на междисциплинарном подходе. Представления о прошлом, образы истории в массовом сознании, исторические мифы оказываются в центре внимания историков, культурологов, фольклористов, этнологов, антропологов, социальных психологов, политологов, философов, социологов. Междисциплинарность исследований в области коллективной памяти позволяет включить в ряд ученых, заложивших основы *memory studies*, широкий круг философов, таких как Ф. Ницше, Дж. Г. Мид, В. Беньямин, Г. Зиммель и К. Маркс, Э. Дюркгейм.

Однако, подлинным основоположником мемориальной проблематики по праву считается М. Хальбвакс, который в своей книге «Социальные рамки памяти» (1925)¹ рассматривал память как продукт социализации индивида и его участия в коммуникационных процессах. Одновременно с ним А. Варбург, занимаясь теорией искусств, выходит на проблематику социальной памяти, рамками которой он считал символ и рассматривал ее в культурологическом контексте².

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

² Варбург А. Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Издательский дом «Азбука-Классика», 2008. 384 с.

Наследие М. Хальбвакса было востребовано во Франции в 1980-х – начале 1990 – х гг., когда был реализован проект «места памяти» под руководством П. Нора³. Идеи М. Хальбвакса также получили продолжение в трудах П. Рикера⁴, он, как и П. Нора, разделял историю и память, видя в них различные формы репрезентации прошлого. Коллективная память для П. Рикера обладает большей субъективностью необходимой для сохранения идентичности, а потому служит воспроизведению прошлого в настоящем без его критической оценки, которую дает только история.

В книге Я. Ассмана, отталкивающегося от идей М. Хабермаса, но рассматривавшего вслед за А. Варбургом коллективную память как культурный и коммуникативный феномен⁵ выдвигается тезис о том, что прошлое никогда и нигде не передается просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздается, конструируется и реконструируется из социальной реальности.

Проблематика культурной памяти волновала также представителей московско-тартуской семиотической школы. Ю. М. Лотман рассматривал данный феномен с семиотической точки зрения и пришел к выводу, что культура является надындивидуальным механизмом хранения, передачи и создания новых сообщений, т.е. коллективной памятью⁶.

Для исследования проблематики коллективной памяти большое значения имели идеи социального конструктивизма, которые восходят к трудам советского психолога Л. С. Выготского, изучавшего процессы социально-психологического конструирования социальной реальности, рассматривая ее как совокупность мыслей, идей и ценностей индивидуума, что уже прослеживались

³ Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с.

⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

⁵ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 368 с.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Часть третья. Память культуры. История и семиотика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000; Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Там же; Лотман Ю. М. Память культуры // Там же.

у Дж. Г. Мида и было обосновано в работах А. Шюца. Европейские исследователи П. Бергер и Т. Лукман в своем трактате «Социальное конструирование реальности» (1966)⁷ выступили с идеей социального конструкционизма, целью которого было выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности. Эта работа позволяет говорить о феномене конструирования представлений о прошлом в коллективной памяти, а Н. Луман в своем исследовании о медиареальности показал роль медиа в этом процессе⁸.

Социальность коллективной памяти позволила советским исследователям рассматривать этот феномен как социальную память. Я. К. Ребане и В. А. Колеватов рассматривали социальную память в русле теории информации и говорили о ней в связи с процессами познания⁹. Советский и российский исследователь Б. С. Илизаров связывал социальную память с процессами документирования¹⁰, что сближает его взгляды с теорией документальности итальянского философа М. Феррариса¹¹, оказавшего значительное влияние на исследование мемориальной проблематики. Коллективная память как социальная реальность была рассмотрена и в работах европейского исследователя Дж. Олика, оспорившего понимание М. Хальбвакса и показавшего ее как набор сложных мнемонических механизмов и практик, осуществляемых с помощью коммуникационных механизмов.

Проблема соотношения индивидуальной и коллективной памяти в социальном и культурном контексте раскрывается в работе Дж. Фентресса и

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

⁸ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.

⁹ Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 44-54; Колеватов В. А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 190 с.

¹⁰ Илизаров Б. С. Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 18-31.

¹¹ Ferraris M. Documentalità. Perché è necessario lasciar tracce. Roma-Bari: Editori Laterza, 2009. 446 p.

К. Уайкема «Социальная память» (1992)¹², особое внимание здесь также обращается на процесс социальной коммуникации, также как и в концепции постпамяти М. Хирш, в которой коллективная память рассматривается как механизм передачи травматического знания о прошлом на глубоком эмоциональном уровне, обеспечивающем создание и воспроизведение индивидуальных воспоминаний¹³.

Коммуникативная природа коллективной памяти была обозначена в работах М. Маклюэна¹⁴ и Ю. Хабермаса¹⁵, которые заложили основы изучения процессов коммуникации. Применение коммуникационного подхода было успешно выполнено в работах С. В. Тихоновой по исследованию социальной мифологии, неформального знания и представлений о прошлом¹⁶.

Вопрос о податливости социальной памяти манипуляциям рассматривался в сборнике статей Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции» (1983)¹⁷. Публикации этих исследователей положили начало возникновению теории «политики памяти» или «исторической политики», вписавшей коллективную память в политический контекст¹⁸. Особо следует отметить исследования в этой

¹² Fentress J., Wickham C. *Social memory*. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. 239 с.

¹³ Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М., Новое издательство, 2021. 428 с.

¹⁴ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 462 с.

¹⁵ Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. 361 с.

¹⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2008. 244 с.; Тихонова С. В. Память Интернета и социальная память: перспективы слияния // *Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: Сборник научных трудов Всероссийской конференции VII Аскинские чтения*, Саратов, 21 октября 2016 года. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК», 2017. С. 68-73; Тихонова С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2018. Т. 18. № 3. С. 287-291; Тихонова С. В., Фролова С. М. Историческая память и медиальный поворот: цифровизация Прошлого // *Вестник Поволжского института управления*. 2020. Т. 20. № 4. С. 78-85.

¹⁷ *The Invention of tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. 320 с.

¹⁸ Heisler M. O. The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. № 1. P. 14–24; Torsti

области О. Ю. Малиновой, которая рассматривает политику памяти как элемент символической политики и особого рода политической коммуникации¹⁹.

Проблеме разделения истории и памяти посвящено значительное количество исследований, так П. Берк в работе «История как социальная память»²⁰ и П. Хаттон в книге «История как искусство памяти»²¹ проводили мысль о том, что историческая наука является одной из форм коллективной памяти и представляет собой официально признанную память, т. е. практически политику памяти. В тоже время, в трудах Б. Шацкой подчеркивается принципиальное различие между памятью и историей, как разными видами знания о прошлом, создаваемые по разным правилам²². По мнению же Й. Рюзена, история включает в себя память, представляя собой область символических представлений, являющихся источником формирования исторической памяти²³. Исследования Алейды Ассман ставят своей целью рассмотрение вопросов,

P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // *The Cold War and Politics of History* / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. P. 19–35; Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.; Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // *Историческая политика в XXI веке* / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32; Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114–126; Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1(80). С. 111–121; Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128–140.

¹⁹ Джонсон Д., Малинова О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 15–41; Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // *Метод*. 2019. № 9. С. 285–312; Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4. С. 6–22.; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.; Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. 2010 а. № 2. С. 90–105.

²⁰ Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, NY: Cornell University Press. P. 43–59.

²¹ Хаттон П. *История как искусство памяти*. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. 424 с.

²² Szacka B. *Czas przeszły, pamięć, mit*. Warszawa: Scholar, 2006. P. 47–58.

²³ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. М., 2001. Вып. 7. С. 8–25

связанных с функционированием исторической памяти в различной социальной среде и причинами возникновения мемориальных конфликтов современности²⁴.

Тематике исторической памяти были изначально посвящены работы саратовского исследователя В. Б. Устьянцева, в дальнейшем рассматривавшего феномен коллективной памяти как социальный. Под исторической памятью он понимал совокупность письменных исторических источников²⁵, а социальную память рассматривал как информационную и коммуникационную систему²⁶. Идеи В. Б. Устьянцева были развиты в рамках саратовской школы изучения социальной памяти, к которой можно отнести Д. А. Аникина²⁷, О. М. Ломако²⁸,

²⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.; Она же. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

²⁵ Устьянцев В. Б. Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саратов, 1972, с. 5.

²⁶ Устьянцев В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 414-418.

²⁷ Аникин Д. А. Пространство социальной памяти: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2008. 20 с.

²⁸ Ломако О. М. Генеалогия и социальная память: методологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 3. С. 24-27.

М. О. Орлова²⁹, И. А. Ромащенко³⁰, Е. В. Романовскую³¹, О. Ф. Филимонову³², Н. С. Шаповалову³³ и др.

В целом в России, несмотря на очевидную популярность коллективной памяти как тематики исторических, философских, социологических и культурологических исследований, можно выделить лишь небольшое количество публикаций и исследователей, оказавших заметное влияние на разработку данного направления. Особо следует отметить вклад Л. П. Репиной, ее историографические обзоры долгое время играли роль направляющих исследований для ученых, занимающихся данной проблематикой³⁴. Большое значение также имеет серия проектов Российского общества интеллектуальной истории и Института Всеобщей истории РАН, такие как «История и память»³⁵; «Диалоги со временем»³⁶; «Образы времени»³⁷. Журнал РОИИ «Диалоги со временем» под ее редакторством также периодически становится площадкой для обсуждения вопросов, связанных с проблематикой коллективной памяти.

²⁹ Орлов М. О. Аникин Д. А. Социальная память как диалог: пространственные и дискурсивные основания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 4. С. 55-61.

³⁰ Ромащенко И. А. Социальная память и картина мира: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2000. 20 с.

³¹ Романовская Е. В. Традиция как форма социальной памяти: герменевтический и институциональный горизонты: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2013. 37 с.

³² Филимонова О. Ф. Пустое место: голос социальной реальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 292–297.

³³ Шаповалова Н. С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2012. - 142 с.

³⁴ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история, 2004, № 5. С. 33-45; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

³⁵ История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 767 с.

³⁶ Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.

³⁷ Образы времени и исторические представления: Россия - Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.

Из исследовательских проектов, оказавших заметное влияние на развитие *memory studies* в России, нужно назвать работы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева³⁸, считавших прошлое конструируемым феноменом; А. И. Миллера³⁹, разрабатывавшего проблемы исторической политики и политики памяти; В. Н. Сырова⁴⁰, полагавшего, что историческое познание и память обусловлены коммуникационными структурами; О. В. Головашиной⁴¹, рассматривавшей социальную память в контексте представлений о времени; А. Г. Иванова и А. А. Линченко⁴², исследовавшего представления о прошлом в рамках социальной мифологии; С. А. Храпова⁴³, показавшего влияние техногенной среды на трансформацию социальной памяти; Е. В. Рягузовой⁴⁴,

³⁸ Савельева И. М. История и время: В поисках утраченного. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1997. 796 с.; Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история: [в 2 т.]. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. 631 с.

³⁹ Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 118-134; Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4(71). С. 114-126; Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 1(80). С. 111-121.

⁴⁰ Сыров В. Н. Историческая память и историческое знание: проблема соотношения // Философские дескрипты. 2020. № 22. С. 9; Сыров В. Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3(29). С. 84-91.

⁴¹ Головашина О. В. Короткая память: представления о прошлом в условиях современной темпоральной трансформации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. 118 с.; Головашина О. В. Социальная память как способ овладения временем // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 92-96.

⁴² Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования / А. Г. Иванов, С. В. Тихонова, А. А. Линченко, И. П. Полякова. СПб.: Издательство Алетейя, 2020. 330 с.; Линченко А. А. Мифы о прошлом в медиасреде: теоретические основания и российская политическая практика // Социодинамика. 2022. № 1. С. 1-17.

⁴³ Храпов С. А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 99-106; Храпов С. А. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2(60). С. 69-74.

⁴⁴ Рягузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, № 4(36). С. 324-330; Рягузова Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик //

рассмотревшей коллективную и семейную память в социально-психологическом контексте. Современные российские исследователи коллективной памяти уделяют слабое внимание ее коммуникационной и медиа составляющей, хотя она прямо не игнорируется, в тоже время, заметно отсутствие концептуального осмысления способов воспроизводства представлений о прошлом в цифровом мире.

Обратная тенденция наблюдается в зарубежных исследованиях. В журнале *Memory Studies*, созданном в 2008 г., периодически появляются работы, посвящённые конструированию коллективной памяти в медиа и социальных сетях. Исследование трансформации коллективных форм памяти под влиянием медиа позволило Ж. ван Дейк выдвинуть концепцию медиатизации памяти в цифровую эпоху⁴⁵, а в сборнике под редакцией М. Нейгер, О. Мейерс и Э. Зандберг были рассмотрены практики конструирования образов прошлого в медиасреде⁴⁶. Проблеме проведения исторических исследований и конструированию представлений о прошлом при помощи цифровых технологий был посвящен сборник работ под редакцией Дж. Догерти и К. Навроцки⁴⁷, в нем были проанализированы процессы написания цифровой истории и создания образов прошлого в сети Интернет. Осмысление процессов цифровизации коллективной памяти привело исследователей Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинс, А. Рединг к необходимости введения нового понятия «digital memory» - цифровой памяти для описания данного феномена⁴⁸. Теории цифровой памяти хорошо показывают процессы трансформации коммуникативной памяти, ограниченной недавним прошлым, но не учитывает изменений культурной

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 1. С. 61-68.

⁴⁵ Dijck van J. *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford: Stanford UP, 2007. 256 p.

⁴⁶ *On media memory: collective memory in a new media age* / Ed. by. Neiger M., Meyers O., & Zandberg E. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 317 p.

⁴⁷ *Writing History in the Digital Age* / edited by J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 283 p.

⁴⁸ *Save As... Digital Memories* / Eds. J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke & New York: Palgrave Macmillan. 2009. 211 p.; *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. 326 c.

памяти под воздействием медиа и социальных сетей, которые участвуют в конструировании представлений не только о недавнем, но и далеком прошлом, определяя исторические взгляды людей цифровой эпохи.

Исследование коллективной памяти не позволяет обойти стороной вопросы философского осмысления исторического знания, разрабатываемые в контексте исторической эпистемологии. В научной литературе сложилось двойственное понимание исторической эпистемологии, с одной стороны рядом исследователей она воспринимается как методологическая основа истории науки, а с другой как научное направление, изучающее специфику исторического познания. Для данного диссертационного исследования важными стали историко-эпистемологические выводы, отраженные в работах Г. Баттерфилда⁴⁹, А. Мегилла⁵⁰, Ф. Анкерсмита⁵¹, Х. Уайта⁵², Н. Копосова⁵³, И. Т. Касавина⁵⁴, Л. В. Шиповаловой⁵⁵, И. Д. Невважай⁵⁶, К. Х. Момджян⁵⁷,

⁴⁹ Butterfield H. *Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship*. Cambridge: Cambridge University Press, 1955. 238 p.

⁵⁰ Мегилл А. *Историческая эпистемология*. М.: Канон+, 2007. 480 с.

⁵¹ Анкерсмит Ф. Р. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Издательство «Европа», 2007. 612 с

⁵² Уайт Х. *Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века*. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2002. 528 с.

⁵³ Копосов Н. *Как думают историки*. М.: НЛО, 2001. 326 с

⁵⁴ Касавин И. Т. *Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии*. СПб.: Издательство РХГИ, 2000. 320 с.; Касавин И. Т. *Эпистемология и историческое сознание // Эпистемология и философия науки*. 2005 Т.3. № 1. С. 5–14; Касавин И. Т. *Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–20.

⁵⁵ Шиповалова Л. В. *О возможности «переговоров» в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 52–55; Шиповалова Л. В. *Стоит ли мыслить науку исторически? // Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 18–28; Шиповалова Л. В. *Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167; Шиповалова Л. В. *К вопросу об идентификации современной исторической эпистемологии // Философия и культура*. 2018. № 7. С. 13–23.

⁵⁶ Невважай И. Д. *Смысл знака и смысл значения в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 71. С. 29–38. DOI 10.17223/1998863X/71/4.

⁵⁷ Момджян К. Х. *О фаталистическом понимании истории // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2020. № 2. С. 48–62.

И. Н. Сиземской⁵⁸, В. П. Веряскиной⁵⁹ и др.⁶⁰, позволившее раскрыть особенности исторического познания в условиях цифровизации и медиатизации исторической науки.

Социально-философский анализ медиапамяти не может обойтись без обращения к феномену медиа и вопросам их трансформации в цифровую эпоху. Отчасти эти проблемы разрабатываются в рамках направления медиафилософии, представленного в работах Ш. Мюнкера, А. Рослера, М. Сандботе⁶¹, Р. Марграйтер⁶², Ф. Хартманна⁶³, Л. Визинга⁶⁴, Л. Мановича⁶⁵, В. В. Савчука⁶⁶, С. А. Маленко, А. Г. Некита⁶⁷, А. Н. Фортунатова⁶⁸, А. В. Павлова⁶⁹,

⁵⁸ Сиземская И. Н. В.Ж. Келле о системном подходе в познании истории // *Личность. Культура. Общество*. 2021. Т. 23, № 1-2(109-110). С. 58-63.

⁵⁹ Веряскина В. П. Современные решения проблемы индивидуальности в контексте методологии исследования исторического развития В.Ж. Келле // *Личность. Культура. Общество*. 2021. Т. 23, № 1-2(109-110). С. 48-57.

⁶⁰ См., например: *Историческая эпистемология: проблемы и перспективы* / Научн. ред. и сост. Л. В. Шиповаловой. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. 133 с.

⁶¹ Münker S., Roesler A., Sandbothe M. (Hg.) *Medienphilosophie. Beiträge zur Klärung eines Begriffs*. Frankfurt am Main: Fischer, 2003. 224 p.

⁶² Margreiter R. *Medienphilosophie. Eine Einführung*. Berlin: Königshausen & Neumann, 2007. 299 p.

⁶³ Hartmann F. *Medienphilosophie*. Wien: WUV-Universitätsverlag, 2000. 343 p.

⁶⁴ Визинг Л. Шесть ответов на вопрос: «Что такое медиафилософия?» // *Антология медиафилософии*. СПб.: РХГА, 2013. С. 219–226.

⁶⁵ Манович Л. *Язык новых медиа*. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.

⁶⁶ Савчук В. В. *Медиафилософия. Приступ реальности*. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 350 с.

⁶⁷ Маленко С. А., Некита А. Г. «Заборование» Валерия Савчука: размышления о пределах цивилизации и возможностях человека // *Вопросы философии*. 2023. № 2. С. 60-67; Маленко С. А., Некита А. Г., Сулова Е. П. Стратегии визуализации постапокалипсиса в современной массовой культуре // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2021. № 3(42). С. 11-32.

⁶⁸ Фортунатов А. Н. О границах современного кибергуманизма // *Вопросы журналистики*. 2022. № 11. С. 42-53; Фортунатов А. Н. Память как приговор: феномен гипертимезии в медиареальности // *Вестник Нижегородского института управления*. 2022. № 1(63). С. 40-45; Фортунатов А.Н. *Медиареальность: в плену техногуманизма*. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. 211 с.

⁶⁹ Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм // *Философский журнал*. 2019. Т. 12, № 2. С. 20-33; Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: пост-постмодернизм // *Личность. Культура. Общество*. 2019. Т. 21, № 1-2(101-102). С. 53-62.

К. А. Очеретяного, А. С. Ленкевича⁷⁰, Е. В. Листвиной⁷¹, Н. Б. Афанасова⁷² наметивших основные векторы осмысления медиареальности, а также сделавших значимые выводы по проблемам цифровизации медиа и культуры.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы — создание системной социально-философской концепции медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования коллективно разделяемых представлений о прошлом в цифровом обществе.

Реализация данной цели требует решения следующих задач:

1. Методологический анализ основных подходов к пониманию коллективной памяти как механизма конструирования коллективно разделяемых представлений о прошлом;

2. Осуществление методологического синтеза подходов социальной теории, современных социально-философских концепций цифрового общества, исследовательских стратегий социальной философии, направленных на изучение коллективной памяти;

3. Исследование трансформации форм коллективной памяти в коммуникационном пространстве цифрового общества и разработка концепции медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования коллективно-разделяемых представлений о прошлом в цифровой среде;

4. Выявление базовых коммуникационных каналов трансляции образов прошлого и оценка масштаба влияния научной исторической информации на конструирование медиапамяти в современной цифровой среде;

⁷⁰ Очеретяный К.А., Ленкевич А.С. Медиафилософия: российский контекст // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 64-72.

⁷¹ Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 386-389; Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7-8. С. 14-18; Фролова С. М. Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 4. С. 408-412.

⁷² Афанасов Н. Б. Генри Дженкинс и фанфик по теории медиа // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 3. С. 250-263.

5. Выявление и анализ основополагающих практик конструирования представлений о прошлом в современной цифровой среде;

6. Исследование коммеморативных практик и методов производства исторического знания в медиасфере, а также выявление способов хранения, воспроизводства и забвения образов прошлого в цифровом мире;

7. Анализ трансформации содержания медиапамяти в контексте цифровой истории и влияния коммуникационных цифровых технологий на исторические исследования;

8. Исследование сетевого дискурса исторической лженауки, установление его морфологии в ключевом историческом контенте социальных и традиционных медиа;

9. Изучение образов прошлого в контексте социальной мифологии, идеологии, стереотипов и иллюзий массового сознания цифровой эпохи, а также выявление процессов трансформации способов их трансляции в условиях цифровой среды;

10. Изучение процессов креативного преобразования исторического знания пользователями социальных медиа в целях, отличных от установления исторической правды и выявление роли фейков в структуре медиапамяти;

11. Исследование стратегий визуализации образов прошлого в коммуникационных процессах цифрового мира;

12. Выявление источников и способов репрезентации представлений о прошлом в развлекательно-игровом сегменте социальных медиа.

Методология научного исследования. При проведении диссертационного исследования применялись формально-логические методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование), системный подход и структурно-функциональный анализ. Они призваны устанавливать отношения и связи между изучаемыми объектами, а также способы их включения в социальную реальность, определять характер реализуемых ими социальных функций. Применение субстанционального подхода позволило учитывать свойства медиапамяти как целостного

социального феномена, который сохраняет свою сущность в различных формах и состояниях при изменении условий существования.

В работе был произведен синтез методологий классической, неклассической и постнеклассической рациональности для изучения медиапамяти в широком историческом и социокультурном контексте. Методологическим вектором исследования стала научная рациональность, позволившая объединить субъект-объектный, субъект-субъектный и объект-объектный подходы при рассмотрении специфики коммуникационных процессов цифровой эпохи.

Исследование медиапамяти в коммуникационном пространстве цифрового общества предполагает проведение социально-философского анализа коллективно разделяемых представлений о прошлом с применением конструктивистского подхода, предполагающего исследование социальной реальности как результата субъективной и интерсубъективной творческой деятельности человека (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман и др.).

В качестве основной методологической платформы в диссертации предлагается коммуникационный подход к исследованию медиапамяти, в рамках которого общество рассматривается как явление, непрерывно воссоздаваемое в процессах социальной коммуникации. Данный подход предполагает рассмотрение цифрового общества как коммуникационного, где человек конструирует социальную реальность и наделяет ее смыслом в процессе коммуникативных актов, опосредованных медиа (М. Маклюэн, Ю. Хабермас, С. В. Тихонова).

Теория информации и теория коммуникации использовались в исследовании для установления коммуникационных структур социальных действий, направленных на производство и трансляцию коллективно-разделяемых представлений о прошлом.

Пространственный подход, в основе которого лежит тезис о пространственном характере социального бытия применяется в диссертации для определения социально-культурных практик конструирования медиапамяти в

социальном пространстве (П. Бурдьё, Э. Гидденс, В. П. Рожков, В. Б. Устьянцев и др.). Данный подход позволяет рассматривать социальное пространство цифрового общества как коммуникационное, понимаемое в качестве особой формы бытия человека, реализующей возможности социальных связей и интеракций при помощи каналов коммуникации (С. В. Тихонова).

Постмодернистский и постструктуралистский подходы позволяют рассматривать в диссертации коммуникационные процессы нелинейного становления и множественности социальной реальности, в которой отсутствует централизация, упорядоченность, иерархия и симметрия (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.Ф. Лиотар и др.).

Диалектический подход позволил рассмотреть коллективно-разделяемые представления о прошлом как динамические, изменчивые феномены, конструируемые в конфликтной среде путем столкновения различных точек зрения на социальную реальность.

При анализе влияния цифровых технологий и техногенной среды на коммуникационные процессы конструирования медиапамяти применялся акторно-сетевой подход (М. Каллон, Б. Латур), предполагающий рассмотрение технологических объектов в качестве действующих единиц социальных отношений. Акторно-сетевая теория позволила выявить роль цифровых инструментов коммуникации в конструировании представлений о прошлом в медиaprостранстве.

Анализ коммуникационных процессов конструирования образов прошлого в современной медийной среде делает востребованным принцип системности, который означает установление связей между элементами исторического знания и особенностями коммеморативных практик в медиасреде.

В данном исследовании используется принцип историзма, нацеленный на изучение образов прошлого в конкретно-исторических условиях.

Важную роль в диссертации играют теоретические выводы и методология герменевтики, предполагающая рассмотрение медиапамяти в пространстве

интерпретации исторического знания. В данном случае использование герменевтической методологии позволит достаточно подробно рассмотреть вопросы стратегий конструирования образов прошлого в медиапамяти и дискурсивных практик коммеморации в цифровой среде. Использование методологии медиа-анализа было также необходимо в свете обращения к текстам медийной среды.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертации предложено и обосновано новое направление социально-философского исследования медиапамяти как коммуникационного механизма конструирования представлений о прошлом, предполагающее осуществление методологического синтеза в векторной ориентации коммуникационного подхода для изучения социальных практик воспроизводства образов прошлого, процессов создания исторического знания массами интернет-пользователей при помощи цифровых технологий и способов его модификации в пространстве медиа.

В работе представлена авторская концепция медиапамяти как формы коллективной памяти, динамика трансформации которой обусловлена цифровизацией коммуникационного и культурного пространства современного общества. При анализе цифровых средств коммуникации в работе выявляются целенаправленно конструируемые пласты образов прошлого, обеспечивающие функционирование медиапамяти. Представлено оригинальное обоснование коммуникационной природы коллективной памяти, которая в цифровом обществе конструируется медиа. Медиапамять рассматривается как базисная матрица социокультурных практик коммеморации, обеспечивающих существование локальных сообществ и государств в условиях конфликтной мемориальной среды.

1. На основе анализа методологических подходов к осмыслению коллективной памяти впервые за основу исследования способов конструирования представлений о прошлом в цифровом обществе была взята

коммуникационная парадигма изучения социальных коммеморативных практик и методов производства исторического знания в медиасреде.

2. Впервые категориальные ряды коллективной памяти рассмотрены в контексте коммуникационного подхода, с помощью которого удалось доказать, что представления о прошлом в цифровом обществе конструируются в процессах коммуникации, опосредованных медиа.

3. Предложена авторская концепция медиапамяти как новой формы коллективной памяти, появление которой обусловлено процессами медиатизации способов хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом. Медиапамять рассмотрена как коммуникационный феномен, отвечающий за конструирование социальной реальности в эпоху цифровой трансформации социальных отношений.

4. Предложен новый взгляд на проблему создания исторического знания в условиях распространения цифровых технологий для работы с информацией и введено понятие хисторихакинг, характеризующее способы познания и репрезентации истории в медиасфере.

5. Впервые вводится понятие социально-эпистемических арен, обозначающее коммуникационные площадки производства исторической информации и представлений о прошлом, составляющих основу медиапамяти, в которой нивелируется граница между знанием и памятью, основанным на субъективном восприятии социальной реальности.

6. В новом ракурсе показаны практики гражданской исторической науки и публичной истории, аккумулирующие работу «умных толп» по производству исторического знания и представлений о прошлом при помощи технологий краудсорсинга и социальных медиа.

7. Впервые определены место и роль цифровой истории и цифровой философии истории в качестве концептуальных научных направлений исследования восприятия истории и образов прошлого, определяющих структуру медиапамяти и принципы ее конструирования в цифровом обществе.

8. С позиций авторского подхода исследованы деструктивные формы социально-эпистемологических практик производства обыденного исторического знания и способов его конвергенции с представлениями о прошлом медиапамяти. Впервые историческая лженаука проанализирована в контексте функционирования медиасреды.

9. Впервые исследованы процессы медиатизации социальной мифологии в условиях формирования цифровой культуры, а также выявлены важнейшие социокультурные факторы мифологизации коллективной памяти. Предложена авторская концепция цифровой мифологии и показано ее место в структуре медиапамяти.

10. Новым научным результатом является определение и описание исторического фейка, ставшего важнейшим инструментом мемориальных войн, происходящих в современном коммуникационном пространстве. Впервые показана роль фейков в конструировании представлений о прошлом в цифровой медиасреде.

11. Выявлены новые аспекты визуализации образов прошлого в условиях сетевой коммуникации цифрового общества. На основе исследования интернет-мемов исторической тематики продемонстрированы способы создания и трансляции представлений о прошлом визуального характера в цифровой среде.

12. Предложена авторская интерпретация стратегий погружения в воображаемые исторические миры медиапамяти, конструируемые пользователями компьютерных игр. Впервые было установлено, что исторические компьютерные игры оказывают существенное влияние на медиапамять локальных сетевых сообществ.

Положения, выносимые на защиту.

1. Социально-философское осмысление коллективной памяти возможно на основе признания ее коммуникационной природы. Коллективной памяти вне социальной коммуникации не существует. Если индивидуальная память возникает на основе личного опыта, то надиндивидуальные формы памяти формируются социумом и включают в себя представления о прошлом, присущие

не только конкретным индивидам, но и всему сообществу в целом или определенной группе. Индивидуальная и надиндивидуальная память создаются в процессе коммуникации, но в первом случае воспоминания появляются в результате взаимодействия индивида с другими членами социума, а коллективные воспоминания конструируются в результате принятия социумом такого представления о прошедшем событии и прошлом в целом, которое сформировалось в результате реализации различных коммеморативных практик. Коллективно разделяемые представления о прошлом имеют символический характер и возникают в результате коммуникативного социального действия, направленного на удовлетворение потребности в формировании устойчивой картины социальной реальности.

2. С появлением цифровых средств коммуникации между коммуникативной и культурной памятью становится невозможно провести разграничение, так как коллективные воспоминания о недавнем прошлом и образы далекого прошлого одинаковым образом воспроизводятся в медиасфере при помощи цифровых технологий. Концепции медиатизации коллективной памяти фокусируются на роли медиа в трансформации коммуникативной памяти и игнорируют влияние цифровых технологий на конструирование культурной памяти. Цифровизация способов хранения и воспроизводства социально-значимой информации, обусловила возникновение теории цифровой памяти, опирающейся на концепцию социальной памяти, которая предполагает, что коллективные представления о прошлом формируются в ходе фиксации социальных актов в документах и артефактах. Теории социальной и цифровой памяти признают коммуникационную природу возникновения и сохранения представлений о прошлом, но не уделяют достаточного внимания роли медиа в формировании коллективной памяти, тогда как в цифровую эпоху социальные акты и отношения все более опосредуются медиа.

3. Характеристика коллективной памяти цифровой эпохи как медиапамяти позволяет преодолеть дефиниционный плюрализм теорий *memory studies*, опирающийся на акцентуацию способов конструирования представлений о

прошлом. Теория медиапамяти имеет потенциал интегрирования концепций коммуникативной, культурной, социальной, исторической и цифровой памяти в единую непротиворечивую систему, описывающую коммуникационные механизмы воспроизводства образов прошлого в цифровом обществе. Медиапамять можно определить как коммуникационный механизм хранения, воспроизводства и забвения представлений о прошлом при помощи медиа, возникший в результате медиатизация социальных и культурных процессов, а также появления цифровых инструментов коммуникации в современном мире. Интеграция способов конструирования образов прошлого в медиа привнесла в медиапамять основные коммуникационные тенденции, связанные с эмоциональностью, пластичностью и плюралистичностью символических феноменов, возникающих в цифровом коммуникационном пространстве.

4. Цифровой поворот в методах исторического познания привел к изменениям в структуре медиапамяти. Производство исторического знания перестало быть монополией историков профессионалов, а его репрезентация и распространение происходит не только традиционными для науки способами публикации результатов научных исследований и средствами массовой информации, но и при помощи социальных медиа. В формате гражданской науки и публичной истории, используя технологии краудсорсинга, ученые, общественные деятели и лидеры мнений привлекают к историческим исследованиям массы интернет-пользователей, в результате чего создается историческое знание, имеющее максимально широкое распространение. Социальные медиа позволяют каждому индивиду репрезентовать свою версию исторической реальности, которая складывается в результате коммуникативных действий и применения цифровых способов получения исторического знания.

5. Цифровизация коммуникационных процессов способствует конвергенции академического научного и быденного неформального исторического знания, сближая историю и память. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества формируется в рамках социально-эпистемических арен усилиями различных акторов: 1)

профессиональными учеными-историками, лидерами мнений, общественными деятелями, организующими коммуникативную деятельность при помощи технологий краудсорсинга; 2) массами интернет-пользователей, «умными толпами», любителями истории, добровольцами, объединенными социальными медиа и ориентированными на совместное решение задач и обсуждение результатов; 3) цифровыми технологиями (нечеловеками), являющимися не только инструментами научного исследования, но и самостоятельным субъектом воспроизводства и распространения исторического контента. Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки, на которых участниками осуществляется распределенное познание, вырабатывающее коллективные образы прошлого.

6. Представления о прошлом в медиапамяти конструируются в практиках получения исторического знания гражданской науки. Распространение технологий краудсорсинга сделало прежде молчаливое большинство масс равноправными участниками процесса создания исторической информации. Просьюмеризм как культура производства информационного продукта для собственного потребления сделал возможным привлечение больших масс интернет-пользователей к созданию исторического контента, направленного на удовлетворение потребности в историческом знании отдельных индивидов и локальных сетевых сообществ, объединенных социальными медиа. Просьюмерские практики создания исторического контента и проведения исторических исследований укладываются в программу «Do it yourself», ставшей основой цифровых технологий, позволяющих пользователям создавать информационные продукты, в том числе и исторического содержания. Историческое познание представляет собой ту область медиапамяти, в которой проявляется новая цифровая солидарность, аккумулировавшая ресурсы «умных толп».

7. Содержанием медиапамяти выступает цифровая история, понимаемая не просто как методологический подход, в рамках которого прошлое изучается на основе применения информационных технологий и цифровых медиа, а как

история цифрового общества. Историческое знание цифровой истории, данное в распределенном состоянии, представляет собой субъективированную информацию о прошлом, подверженную бесконечным интерпретациям, отражающим личностные и групповые мировоззренческие установки индивидов. Целостное восприятие исторического процесса цифровой истории возможно только через систему гиперссылок, цитирования, шеринга и репостинга, которая позволяет находить, анализировать, трансформировать и презентовать историческое знание в медиaprостранстве. Образующаяся при таком положении вещей дискретность представлений о прошлом требует появления цифровой философии истории, способной дать непротиворечивую картину исторической реальности и преодолеть кризис традиционной историософии.

8. Историческая лженаука в структуре медиапамяти не является деструктивной формой исторического знания, а представляет собой социально-эпистемологическую практику конструирования представлений о прошлом. К ней можно отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный историческими теориями, пересматривающими институализированные научные концепции истории на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации или произвольной интерпретации исторических источников. Интеллектуальные процедуры производства лженаучных исторических теорий опираются на воображение, роль которого в производстве исторического контента медиапамяти можно назвать определяющей. Историческое знание лженауки ориентируется на массовое потребление в силу чего вынуждено использовать язык медиа и цифровые технологии, что усиливает ее привлекательность и манипулятивные возможности. Воспроизводство представлений о прошлом в соответствии с мировоззренческими установками масс позволяет исторической лженауке влиять на построение картины социальной реальности в цифровом обществе и стать частью коммуникационного пространства медиапамяти.

9. Медиапамять не свободна от мифологизации образов прошлого, социальные и исторические мифы присутствуют в ее структуре, но подвержены цифровой трансформации. Влияние цифровой медиасреды на

функционирование социальных мифов позволяет говорить о возникновении цифровой мифологии. Цифровые мифы создаются и распространяются массами интернет-пользователей в виртуальном пространстве путем конвергенции образов массовой культуры и социальных мифов при помощи цифровых технологий и социальных медиа. Представления о прошлом медиапамяти подвержены цифровой мифологизации, так как представляют собой продукт воспроизводства исторических мифов в медиасреде. Новые медиа предоставляют возможность любому интернет-пользователю стать мифотворцем и сделать воспроизводимый миф элементом медиапамяти при условии его визуализации и информационного резонанса с повесткой дня.

10. В цифровом мире медиапамять функционирует в ситуации постправды, в которой формирование общественного мнения опирается не на объективные факты, а на эмоциональное восприятие событий и личные убеждения. Главным элементом постправды является фейк, который можно охарактеризовать как коммуникационный феномен, распространяющий информационные сведения, содержащие мистификацию события или явления, дезинформацию, заблуждения или фальсификацию фактов. Исторический фейк представляет собой информацию, содержащую ложные исторические факты либо их произвольную интерпретацию, фальсификацию исторических источников или оценочные суждения. Гибридно-сетевой формат и коммуникационная природа исторического фейка определяет его включение в различные пласты медиапамяти, в которых происходит формирование представлений о прошлом, конструирующих социальную реальность в соответствии с повесткой дня.

11. Особенностью медиапамяти цифровой эпохи является визуализация образов прошлого. Стремление к образному визуальному восприятию представлений о прошлом соответствует тенденции визуализации коммуникационных процессов, производимых в цифровой среде. Тотальное погружение человека в виртуальную медиареальность вызывает ностальгию, тоску по ушедшей реальности, которую он пытается воссоздать путем симуляции истории, т. е. визуального воплощения образов прошлого в

артефактах цифровой культуры, одним из которых является интернет-мем. В интернет-мемах, создаваемых из визуальных и вербальных элементов массовой культуры, представления о прошлом имеют мифологизированный и фейковый характер. Под историческим интернет-мемом следует понимать сложносоставной цифровой продукт творчества масс интернет-пользователей, использующих его в процессе коммуникации с целью передать эмоциональное отношение к образам прошлого.

12. Стратегии симуляции исторической реальности воспроизводятся в компьютерных играх. Они предоставляют возможность погружения в воображаемые исторические миры виртуальных пространств. Пользователи цифровых технологий могут не только погружаться в виртуальную историческую реальность, играя в компьютерные игры, но и самостоятельно создавать игровые исторические миры. Культура инди-игр, когда пользователь создает игру для собственного потребления и распространяет ее в сети Интернет, включает в себя компьютерные игры на историческую тематику. Игровые исторические пространства имитируют историческую реальность, но чаще всего трансформируют историю в угоду игровым условностям и мировоззренческим установкам пользователей. Массовое распространение компьютерных игр с воображаемыми историческими мирами и их способность эмоционального воздействия на игроков позволяет им влиять на конструирование медиапамяти.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Данная работа открывает новое направление в социальной философии, связанное с исследованием коллективной памяти и процессов конструирования представлений о прошлом в цифровом коммуникационном пространстве. Выводы работы призваны простимулировать рефлексию новых форм общественного сознания, появившихся в результате повсеместного использования цифровых технологий коммуникации. Данное исследование способствует обновлению категориального аппарата социальной философии и углубляет концептуальное содержание теорий, посвященных изучению коллективных форм памяти. Используемый в диссертации коммуникационный

подход может быть применен к исследованию коллективно разделяемых представлений о прошлом и других символических феноменов цифрового общества.

Материалы исследования могут быть использованы для разработки образовательных программ и лекционных курсов по философии, социальной философии, философии истории, теории коммуникации, политологии, культурологии, социологии, социальной эпистемологии, связям с общественностью. Результаты исследования применены автором при чтении курсов лекций по дисциплинам «Философия», «Философия и методология науки», «Теория коммуникации», «Философия коммуникации», «Теория и практика связей с общественностью», «Философия видеоигр», «Цифровая эпистемология», «Медиапамять цифрового общества» для студентов бакалавриата и магистратуры Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Научная значимость результатов диссертационного исследования в условиях отсутствия в современной науке комплексного изучения функционирования коллективной памяти в медиасреде видится в создании концептуальной основы для теоретико-методологического развития социальной эпистемологии, направленной на изучение медиапамяти и коммуникационных практик ее конструирования в цифровом мире. Инновационный потенциал результатов исследования состоит в возможности практического внедрения научного продукта при реализации государственной политики памяти и разработке методических рекомендаций и способов урегулирования мемориальных конфликтов с целью достижения общественного консенсуса. В сфере образования и популяризации науки данное исследование будет полезно в практике формирования научного представления о прошлом, противостоянии исторической лженауке и различного рода фальсификациям, распространяющимся в медиасреде.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования.

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования

докладывались на заседаниях кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, на научных конференциях и форумах различного уровня:

Всероссийская конференция «Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации» (Саратов, 2017); Всероссийская конференция «Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего» (Саратов, 2018); Международная конференция «Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы» (Москва, 2018); Всероссийская конференция «Актуальные проблемы российской цивилизации и методики обучения истории» (Саратов, 2018-2019); Международная конференция «Современная коммуникативистика в исследовательских стратегиях социально-гуманитарного знания» (Саратов, 2019-2020); Всероссийская конференция «Социальные коммуникации: наука, образование, профессия» (Санкт-Петербург, 2019-2022); Международная конференция «Games against Players» (Вильнюс, 2019); Международный научный форум «Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 2019); Всероссийская конференция «Историческая память в пограничном состоянии: от мобильности к мобилизации» (Тамбов, 2019); Всероссийская конференция «Игры медиамира: социальное конструирование воображаемых исторических миров» (Саратов, 2019); Всероссийская конференция «Пирровы чтения. Интерпретация культурных кодов» (Саратов, 2019-2022); 6 и 7 Международная конференция «Мир человека: нормативное измерение» (Саратов, 2019, 2021); 16th International Congress on Logic, Methodology and Philosophy of Science and Technology «Bridging across academic cultures», (Прага, 2019); Таврические философские чтения «Анахарсис», (Крым, Новый Свет, 2019-2022); Всероссийская конференция «Историк и историография» (Саратов, 2019); Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (Санкт-Петербург, 2019, 2021); Международный научно-культурный форум «Дни философии в Санкт-

Петербурге» (Санкт-Петербург, 2019); Всероссийская научная конференция «Революция и эволюция в науке: модели развития в науке, культуре, обществе», (Нижний Новгород, 2019, 2021); Всероссийская научная конференция «Тревожное общество и чувствительная социология» (Санкт-Петербург, 2019); Всероссийская конференция «Историческая память: мировоззренческие траектории и практики ответственности», (Саратов, 2020), Международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья» (Санкт-Петербург, 2020, 2021); Всероссийская конференция «Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель», (Москва, 2020); Второй международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (Санкт-Петербург, 2020); Всероссийская (с международным участием) конференции «Утопические проекты в истории культуры» (Ростов-на-Дону, 2018-2020); Межрегиональные Пименовские чтения «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа» (Саратов, 2020-2021); Международная конференция исследователей рисованных историй «Изотекст», (Москва, 2020); Международная конференция «История понятий: эпистемологические традиции и методологические новации» (Москва, 2020); Международная конференция «Μανία и Ψυχή: девиации в культуре» / "Мания и душа": девиации в культуре» (Москва, 2021); Международная конференция «Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления» (Саратов, 2021); Конгресс Международной ассоциации гуманитариев «Преобразуя культуру» (Минск, 2021); Конгресс антропологов и этнологов России (Томск, 2021); Международная конференция «Конструирование прошлого» (Санкт-Петербург, 2021); Международная конференция «Информационные технологии и их влияние на внутреннюю политику государства и международные отношения» (Москва, 2021); Международная конференция «Архитектоника современного искусства в дискурсе медиа: пространство, технологии, агенты» (Санкт-Петербург, 2021); Международный герменевтический конгресс «Смех и юмор в глобализирующемся мире» (Санкт-

Петербург, 2021); Всероссийская конференция «Историческая ответственность: мемориальные практики и теоретические модели» (Саратов, 2021); Международная конференция «Миф в истории, политике, культуре» (Севастополь, 2020-2021); Всероссийская конференция «Защитить и обустроить Россию: к 800-летию со дня рождения Александра Невского» (Саратов, 2021); Международная конференция «Политика памяти в сети» (Санкт-Петербург, 2021); Международная конференция «Бренное и вечное: мифология и социальные технологии цифровой цивилизации» (Новгород, 2021); Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире» (Москва, 2022); Всероссийская конференция «Нормативность в философии киноискусства» (Волгоград, 2022); XI Международная научная конференция «Искусственный интеллект в сфере современной гуманитаристики» (Саратов, 2023); Всероссийской научной конференции с международным участием «Биополитические технологии власти: теория, идеология, институциональные практики» (Новгород, 2023); Всероссийская научно-практическая конференция «Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски» (Саратов, 2023)

Основное содержание работы отражено в публикациях автора: 70 работ общим объемом 53 печатных листа, из них 1 авторская и 3 монографии в соавторстве, 17 статей в журналах, входящих в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, двенадцати параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1. Методологические основания социально-философского анализа медиапамяти

1.1. Парадигмальные основания коммуникационного подхода к исследованию коллективной памяти⁷³

Осмысление феномена памяти имеет давнюю традицию. Понимание природы запоминания и воспроизведения воспоминаний было составной частью многих философских систем, которые сосредотачивались на объяснении социальных процессов и человека как коллективного существа. Несмотря на доминирование внимания к изучению памяти как индивидуальной, принадлежащей исключительно индивиду и определяющей его личное мировоззрение, все же прослеживалось стремление к выработке теорий, объясняющих существование коллективных воспоминаний и общих для больших групп людей представлений о прошлом. Концепция анамнесиса античного философа Платона предполагала не только возможность припоминания как соединения переживания, обусловленного прошлым биографическим опытом, и восприятия настоящего⁷⁴, но и наличие Мировой души, порождающей прототипы всех вещей и являющейся, по сути, хранилищем знаний о скрытой действительности, отсутствующих вещах, которые способна увидеть душа человека путем умопознания. Мировая душа — это и есть надиндивидуальная память. Аристотель в своем трактате «О памяти и припоминании» связывал воспоминания с чувственным восприятием образов прошлого и воображением. Устранив идею платоновской Мировой души, он связывал припоминание со способностью создавать образы путем воплощения неких бесплотных флюидов внешнего мира вещей. Так появилась идея чистого

⁷³ В данном параграфе использованы материалы статьи: Артамонов Д. С., Устьянцев В. Б. Коммуникационный подход к исследованию социальной памяти // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11(103). С. 13-17. DOI 10.24158/fik.2022.11.1

⁷⁴ В диалоге «Федон» Сократ даёт такое определение этому типу воспоминания: «всякий раз, когда вид одной вещи вызывает у тебя мысль о другой, либо сходной с первой, либо не сходной, — это припоминание» (Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. ред. А. Ф Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1999. С. 27.)

мыслительного акта, которая затем в поздней схоластике и метафизике Нового времени превратилась в концепцию чистого разума⁷⁵.

Августин Блаженный рассматривал память как важную часть души человека наряду с разумом и волей, но именно в ней, по его мнению, была заключена идея Бога, что сближало его размышления с мыслями Платона⁷⁶. Фома Аквинский считал человеческий разум состоящим из *intelligentia* (понимания), *amor* (любви) и *memoria*, которая включает в себя память о прошлом, конструирующую отношения живых и мертвых, через написание биографий, портретов, создания скульптур и надгробий, т. е. определенное социальное действие⁷⁷.

В эпоху Нового времени, а особенно в XVII в., интерес к проблематике памяти, как показал Ф. Йейтс, не только не угасает, но и обретает новое развитие, например, в работах Френсиса Бэкона и Рене Декарта, которые упражняли свой ум в «искусстве памяти и размышляли о способах его усовершенствования»⁷⁸. Однако, эти размышления касались в основном индивидуальной памяти, и только в XVIII в. Джамбаттиста Вико в труде «Основания новой науки об общей природе наций» изложил свое представление о движущих силах коллективной памяти, опираясь на осмысление природы мифа и метафоры. По его мнению, память непосредственным образом связана с воображением, создающим метафоры, которые легко запоминались и воспроизводились, распространяясь среди людей, формируя определенную картину мира⁷⁹. Таким образом, уже у

⁷⁵ Макаров А. И. Платон и современная теория надиндивидуальной памяти // Деконструкция: Материалы семинаров и конференций по проблемам современной философии и социологии (вып. 2) / под. ред. А. Г. Дугина. М.: Евразийское движение, 2011. С. 219-220.

⁷⁶ Савельев А. Е. Концепции памяти в воззрениях античных и средневековых мыслителей // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1(27). С. 119.

⁷⁷ Романовская Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. № 1(57). С. 102.

⁷⁸ Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: «Фонд поддержки науки и образования "Университетская книга"», 1997. С. 453, 460.

⁷⁹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М. – Киев: «REFL-book»-«НСА», 1994. 369 с.

Дж. Вико появляется идея коммуникационной природы коллективных представлений, выражаемых при помощи мифа и метафоры.

В XIX в. понимание памяти как коллективного феномена все чаще встречается в философских и научных трактатах. Ф. Ницше связывал память с общими для всех людей представлениями о совести и морали, манифестирующими саму природу человеческого и создающими человека как историческое существо⁸⁰. По его мнению, эпигоны, «последыши» сильных поколений «представляют собой ходячую память», воспоминания которых «без наследников не имеет никакой цены»⁸¹. Немецкий историк И. Г. Дройзен видел в воспоминаниях сущность, удовлетворяющую потребность не только человека, но и общества, и отсюда же выводил предмет и признак истории, как науки, выражающей общественные интересы⁸². К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отмечал, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁸³, тем самым полагая все события, которые происходят с людьми в настоящем, predetermined прошлыми обстоятельствами, ограничивающими людей в творении истории.

Для В. Бенямина, примыкающего к марксистской традиции, символом отношения к памяти стала фигура коллекционера или археолога. Он считал, что «всякий, кто хочет разобраться с собственным нераскопанным прошлым, должен вести себя, как человек с лопатой», потому что только так можно получить образы прошлого, лежащие «как сокровища, в прекрасно освещенных комнатах позднейших догадок, наподобие торсов в галерее коллекционера»⁸⁴. Эта

⁸⁰ Шевцов К. П. Память и генеалогия субъективности у Ф. Ницше // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-3(38). С. 206-210.

⁸¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. С. 209.

⁸² Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47-55.

⁸³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1954 Т. 8. С. 119.

⁸⁴ Цит. по: Emden C. J. 'Nachleben': Cultural Memory in Aby Warburg and Walter Benjamin // Cultural Memory: Essays on European Literature and History / E. Caldicott, A. Fuchs (eds.). London: Peter Lang, 2003. P. 209–224.

метафора характеризует не только полет воображения философа, но и его идею понимания истории через перемежающиеся исторические слои, которые представляют собой символические фигуры прошлого. По его мнению, прошлое существует не в фактах, а в символах, делающих его присутствие неосознанным, опирающимся на традицию и интерпретации, что требует воображаемой реконструкции⁸⁵. Символизация прошлого у В. Беньямина стала ответом на попытки философов XIX в. понять социальную природу истории, выражаемую в коммуникативном действии по созданию коллективных символических образов.

В некотором роде А. Варбург развил идеи В. Беньямина, он полагал, что память состоит из проявлений исторических традиций, которые ритуализируются и припоминаются в конкретных социальных ситуациях. Она представляет собой понятие, с помощью которого описываются неосознанные следы прошлого, потайные взаимосвязи и символические репрезентации представлений о прошедших временах. Вывод А. Варбурга в отношении памяти заключался в том, что ее не следует рассматривать только как наследственный биологический или психологический процесс, а надлежит видеть в ней след прошлого, «оттиск», существующий как визуальный, картинный символ⁸⁶. Образы прошлого окружены символическими пережитками, существование которых неизбежно влияет на историческое воображение, создающее картину истории из различных напластований культурных слоев. А. Варбург рассматривал социальную память в культурологическом контексте, считая, что ее следы запечатлены в языке жестов и образов, составляющих основу социально-культурного функционирования общества. Поэтому он видит культуру как «сообщество памяти», а историю как процесс припоминания значения символа⁸⁷. Идеи А. Варбурга предвосхитили культурологический подход к пониманию коллективной памяти, но также в его построениях можно

⁸⁵ Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 2000. № 4. С. 83.

⁸⁶ Gombrich E. H. *Aby Warburg: Eine intellektuelle biography*. Oxford: Phaidon, 1986. P. 105–127.

⁸⁷ Васильев А. Теория социальной памяти Аби Варбурга. Между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1-2. С. 16-39.

увидеть понимание коммуникационной природы представлений о прошлом, формирующихся в момент создания символического объекта.

Дж.Г. Мид рассматривал память все еще как феномен индивидуального сознания, но он полагал, что ее содержание и внутренняя организация определяются инструментами культуры, социальными нормами и социально-политическим контекстом⁸⁸. Прошлое, в его концепции, постоянно переписывается и реинтерпретируется в настоящем, однако, с прошедшими событиями связана некая окончательность и неотменяемость, но они добавляются к каждому отчету о событии, и вся их значимость «принадлежит к тому же миру в опыте, к которому принадлежит и этот отчет»⁸⁹, что означает конструирование прошлого. Присутствие прошлого в настоящем явлено в памяти и «расширяющем память историческом аппарате», обуславливающим его отражение в сознательном опыте индивида. С точки зрения Дж. Г. Мида прошлое представляет собой конструкцию, имеющую отношение не к событиям, а к «интерпретации настоящего в его обуславливающем прохождении»⁹⁰, в настоящем же заключены материалы, из которых конструируется прошлое, поэтому оно варьируется и никогда не бывает окончательным. Открытия прошлого всегда подвергаются возможным переформулировкам в результате нахождения новых свидетельств, и даже самые убедительные и устойчивые образы могут быть ошибочными, что приводит к отсутствию уверенности в совпадении сконструированного и реального прошлого, так как реконструкции прошедших событий зависят от настоящего, которое само является конструируемым. Конструктивистский подход Дж. Г. Мида во многом предопределил понимание коллективной памяти как коммуникационного

⁸⁸ Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1(20). С. 182. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187.

⁸⁹ Мид Дж. Г. Философия настоящего / под ред. А. И. Мерфи. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 45.

⁹⁰ Там же. С. 70.

феномена, так как конструирование прошлого возможно только при социальном взаимодействии.

Концепция памяти А. Бергсона исходит из интуитивистских предпосылок и традиций философии жизни, подкрепляя эволюционную теорию, согласно которой опыт восприятия невозможно транслировать за пределы индивидуального. Он выделяет два типа памяти, первый из которых фиксирует события и структурирует их, распределяя по шкале времени, а второй отвечает за спонтанное запоминание того, что случайно оказывается в поле зрения человека. Первый тип памяти обусловлен естественной необходимостью фиксации происходящего с целью обеспечения автоматических действий, реагирующих на внешнюю среду. Это свойство памяти приводит к появлению истории как формы коллективной памяти, но в виде набора статистических безжизненных фактов, слабосвязанных друг с другом и человеком. Второй тип памяти отвечает за содержательность, целостность, а также непосредственность воспринимаемых и передаваемых образов. Он отвечает за принятия важных решений и формирует внутренний личностный опыт, порождаемый спонтанными воспоминаниями, которые и составляют саму суть памяти⁹¹. По мнению А. Бергсона, событийность создается действиями конкретных людей и связана с их индивидуальным опытом, который находится в оппозиции коллективным представлениям⁹². Однако, именно эта оппозиционность индивидуальной и коллективной памяти позволяет говорить о наличии коммуникации между ними, так как даже противостояние предполагает коммуникационный акт.

Природу коллективных представлений как социального феномена раскрыл в своих работах Э. Дюркгейм. Он трактовал их как результат конвергенции представлений о мире многих поколений людей, объединенных социальной

⁹¹ Котунова О. В. Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия // Философия и общество. 2021. № 1(98). С. 97. – DOI 10.30884/jfio/2021.01.05

⁹² Бергсон А. Материя и память // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.

деятельностью. Исследователь полагал, что для создания коллективных представлений «бесчисленное множество разнообразных умов соединяли, смешивали, комбинировали свои идеи и чувства; длинные ряды поколений аккумулировали в них свои знания и опыт»⁹³. К ним он относил, прежде всего, понятия языка, которые выражают объяснение социальной реальности⁹⁴ и культурные артефакты, так как коллективные представления носят символический характер, отражая социальную реальность в словах, предметах, изображениях, ритуальных практиках⁹⁵. В связи с последними Э. Дюркгейм обращается к мемориальной проблематике, по его мнению, «сущность ритуала заключается исключительно в том, чтобы воззвать к прошлому и в некотором роде вновь вернуть его в настоящее»⁹⁶. Религиозный ритуал носит коммеморативный характер, воссоздавая мифическую историю предка или события и принимает форму паломничества по памятным местам, которые проходят участники обряда. Обряды закрепляют в памяти коллективные представления и обновляют чувство группового единства и самоидентичности. Коммеморативные ритуалы являются важным фактором мемориальной социализации членов общества, служащей для поддержания существования социального организма и сохранения коллективной идентичности. По мнению Э. Дюркгейма, социальная группа оказывает давление на каждого из своих членов, не позволяя им свободно судить о понятиях, выработанных сообществом⁹⁷, обеспечивая свое единство и формируя идентичность через практики коммеморативных ритуалов, являющихся основным медиумом

⁹³ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Классики мирового религиоведения: антология: в 2 т.; сост. А. Н. Красникова. М., 1998. Т. 2: Мистика. Религия. Наука. С. 194.

⁹⁴ Durkheim E. The elementary forms of religious life / trans. by J. W. Swain, introduction by R. Nisbet. London: George Allen and Unwin Ltd., 1976. p. 435

⁹⁵ Сульжицкий И. С. К обоснованию дюркгеймианской программы в современных memory studies: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 68.

⁹⁶ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris: PUF, 1990. P. 531.

⁹⁷ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 72

коллективной памяти, сохраняющем и воспроизводящем представления о прошлом⁹⁸. Понимание коммеморативного ритуала как посредника в формировании коллективных представлений о прошлом предвосхищает применение коммуникационного подхода к пониманию феномена коллективной памяти.

Исследования различных видов коллективной памяти традиционно восходят к идеям М. Хальбвакса о существовании неких общих представлений о прошлом, обусловленных социальными рамками. Опираясь на идеи Э. Дюркгейма, он показал встроенность индивидуальных воспоминаний в социальный контекст. М. Хальбвакс считал, что «индивид вызывает в памяти свои воспоминания при помощи рамок социальной памяти»⁹⁹, индивидуальное мышление способно к воспоминанию только потому, что оно заключено в коллективные рамки, которые служат орудием для «воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества»¹⁰⁰. Различные группы, на которые оно делится, способны реконструировать свое прошлое в любой момент и транслировать эти представления на всех своих членов, а индивид в процессе воспоминания всегда встает на точку зрения группы. М. Хальбвакс понимает под социальной рамкой комплекс устойчивых пространственно-временных и коллективных представлений, опосредованных языком, которые позволяют вспоминать что-либо¹⁰¹. Социальные рамки, предоставляя возможность реконструировать прошлое, одновременно и деформируют его, так как воспоминание всегда производится в интересах настоящего определенного сообщества. Средства для реконструкции прошлого индивиду могут предоставить группы в любой момент, для этого необходимо лишь принять их образ мыслей.

⁹⁸ Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141-167.

⁹⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. Москва: Новое изд-во, 2007. С. 336.

¹⁰⁰ Там же. С. 30.

¹⁰¹ Там же. С. 138.

М. Хальбвакс не создал стройной теории социальной памяти, предпочитая говорить в своей работе о коллективной памяти, отдельной от памяти индивидуальной, и социальных рамках памяти. По всей видимости он, стремясь разделить индивидуальную и коллективную память, не представлял нужным различать последнюю с социальной памятью. Также в более позднем своем исследовании о соотношении памяти и истории понятия исторической и социальной памяти он употребляет как синонимы, противопоставляя традицию, интегрирующую индивидуальные воспоминания в структуры коллективной памяти, и историю, понимаемую как собрание фактов, реконструируемых тогда, когда уходят свидетели сохраняющие о них воспоминания¹⁰². Из этого можно понять, что М. Хальбвакс был склонен соотносить коллективную (социальную, историческую) память с устной коммуникацией, а историю с фиксацией событий в письменных текстах.

Социальная природа памяти была очевидна и А. Шюцу, который считал, что воспоминания являются формой конструирования социальной реальности и формирования социального опыта. По его мнению, человек родившийся и живущий в социальном мире соизмеряет свои действия с «современниками» и «предшественниками», чьи прошлые поступки и их следствия он интерпретирует, опираясь на «самые разнообразные формы интимности и анонимности, знакомости и чуждости, интенсивности и экстенсивности»¹⁰³. Представления о «другом» человеке и его поведении конструируются на основе прошлого восприятия людей и их действий, сформированных в результате получения различными индивидами схожего опыта и повторяющихся впечатлений. Когда человек опускает письмо в почтовый ящик, предполагая дальнейшие действия других людей по его доставке, подчиняется правилам грамматики «чужого» языка, чтобы быть понятым, и делает выводы о наиболее

¹⁰² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 23.03.2023)

¹⁰³ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. Социологические исследования. 1988. №2. С. 131.

вероятном отношении других людей к событиям, основываясь на их прошлом, он исходит из убеждения, что люди пользуются типичными средствами для достижения типичных целей. Типичность определяется социальной группой с общим набором воспоминаний. Человек, совершая социальное действие, учитывает поведение других и ориентируется на прошлые переживания, как на свои собственные, так и групповые. В социальном взаимодействии он руководствуется теми же типами мотивов, которыми в прошлом руководствовались многие другие в типически сходных обстоятельствах. По мнению А. Шюца, «образцы типизированных конструктов часто обращаются в стандарты поведения, поддерживаемые традиционными, привычными, а иногда и специальными средствами социального контроля, например правом»¹⁰⁴. Таким образом, хотя А. Шюц и предполагает, что человек руководствуется в своем поведении индивидуальными воспоминаниями из своего прошлого опыта, сам этот опыт формируется в ориентации на Чужого в ближайшем или более широком окружении и воспроизводит отошедшие в прошлое переживания в памяти о взаимоотношениях с другими людьми, причем типичные переживания становятся социальными нормами, конструирующими социальную реальность. Тем самым, А. Шюц подходит в мысли о том, что пространство «жизненного мира» человека создается на основе воспоминаний и представлений о прошлом малых социальных групп, которые определяют его социальное поведение.

Питер Бергер и Томас Лукман, следуя за А. Шюцем, создают развернутую теорию социального конструирования реальности, где памяти отводится одно из ключевых мест. Исследователи отмечают, что индивид воспринимает наличный институциональный мир в качестве объективной реальности, но история этого мира, существовавшая до его рождения и будущая существовать после смерти, недоступна индивидуальной памяти. Объективная история общества, где индивидуальная биография лишь небольшой эпизод, воспринимается как традиция существующих институтов, имеющих характер неоспоримых

¹⁰⁴ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 21.

фактов¹⁰⁵. Социальная реальность является исторической в том смысле, что она наследуется новыми поколениями через традицию, а не индивидуальную память. Если творцы социальной реальности могут восстановить обстоятельства, в которых создавался весь мир или любая его часть, благодаря своей памяти, то их потомкам первоначальный смысл институтов будет недоступен непосредственно, и его придется истолковывать в различных формулах легитимации, заучивающихся новыми поколениями в процессе социализации и установления институционального порядка¹⁰⁶. В сознании индивида присутствует лишь небольшая часть человеческого прошлого и его сохранение возможно только застывшим в памяти и объективированным в знаковой системе, которая создает возможность повторных объективаций общего опыта. Перевод опыта в знаковую систему делает общедоступным человеческое прошлое для тех, кто владеет либо может овладеть ей. Знаковая система позволяет отделить опыт от первоначального контекста индивидуальных биографий и в таком виде он становится готовым к передаче другим поколениям¹⁰⁷. Знаковую систему Бергер и Лукман рассматривают как символический универсум, который упорядочивает историю. По их мнению, он связывает коллективные события в единое целое, по отношению к которому создается память, объединяющая всех тех, кто имеет отношение к данной общности. Символический универсум преодолевает конечность индивидуального опыта и соединяет индивидов с их предками и потомками в смысловом единстве¹⁰⁸. Индивид хранит в памяти реальности как своего прошлого, так и приобретенного через традицию коллективного, но «освежить» эту память он может только в общении с теми, кто разделяет соответствующие воспоминания¹⁰⁹. Воспоминая свою прошлую жизнь, историю общества и думая о будущем, индивид размышляет в контексте

¹⁰⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 100-101.

¹⁰⁶ Там же. С. 103.

¹⁰⁷ Там же. С. 113.

¹⁰⁸ Там же. С. 168-169.

¹⁰⁹ Там же. С. 252.

универсума, предельные координаты которого ему переданы социумом. Его воспоминания и восприятие социальной реальности определяются представлениями о прошлом, сложившимися сообществе, к которому он принадлежит. Таким образом, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман не просто развивают конструктивистский подход к пониманию памяти, намеченный Дж. Г. Мидом, они вписывают ее в социальный коммуникационный контекст, что позволило в дальнейшем Н. Луману рассматривать процесс конструирования представлений о прошлом как коммуникационный.

Создавая общую теорию социальных систем, Никлас Луман также исходил из идеи социального конструктивизма, полагая, что социальная реальность конструируется медиа в процессе коммуникации. Рассматривая общество как социальную систему, он предполагал, что ей необходима память или некая «функция памяти» (memory function), которая передает в распоряжение системы ее прежние состояния, прошедшие отбор в результате селекции, т. е. подвергшись процессам воспоминания и забывания, и актуализирует их. Социальная система общества складывается из повторения определенных операций, которые являются коммуникацией. Последовательный порядок коммуникации формирует упорядоченную память, расчленяя ее на темы. Система коммуникаций, благодаря применению собственных средств коммуникации, как полагал Н. Луман, может создавать свою собственную память, отдельную от памяти психических систем, внешнюю по отношению к нейрофизиологическим процессам индивидов. Система общества через соответствующие институты накопления (например, письменность) аккумулирует опыт через повторение ситуативных впечатлений и выстраивает память, позволяющую осмыслять себя и окружающий мир. В собственной памяти социальная система имеет отправные точки, которые позволяют разрешать неопределенности как внутри нее, так и во вне, сопрягаясь с действительностью. Механизмами сопряжения выступают язык и «схемы» (фреймы, скрипты, прототипы, стереотипы, когнитивные карты, имплицитные теории), эти смысловые комбинации в социальных и психических системах

служат для образования памяти, в которой забываются собственные операции (коммуникации), но сохраняются в схематизированной форме то, что может быть использовано повторно. В сопряженных системах коммуникации выстраивается дифференциация с окружающим миром, покоящаяся на внутрисистемной памяти, отвечающей за воспоминание или забывание собственных операций. Забывание разгружает социальную память, чем обеспечивает возникновение условий для новых коммуникаций, а воспоминание способствует системообразованию на основе коммуникации, предполагая повторную употребляемость, иначе говоря, память. Социальная память востребована в социальных ситуациях, возникающих на протяжении длительных промежутков времени, она, по мнению Н. Лумана, не может пониматься только как функция обеспечивающая возможность запоминания прошлых состояний и событий с последующим их воспроизведением в новых условиях. Память используется всегда в настоящем, при актуальных операциях, поэтому ее функция заключается не в сохранении прошлого, а в регулировании отношений воспоминания и забвения и дифференциации прошлого и будущего, что делает возможным событийность коммуникации. Коммуникационная система обеспечивает эволюцию социальной системы общества в каждой своей операции, воспроизводя смысл и знание, которую черпает из собственной памяти, используя формы культуры. Культура оказывается фильтром забвения/запоминания, она задействует прошлое для установления рамок варьирования будущего и, по сути, является памятью общества¹¹⁰.

Культура как память системы общества позволяет при каждом акте коммуникации исходить из определенных известных положений о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать их. Во всех операциях общественной системы проявляется воздействие памяти, делающей реальность непротиворечивой, так как она опирается на известный мир. Однако, система для своего развития нуждается как в памяти, так и в

¹¹⁰ Луман Н. Общество общества. К в. 1: Общество как социальная система. К в. 2: Медиа коммуникации. К в. 3: Эволюция. М: Издательство «Логос», 2011. 640 с.

открытом будущем, предоставляющем возможность колебания различных вариантов реальности. Комбинирование функции памяти и функции осцилляции предоставляют массмедиа. Общественное использование массмедиа для связывания прошлого и будущего связано с крайне высоким стремлением современного общества к избыточности и вариативности, без чего непрерывно реконструируемая реальность просто рухнула бы под тяжестью внутренних противоречий. Массмедиа, предоставляя целостную и актуализированную информацию, порождают память, которая функционирует внутрисистемно и выполняет соответствующие функции для окружающей общественной системы. Они организуют память коммуникации, сопрягая коммуникативные акты в комплексы взаимосвязанных элементов, делая понятным оставлять, развивать или изменять темы текущей коммуникации. Массмедиа, придавая определенное значение сообщениям при помощи того, как они это делают, решают, что должно остаться в памяти, а что имеет лишь ситуативную значимость и должно уйти в забвение¹¹¹. Таким образом, Н. Луман одним из первых выдвинул предположение о ведущей роли медиа в конструировании коллективной памяти.

Другой теоретик медиа, Маршалл Маклюэн, предложивший их расширительное толкование, предполагал вслед за поэтом Стефаном Малларме, сочинившем метафору «весь мир от начала и до конца существует в книге», что Всё будет перенесено в память компьютера.¹¹² Компьютер сменил книгу, что можно воспринимать в данном контексте как символ цифровой медиатизации, ведущей к модификации памяти. М. Маклюэн отмечал, что человек, обладая особым аппаратом передачи и трансформации информации, имеет возможность сохранять накопленный человечеством и свой собственный опыт, но эта его способность одновременно является также средством трансформации этого опыта. Новые средства коммуникации, как он показал на примере появления

¹¹¹ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.

¹¹² Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 33.

письма и книгопечатания, никогда не являются простым добавлением к старому, они не оставляют в покое прежние коммуникационные каналы, подавляя их до тех пор, пока им не найдется новое положение и они не обретут новые формы. Рукописная культура поддерживала устную традицию диспутов в сфере образования, пока была не внедрена процедура обучения по единому печатному тексту, а после этого с схоластическим режимом разговорных жанров было покончено. В то же время, печать дала письменной культуре «огромную новую память, на фоне которой индивидуальная память стала неадекватной»¹¹³. Появление электрических технологий также имело глобальные последствия для языка и, следовательно, для индивидуальной памяти, они сделали ее еще более ненадежной, нерелевантной, она стала более зависимой от печатного текста, переведенного в электронный формат. При переходе от устной речи к письму, человек стал заполнять свою память образами книжной рукописной культуры, а с появлением печати культурная память стала преобладать в структуре индивидуального и коллективного сознания. Электрические технологии подготовили перевод артефактов и текстов в виртуальный формат, обладающий символической визуальной характеристикой, что приводит к очередной трансформации памяти под воздействием новых средств коммуникации.

М. Маклюэн отмечал, что тенденция к визуализации повлияла на чувство времени. Появление письменности у древних греков привело к возникновению представлений о хронологическом порядке и однонаправленном движении событий¹¹⁴. Ссылаясь на Бернарда ван Гронингена, М. Маклюэн показывает, что идея прошлого была для греков, несомненно, новым явлением, зарождение которого он связывает с визуализацией хронологии, возникшей благодаря фонетическому письму. основополагающие компоненты визуального мира гомогенность, однородность, воспроизводимость они стали использовать «как

¹¹³ Там же с. 88.

¹¹⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М.: Акад. Проект; Фонд "Мир", 2005. С. 84.

своего рода мост, перебрасываемый от настоящего к прошлому»¹¹⁵. Визуализация хронологии позволила Геродоту освободиться от мифологических спекуляций и использовать прошлое для объяснения настоящего, а новые эмпатические методы искусства и культурного анализа сделали возможным не только созерцать общества прошлого, но и воссоздавать их¹¹⁶. Тем самым, М. Маклюэн утверждает непосредственное влияние коммуникационных технологий на возможность человеческого сообщества обладать памятью, чтобы воспроизводить прошлое в настоящем.

Необходимость такого воспроизводства обосновал Ханс-Георг Гадамер в работе «Истина и метод». В памяти философ видел не просто психологическую способность, а важнейший элемент конечного исторического существования человека. Он полагал, что не верно рассматривать память как душевное устройство для достижения опыта и знаний, так как механизмы памяти «принадлежат к историческим состояниям человека и сами образуют часть его истории»¹¹⁷. Приводя в пример высказывание Цицерона, который называл историю жизнью памяти, Гадамер утверждал, что история и теоретический разум представляют собой два источника истины, где первый является источником убедительных примеров для философствующих, а второй — управляет человеческими страстями. Память «образовывается», так как в ней происходит отбор того, что следует хранить, а что полагается забыть. Память Гадамер вслед за Ф. Ницше рассматривает как условие жизни человечества, получающего благодаря забыванию возможность тотального обновления, а сохранение в памяти и воспоминание обеспечивают восприимчивость к ситуации и поведению внутри нее. В памяти конструируется переживание, под которым Гадамер понимает и жизненный процесс вообще и единицу бытия. К примеру, рукописный текст, являющейся носителем предания, не просто

¹¹⁵ Там же. С. 87.

¹¹⁶ Там же. 89.

¹¹⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 57.

осколок ушедшего мира, а свидетельство непрерывности памяти. Благодаря ей предание становится частью современности, а нам делаются доступны исчезнувшее человечество и его «всеобщее отношение к миру»¹¹⁸. Отсюда Гадамер делает вывод, что понимание того или иного явления мира зависит от соотнесения исторического документа (текста) с исторической ситуацией, в которой он создан и в которой воспроизведен вновь. Для того, чтобы истолковывать, интерпретировать, оценивать факты, события и процессы, нужно обладать неким «историческим пониманием» или «предпониманием», понимать историческую ситуацию, в которой человек живет и действует, уяснить имеющиеся в нем самом «предрассудки», «вжиться» в «текст», «почувствовать» его и понять исторические обстоятельства, в которых разворачивались события прошлого¹¹⁹, т. е. познание возможно через погружение в контекст коллективной памяти прошедших веков и осмысление современных коллективных представлений. Тем самым, понимание жизни возможно только через воспроизведение прошлого в настоящем при помощи механизмов памяти, рассматриваемой не только как психологическое свойство индивида, а способ коллективного бытия человечества.

Критикуя Гадамера за излишний традиционализм в осмыслении способов обращения к истории, Ю. Хабермас утверждал, что в основе формирования представлений о прошлом и исторического сознания лежат коммуникативные практики. По его мнению, Гадамер убедительно показал как герменевтическое усилие, которое направлено на преодоление временного и культурного расстояния в постижении прошлого, зависит от межличностного соглашения, но в целом оно ориентируется на традицию, выбираемую индивидом для конструирования своей идентичности. В то же время, полагал Ю. Хабермас, в современном мире продолжение традиций избирательно и эта избирательность

¹¹⁸ Там же. С. 454.

¹¹⁹ Там же. С. 349, 386.

«процеживается сквозь фильтр критики, продуманного овладения историей»¹²⁰, т. е. осознания исторических процессов. Продуктивность понимания прошлого зависит от ориентации участников межличностных соглашений придавать одинаковым высказываниям одно и то же значение, а возникновение интерпретаций, в том числе и ложных, предопределяется коммуникативным действием, направленным на достижение консенсуса в постижении истории. В коммуникативных актах, направленных на понимание или предпонимание, основаниями познания выступают исторические традиции, интеракция, языковая игра, диалог, текст. Рамки описания и понимания прошлого задаются коммуникативным действием, представляющим собой символически опосредованную интеракцию, которая также является основой исторического процесса производства социальной реальности. В современном мире со времен возникновения раннебуржуазного общества индивид, будучи свободным и мобильным в экономическом отношении, в культурном смысле становится «обязанным» посещать школу, учиться читать и писать, а потому попадает в «фарватер массовой коммуникации и массовой культуры»¹²¹, которые формируют коллективную идентичность, через повествовательное конструирование событий, имеющих смысл по мнению коллектива. Эти повествовательные конструкции о прошлом позволяют индивиду ориентироваться в собственных поступках, удовлетворяют потребность в самоутверждении и самоподтверждении и определяют будущие перспективы. Его коллективная идентичность определяется фоном прошлого, центрированного на национальной истории, а историческое сознание амбивалентно всякой традиции, в том смысле, что доступно и для варварской

¹²⁰ Хабермас Ю. Границы неисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 146.

¹²¹ Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 119.

стороны культурных достижений, т. е. оставляет место этически негативным проявлениям человеческой культуры.

Массовая коммуникация и массовый туризм, по мнению Ю. Хабермаса, постепенно расширяют оптику восприятия прошлого, настроенную на групповую мораль и традицию, скроенную по мерке собственной территории, до размеров всемирности. Образы врага и стереотипы отгораживающие от Другого все меньше влияют на обращение к разным временам прошлого, что приводит к исчезновению альтернатив морального сознания и нивелировки его в сторону универсальности. Образцовое прошлое обесценивается и заставляет обнаруживать моральные принципы, «нормативным образом содержащие современный опыт и современные жизненные формы»¹²². Культ нового и прославление актуальности порождает субъективно заполняемое прошлое в мобильном обществе, новое осознание времени которого приводит к ускорению истории, неопределенности и случайности будущего, а также тоске по соблюдению границ настоящего, мимолетных и эфемерных в современном мире. Такое осознание времени не является антиисторичным, но обращается «против ложной нормативности понимания истории, черпающегося из подражания образцам»¹²³, оно пользуется объективированным прошлым, но превращает его в наличное, восстав против стандартов историзма, пытавшегося запереть историю в музей. В западной культуре новое осознание времени формируется с конца XVIII века, когда понятием «Новое время» стало обозначаться не грядущая эпоха дня Страшного суда, а современность, наша собственная эпоха. Это ознаменовало разрыв с прошлым, который повторяется в каждый настоящий момент, так как современность каждый раз понимается как переход к новому, и породило ускорение исторических событий и ожидание инакового» будущего. История начинает восприниматься как процесс, порождающий проблемы, в котором время выступает в качестве скудного ресурса, ориентированного на

¹²² Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Хабермас Ю. Там же. С. 88.

¹²³ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Там же. С. 11.

будущее и решение проблем, доставшихся из прошлого. Поэтому оно перестает быть образцовым, в том смысле, что на него уже невозможно ориентироваться в настоящем без всяких сомнений. Эпоха модерна порождает конкурирующие образы других эпох, где настоящее возможно только как продолжение традиций на пересечении их с новаторством, но ожидание предстоящего нового исполняется только благодаря памяти о прошлом¹²⁴.

Осознание времени, свойственное модерну, Ю. Хабермас вслед за Р. Козеллеком видит в увеличении различий между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания». Для такого сознания взгляд, ориентированный на будущее, направляется из настоящего в прошлое, и их историческая связь характеризуется непрерывным рядом совершающегося предания, в который внедрено революционное действие, что приводит к доминированию горизонта ожидания над требующим усвоения потенциалом исторического опыта¹²⁵. Всем прошлым эпохам прописывается некий горизонт неисполненных ожиданий, а современности, направленной в будущее, предлагается задача переживать в памятовании прошлое, чтобы наполнить когда-то живые ожидания новым смыслом. Памятование включает современность в коммуникативную связь с универсальной исторической солидарностью, в которой современники видят себя отвечающими за актуальное настоящее как прошлое предстоящей современности. Модерное сознание становится перегруженным историческим знанием, а общество не отгораживается от собственных творческих возможностей в объяснении прошлого, оно образует с ним подвижное единство, которое и есть само общество.

Вывод: философская мысль, обращавшаяся к проблеме памяти, исходила из наличия не только ее индивидуального характера, но и существования надындивидуальных форм. Для философов было очевидно, что помимо воспоминаний, возникающих из личного опыта, в сознании присутствуют

¹²⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. С. 17.

¹²⁵ Там же. С. 19.

представления о прошлом, которые формируются социумом. Коллективные воспоминания имеют символический характер и отражены в языке, знаках, ритуалах, т. е. в коммуникативном социальном действии. Социальная природа памяти стала предметом изучения с конца XIX – начала XX вв., когда в работах А. Варбурга, А. Бергсона, Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса закладывались основы понимания коллективных представлений о прошлом. В работах Дж. Г. Мида, А. Щюца, П. Бергера, Т. Лукмана и Н. Лумана понимание коллективной памяти было вписано в теорию социального конструктивизма. Они полагали, что память играет определяющую роль в конструировании социальной реальности в ходе развития социальных отношений. Показав, как символическая знаковая система коллективной памяти работает в социальной системе, эти исследователи смогли объяснить ее коммуникационную природу. Это дало возможность теоретикам коммуникационного подхода М. Маклюэну и Ю. Хабермасу рассматривать коллективную память в рамках процессов коммуникации. Таким образом, коммуникационная парадигма исследования коллективной памяти является наиболее перспективной при ее изучении в современном цифровом обществе, так как социальный характер формирования коллективно разделяемых представлений о прошлом позволяет говорить об определяющем влиянии средств коммуникации на механизмы хранения, воспроизводства и забвения социально-значимой информации.

1.2. Проблема медиатизации коллективной памяти в предметном поле социально-философских исследований¹²⁶

Проблема конструирования представлений о прошлом в ситуации тотальной цифровизации, постправды, мемориального бума и медиатизации культуры ставит задачу изучения процессов трансформации форм коллективной

¹²⁶ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. С. 65-83. DOI 10.46539/gmd.v4i2.269; Артамонов Д. С., Сливная З. А. Цифровизация социальной памяти // *Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание* : Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 14–16 сентября 2022 года / Под общей редакцией В.Ю. Ефанова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 195-197.

памяти в медиасреде. Интеграция печатной культуры книги, традиционных средств массовой информации в цифровое пространство и рост социальных медиа, стремящихся захватить каждого человека в свою орбиту, приводят к изменениям в способах воспроизводства образов прошлого, являющихся основой формирования медиапамяти.

Электронные медиа (радио, кинематограф, телевидение и т. д.) запустили процесс медиатизации культурной памяти, а в условиях их цифровизации он стал более очевидным. Между тем, существующие теории культурной памяти основаны на анализе устной, рукописной и печатной традиций и подходят только для их описания. М. Ю. Лотман понимал культуру как ненаследственную память коллектива, связанную с прошлым историческим опытом. По его мнению, прошедшее дается в двух проявлениях, как непосредственная память текста и соотношение с внетекстовой памятью, т. е. культурным контекстом, и, хотя содержанием памяти является прошлое, она представляет собой инструмент мышления в настоящем. Тем самым, культурную память можно рассматривать как активный механизм иерархического структурирования текстов, увеличения их объема, перераспределения в ячейках структуры и забвения. Тексты содержат в себе возможности бесконечных интерпретаций, генерируя исторические образы, которые переносятся культурой в прошлое и, воздействуя на настоящее, осуществляют диалог между ними. Представляя память как библиотеку или компьютер, хранилища больших данных, М. Ю. Лотман видит ее генератором мыслимой реальности, переносимой сознанием в прошлое и воспроизводящим его заново. Он считает, что тексты, выполняя мнемоническую символическую роль, обладают способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать память о своих предшествующих контекстах. Устная культура позволяла сохранять лишь то, что прочно вошло в традицию, а письменная — исключительные события, оказавшие зафиксированными в текстах, индивидуализация которых позволяла плодить эти тексты в неограниченном количестве. Наличие этих текстов в культуре позволяет их актуализировать в современности, что составляет культурную память письменной эпохи.

Письменная культура ориентирована на прошлое, а устная – на будущее, что доказывается огромным значением предсказаний, гаданий и пророчеств, входящих в традицию дописьменных обществ. Тем самым, устная и письменная память противопоставляются друг другу в практиках работы с символическим прошлым¹²⁷.

Природа этого противопоставления, только намеченная М. Ю. Лотманом, раскрыта в Я. Ассманом. Он полагал, что прошлое может существовать только когда к нему обращаются, а для этого должны сохраняться его свидетельства и они должны отличаться от настоящего. В устной культуре хранилищем памяти о прошлом является язык, зафиксировавший традицию, в письменной — текст, запечатлевший определенный сложившийся канон воспоминания о прошлом. В культурной памяти прошлое сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание, направленное на фиксированные моменты в прошедшем. Этими фигурами воспоминания являются мифы, символы, ритуалы, образы, отраженные средствами коммуникациями. Коммуникативная система вырабатывает некую внешнюю область (коммуникативную и культурную память) куда выносятся на хранение сообщения, имеющие культурный смысл, и откуда они вызываются обратно по мере востребованности. В дописьменную эпоху внешнее хранилище остается тесно связанной с коммуникативной системой, и культурные смыслы практически совпадают с теми смыслами, которые циркулируют внутри группы одной эпохи. Изобретение письма произвело революционную трансформацию культурной памяти, она обособляется от системы коммуникации и усложняется, получая возможность выходить за рамки одного исторического периода. Устная память, включаясь в письменные практики воспроизводства прошлого, также не остается без изменений, она превращается в коммуникативную память, которая сохраняет воспоминания, связанные с недавним прошлым, и охватывает одно-два поколения. Я. Ассман разделяет культурную и коммуникативную память,

¹²⁷ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 363-370, 614-621, 673-675.

отмечая, что последняя задается рамками личного и коммуникативного опыта, и является предметом внимания устной истории (oral history), а первая воссоздает в воспоминаниях историю, имеющую обосновывающий характер, создавая и объясняя реальность прошлого в настоящем. Культурная память характерна и для дописьменных сообществ, имея своих носителей (шаманы, барды, жрецы) и способы конструирования прошлого (обряды, праздники), но в эпоху письменности она становится более структурированной, оформленной текстами, распространяясь благодаря целенаправленным действиями специалистов-хранителей (учителей, писателей, художников, ученых), использующих практики интерпретации текстов¹²⁸.

В эпоху традиционных «аналоговых» СМИ разделение коммуникативной и культурной памяти было еще более очевидно. Средства массовой информации, включая книгоиздательскую деятельность, стали трансляторами культурной памяти, проводниками исторической политики, монополизировав производство представлений о прошлом. Коммуникативная память существовала параллельно, выражая себя в устной истории, семейной памяти, городском фольклоре, шутках, анекдотах и т. п., иногда она противостояла культурной памяти, но все больше испытывала на себе влияние медиа. Одним из показателей этого процесса, например, было использование кинематографических и мультипликационных героев в советских анекдотах¹²⁹ или проникновение рекламных образов в массовую западную культуру¹³⁰.

Противопоставление коммуникативной и культурной памяти было основано на различии устной и письменной коммуникации, однако увеличение роли массмедиа в жизни общества и появление социальных медиа ее нивелировало. Невозможность разделения обеих форм коллективной памяти

¹²⁸ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 20-25, 52-59.

¹²⁹ Михайлин В. Ю. Бобер, выдыхай!: Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 55-60.

¹³⁰ Fowles J. Advertising and popular culture. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1996. 278 p.

привела некоторых исследователей к необходимости говорить о существовании коммуникативно-культурной памяти, возникновение которой обусловлено процессами медиатизации¹³¹. Объединение двух терминов при описании влияния новых медиа на коллективную память предполагает, что коммуникативная и культурная память продолжают существовать в условиях синкретизма символических и повседневных воспоминаний, а также целостности восприятия образов прошлого. Между тем, исследование процессов медиатизации показывает, что человек не вспоминает недавнее прошлое без медиа, а культура практически полностью интегрирована в медиaprостранство.

Феномен медиатизации привлек внимание исследователей с середины 1990-х гг., данный термин был использован впервые Дж. Б. Томпсоном для описания изменения роли медиа в современном обществе¹³². Медиа перестали быть институционально-организованными структурами, передающими информацию, они, имея возможность транслировать и навязывать культурные образы, начали определять содержание и форму социальных практик и взаимодействие аудиторий. Общество становится полностью зависимо от медийных технологий, а погружение человека в информационный поток создает предпосылки для определяющего влияния медиа на общественное сознание. Медиакоммуникационные институционализированные системы были не просто вовлечены в общую циркуляцию символов в социальной повседневности, они стали трансформировать окружающую среду и менять условия производства и восприятия медиасообщений. Медиатизация изменила человеческое общение, сделав большинство коммуникационных актов опосредованными. Преобразуя общественные отношения на всех уровнях социальной реальности, массмедиа

¹³¹ Сумская А. С., Свердлов С. А. "Аналоговое" и "цифровое" поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3(189). С. 39; Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. С. 20. DOI 10.15826/B978-5-7996-3074-4.0.

¹³² Thompson J. B. *The Media and Modernity: a Social Theory of the Media*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. 314 p.

трансформировали коммуникационные практики конструирования социального и культурного мира. Общество не только использовало медиатехнологии для репрезентации действительности, оно растворилось в медиа, и будучи в нем полностью представлено, стало зависеть от логики медиа. Средства массовой информации уже не могут рассматриваться отдельно от общественных институтов, общество насыщено медиа до такой степени, что они начинают определять социокультурную динамику и векторы развития. Медиа определяют картину мира человека, воздействуя на его мышление, они погружают его в среду, в которой происходит производство культурных кодов, позволяющих конструировать и деконструировать реальность¹³³.

Тотальное влияние медиа на общественное и индивидуальное сознание поставило вопрос о медиатизации памяти. Исследовательница медиа Жози ван Дейк, сфокусировавшись на изучении воздействия электронных технологий передачи информации на индивидуальную память пришла к выводу, что медиа и память трансформируют друг друга. В центре ее внимания была автобиографическая память, на примере которой ей удалось показать, как информационные технологии формируют ощущение прошлого, настоящего и будущего человека в отношении его с другими. Сравнивая традиционный бумажный дневник и интернет-блог, Ж. ван Дейк утверждала, что оба они служат не только средством коммуникации, но и инструментом самоформирования индивидуальной памяти, однако, основная функция блога заключается в возможности синхронизировать субъективный опыт пишущего с опытом других¹³⁴, тем самым, личное воспоминание при помощи медиатехнологий становится частью общего представления о прошлом. Будучи убежденной, что воспроизводство коллективного опыта прошлого возможно только через личную память, Ж. ван Дейк показывает, что оно опосредовано медиа. По ее мнению, воспоминания располагаются не только в сознании человека или только за его

¹³³ Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 195-200.

¹³⁴ Dijck van J. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford: Stanford UP, 2007. P. 72.

пределами, они сосуществуют одновременно, проявляя себя через сложные интеракции между сознанием и материальными объектами, размещенными в культурном пространстве. В связи с этим она признает, что культурные рамки задают структуру мышления и позволяют необработанный опыт восприятия прошедшего превратить в готовые структурированные воспоминания¹³⁵. Это заставляет исследовательницу обратиться к проблематике культурной памяти, она полагает, что появление новых визуальных технологий изменило способы восприятия действительности, а фотографии и домашнее видео оказывают определяющее воздействие на конструирование представлений о прошлом. Вместе с тем, эти визуальные объекты опосредованной памяти представляют собой воплощение социокультурных практик общества, конструирующих представление о прошлом в рамках социальной памяти¹³⁶. Ж. ван Дейк полагает, что культурные нормы, конвенции и существующие коммеморативные практики опосредованные медиа определяют способы производства воспоминаний, но она сосредотачивается в своем исследовании на изучении представлений о недавнем прошлом, ограниченном жизнью одного индивида, его поколения и современных ему медиа, т. е. ограничивается рамками коммуникативной памяти.

Этими же рамками ограничены работы сборника «On Media Memory. Collective Memory in a New Media Age», в котором ставится задача определения новой области исследований на пересечении интересов *memory studies* и *media studies*. Его редакторы М. Нейгер, О. Мейерс и Э. Зандберг предложили использовать понятие *media memory* (медийная память) по аналогии с коллективной памятью М. Хальбвакса, показав, что медиа функционируют в качестве одного из агентов памяти, реконструируя прошлое с помощью данных, взятых из настоящего. Большинство исследований сборника были основаны на анализе новостных текстов и визуальной медиаинформации, посвященной прошлому, в которых были показаны различные контексты конструирования

¹³⁵ Ibid. P. 40.

¹³⁶ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2019. С. 172-173.

воспоминаний. Авторы показали, как различные СМИ формируют разные версии прошлого, и что это различие зависит не только от социально-политического контекста, но и видов медиа. Характеристики конкретных средств массовой информации напрямую связаны с моделями воспоминаний, печатные газеты и журналы, радио и телевидение создают более устойчивые связи между событием, его репрезентацией и памятью, чем интернет-медиа, например, представители старшего поколения американцев смогли с уверенностью назвать СМИ, из которого они узнали о нападении японцев на Перл-Харбор, в отличие от молодежи, затруднившейся назвать источник своих сведений о террористических атаках 11 сентября 2001 г.¹³⁷.

Представленные в сборнике исследования сосредотачиваются на изучении роли журналистов, редакторов, маркетологов, рекламодателей, выступающих «изобретателями памяти» (в хальбваксовском понимании) и производящих ностальгические призывы к несуществующему прошлому. Они на основе различных сервисов строят свои идеи и версии прошлого, которые передаются более широкой аудитории. СМИ, конструирующие социальную реальность, опосредуют взаимосвязь между собранными репрезентациями событий и коллективной памятью, т.е. они создают взаимодействие между совокупными воспоминаниями многих людей и публичными представлениями о прошлом. Концепция сборника строится на стремлении авторов вписать память медиа в структуру коллективной памяти, а в совокупности с тем, что они ограничивают возможности СМИ в конструировании прошлого лишь относительно недавними событиями, отраженными в них, можно говорить о том, что в этом понимании медийную память можно считать коммуникативной памятью.

В своей относительно недавней статье М. Нейгер рассмотрел отношения между медиа и коллективной памятью, изучив шесть элементов этого феномена: разнонаправленное положение (от настоящего к прошлому и наоборот), конкретизацию в медиатекстах и других продуктах, функциональную роль в

¹³⁷ On media memory: collective memory in a new media age / Ed. by. M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 17.

обществе, социально-политические аспекты, технологические качества процесса медиатизации и нарратологические характеристики. По мнению автора, все эти элементы являются значимыми атрибутами культурной памяти, формируемой при помощи медиа в эпоху цифровых технологий¹³⁸. Исследование этих элементов, как полагал М. Нейгер, подтверждает определение медиапамяти, данное им в 2011 г. в проанализированном выше сборнике, как системного механизма конструирования коллективного прошлого посредством средств массовой информации, с тем дополнением, что в цифровую эпоху наблюдается более широкое использование социальных сетей в качестве доступного архива коллективной памяти.

Советским исследователям коллективной памяти не были известны работы М. Хальбвакса, однако, в ее характеристике они в основном делают схожие выводы. Так Я. К. Ребане, один из первых в СССР проводивший исследования в этой области, ввел в научный оборот понятие социальной памяти, под которым он понимал «хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания»¹³⁹. Полагая, что социальная память служит основанием индивидуальных сознаний, Я. К. Ребане считал ее совокупностью функционирующих в обществе механизмов информации, связанных с логической структурой мышления, формами общественного сознания, накопленными знаниями и социальными ценностями. По его мнению, социальная память представляет собой универсальную информационную систему, которая охватывает значительно большую сферу, чем передаваемые из поколения в поколения знания, умения, навыки, составляющие суть традиции. Носителями социальной памяти выступают

¹³⁸ Neiger M. Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age // *Sociology Compass*. 2020. Vol. 14. Iss. 5. DOI: 10.1111/soc4.12782

¹³⁹ Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // *Вопросы философии*. 1982. № 8. С. 46.

материальная культура, социальные отношения и язык в самом широком смысле. Я. К. Ребане рассматривает ее как социальный институт, связанный с информационными процессами познания и формирования человеческой психики, определенной конкретно-историческими условиями.

Другой советский исследователь В. А. Колеватов также связывал социальную память с информационными механизмами функционирования средств сохранения социально значимой информации индивидов, коллективов, социальных групп и всего общества в целом. Функции сохранения и передачи информации для В. А. Колеватова стали важнейшей характеристикой социальной памяти, которую он рассматривал в рамках коммуникационных процессов, определяющих ее роль в познании и мышлении. Средствами реализации коммуникативной функции социальной памяти, по его мнению, были материальные предметы, жесты, речь, изображения, имитация действий, все то, что составляло различные формы социального наследования¹⁴⁰. Представляя собой обобщенный коллективный опыт человечества, включающий знания о мире, практические нормы поведения, навыки трудовой деятельности, информацию о социальных отношениях и связях, социальная память, воспроизводит представления о прошлом в коммуникационных актах посредством традиций.

Концепт «социальное наследство» стал ключевым для характеристики социальной памяти Б. С. Илизаровым. Он полагал, что ее основной функцией является обеспечение «присвоения», под которым понимается наследование исторически-конкретным человеком определенной совокупности культурно-информационных средств, созданных или приобретенных в обществе в процессе исторического развития. Наследованию подлежат не только выдающиеся культурные достижения, но и обыденный опыт людей, воплощенный в социальной памяти, т. е. в нее включена вся социальная информация, которой обладали предшествующие поколения. Б. Илизаров выделяет оперативную и

¹⁴⁰ Колеватов В. А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. С. 74.

ретроспективную формы существования социальной информации, которые обеспечивают разделение социальной памяти на кратковременную (оперативную) и долговременную. Происхождение кратковременной памяти связывалось им с дописьменной культурой, когда новое знание накапливалось крайне медленно и обращение к нему представляло собой простое воспроизводство. Это позволило Б. Илизарову дать ей название репродуктивной памяти, значение которой после возникновения письменности перестало играть ведущую роль. Появление письменности способствовало трансформации социальной памяти в опосредованную знаковыми системами реконструктивную форму, которая характеризуется использованием документов как основных средств сохранения и воспроизводства предшествующего опыта. Под документом Б. Илизаров понимает результат целенаправленного запечатления информации для передачи ее во времени и пространстве при помощи знаковых систем. Документы, по его мнению, выполняют наряду с коммуникативной и регулятивной функциями функцию внешней памяти человека, т. е. мнемоническую, которая доминировала еще в глубокой древности, когда стали письменно фиксироваться следы человеческой деятельности и исторические события¹⁴¹. Хроники и летописи, исторические сочинения, мемуары и дневники, официальные политические и юридические документы намеренно создавались в целях реконструкции образов прошлого в общественном или коллективном сознании, что привело в конечном итоге к сознательной концентрации ретроспективной информации в специально созданных институтах-депозитариях (архивах, библиотеках, музеях и т. п.). Документы, ставшие частью социального наследства, выполняют роль описанных и упорядоченных исторических памятников, сохраняя возможность для зафиксированного в них прошлого быть актуализированным при помощи механизмов социальной памяти, обеспечивающей участие ретроспективной информации в формировании мировоззрения человека.

¹⁴¹ Илизаров Б. С. Социальная память человечества: структуры и формы // Гефтер [Сайт]. URL: <http://gefter.ru/archive/12244> (дата обращения: 27.03.2023)

Феномен документирования социальной реальности позволил итальянскому исследователю М. Феррарису сформулировать теорию документальности, объясняющую механизмы функционирования коллективной памяти в эпоху цифровизации. По его мнению, основанием социальной среды является совокупность документов и регистраций, которые представляют собой автономную область реальности, так как отличаются от физических и идеальных объектов. Теория М. Феррариса исходит из того, что социальные объекты — это результат социального акта, зафиксированного на бумаге, компьютерной программой или в головах, участвующих в этом акте людей, т. е. в памяти. Социальные объекты создаются и существуют не путем интенциональных действий, а в процессе регистрации социального действия, т. е. его записи. Конститутивный закон социальных объектов выглядит следующим образом: Объект = Записанный (Inscribed Act, – англ.)¹⁴². Происхождение социального объекта, таким образом, зависит от сознания людей, но в отношении своего существования он независим. Социальный мир полон документов, число которых бесконечно увеличивается, они заполняют ящики письменных столов, бумажники, архивы, а в последнее время мобильные телефоны¹⁴³ и другие средства электронной записи, поэтому характеристика общества не соответствует определению «коммуникационное», являясь по сути «обществом записи и регистрации»¹⁴⁴, однако, очевидно, что документированию предшествует коммуникационный акт. Цифровые носители информации создали предпосылки для тотального документирования социальной реальности, они снабдили человека мощными инструментами архивирования и хранения данных, с помощью которых происходит регистрация коллективной памяти. М. Феррарис отталкиваясь от идей Платона, выдвигает теорию «восковой доски» памяти, согласно которой теперь все может храниться вечно, и все что записано,

¹⁴² Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 154.

¹⁴³ Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / Пер. с ит. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 346 с.

¹⁴⁴ Николаева Ж. В. Документирование социальной реальности // Фотография. Изображение. Документ. 2020. № 9(9). С. 4.

сказано, увидено можно найти «здесь и сейчас» этим и будущими поколениями¹⁴⁵. Он предлагает рассматривать социальные объекты как записи на коллективной «восковой доске», так как ничто социальное не существует вне текста, зафиксированного любым способом. В качестве средства фиксации может выступать и память, воспоминания такие же документы, так как они выступают материалом социального объекта, определяют его содержание и идентичность¹⁴⁶. Если индивидуальные воспоминания (М. Феррарис приводит в пример показания свидетеля в суде, но речь может идти и о свидетельстве очевидца) выступают способом регистрации социального акта и превращения его в документ (социальный объект), то коллективную память следует рассматривать как документальность, понимаемую как объективацию социальной реальности. Способы объективации всегда тождественны любой форме записи, следовательно, средства фиксации и хранения документов и есть память, а в цифровую эпоху ими стали медиа.

За отличное от М. Хальбвакса понимание коллективной памяти высказался в конце XX в. Дж. Олик, когда стало очевидно влияние на данный феномен медиа¹⁴⁷. Он исходил из того, что память — это социальная реальность, которая все более экстернализируется и объективизируется в искусственно создаваемых человеком областях, в основном в печати. Он трактовал социальное производство прошлого как сложный процесс, завязанный на средства передачи памяти. Помнить — означает передавать информацию сквозь время, связывая прошлое и настоящее. Память передает опыт через репрезентационные формы и с помощью какого-либо способа коммуникации. Дж. Олик называет их медиумами памяти, имея в виду посредничество при передаче представлений о прошлом, и отмечает у них способность определять сообщение. Медиумы

¹⁴⁵ Ferraris M. Documentalità. Perché è necessario lasciar tracce. Roma-Bari: Editori Laterza, 2009. P. XV–29.

¹⁴⁶ Ferraris M., Torrenzo G. Documentality: A Theory of Social Reality // Rivista di estetica. 2014. № 57. P. 20–21. DOI: 10.4000/estetica.629

¹⁴⁷ Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. № 3. P. 336.

памяти неотделимы от сообщения и существуют в изменчивых формах, трансформирующих его. Даже если и может существовать какая-либо истина о событиях прошлого, формы репрезентации и средства доставки представлений о них в настоящее неизбежно меняют ее. Процесс воспоминания, считает Дж. Олик, можно рассматривать не как сохранение и восстановление прошлого, а как процесс передачи представлений о нем. По его мнению, средства передачи памяти конструируют события, но они и сами конструируемы событиями, которые передают, за счет чего и прирастают новыми смыслами. Социальная память представляет собой множество мнемонических форм и практик, осуществляемых с помощью сложных коммуникационных механизмов, которые попали в еще более сложные конфигурации полей, тем и контекстов. Приводя в пример влияние телевидения на память, он отмечает его уникальную способность вызывать ощущение одинаковости и одновременности исторического опыта у разных людей. Использование на телевидении устойчивого набора нарративных фреймов при трансляции информации производит значительный эффект гомогенизации аудитории. Телевизионные образы позволяют индивидам испытывать чувства сопереживания опыта и способствует одинаковой его интерпретации¹⁴⁸. Средства коммуникации тем самым определяют, что помнить и как помнить, доставляя коммуникантам представления о прошлом в различных конфигурациях, обусловленных обстоятельствами их воспроизводства.

В пространство социальной коммуникации социальная память была вписана в работе Дж. Фентресса и К. Уайкема. Для них важно было показать, как индивидуальная память превращается в социальную в процессе коммуникации и семиотизации воспоминаний. Совместные рассказы, в которых выстраивается повествование о случившемся и пережитом, превращают персональные воспоминания в социальную память. Она так или иначе всегда связана с реальными событиями, отфильтрованными избирательностью сознания и

¹⁴⁸ Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

артикулированными посредством речи, жестов, действий и изображений. Индивид разделяет свои воспоминания с другими коммуникантами, делая их релевантными, узнаваемыми, зафиксированными, превращая собственный опыт в общую память о прошлом. Сфокусировавшись на устной передаче воспоминаний, авторы обратили внимание на активную роль индивида в конструировании коллективной памяти. Они не считали его автоматом, пассивно подчиняющимся интериоризированной коллективной воле, так как социальная память не может быть оторвана от реальных мыслительных процессов любого конкретного человека, проявляющихся в процессе коммуникации¹⁴⁹.

Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и дигитализация коммуникационных процессов сделала уже невозможной понимание социальной памяти как результата устной или письменной коммуникации. Виртуализация общения сети Интернет, которая позволяет сочетать форматы устной и письменной передачи информации, меняет способы конструирования представлений о прошлом. Также изменились средства хранения и передачи информации, что позволило рассматривать память как пространство интерфейсов, гаджетов, облачных хранилищ, социальных сетей, чатботов, форумов, сохраняющих данные на определенном машинном языке и делающим возможными любые цифровые репрезентации сведений о прошлом¹⁵⁰.

По мнению, редакторов сборника «Save as... Digital memories» цифровизация коммуникационных процессов и средств хранения информации изменяют сущность социальной памяти, делая ее цифровой. Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинс, А. Рединг в своих работах наметили основные пути трансформации коллективной памяти, предложив термин «digital memory» для ее описания. Прежде всего, они исходят из очевидного факта, что память в цифровую эпоху конструируется в практиках сотворчества человека и машины в социальном акте

¹⁴⁹ Fentress J., Wickham C. *Social Memory*. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. 229 p.

¹⁵⁰ Мороз О. В. Компьютинг на страже памяти? Рец. на Garde-Hansen J., Hoskins A., Reading A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009 // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1-2. С. 407.

создания и переформатирования архивов, фиксирующих информацию о прошлом языком вычислительных технологий. Авторы совершили переход от рассуждений о тотальной медиатизации социальных феноменов, к которым они относят и память, к гипотезе о ее дигитализации. Они утверждают, что социальная память в цифровую эпоху невозможна без машины. Э. Хоскинс следует в понимании коллективной памяти за М. Хальбваксом, видя в виртуальном общении равных с равными, образующее одноранговые сети взаимодействия, основу социальных рамок памяти, воздействующих на индивидуальные воспоминания и Я-идентичность. Более того, он считает, что при онлайн-коммуникации принадлежность к группе ощущается индивидом сильнее, а значит более высока степень зависимости его памяти от коллективных представлений. Личное и общественное переплетаются на индивидуальном уровне с помощью цифровых технологий, которые опосредуют повседневную жизнь и воспоминания о событиях. В условиях все большей интеграции повседневности в медиа память становится «опосредованной», события регистрируются и впоследствии документируются с помощью сочетания личных свидетельств, записей в социальных медиа и публичных новостных репортажей СМИ. Цифровые медиа оказывают определяющее влияние на формирование представлений о прошлом, используя сложные оцифрованные системы хранения и поиска информации для контекстуализации и немедленной интерпретации важных историй в дискурсах устоявшихся эмоций и нарративов¹⁵¹. Технологические изменения, а особенно распространение широкополосного Интернета, позволили авторам сборника сместить акцент с изучения коллективной памяти на цифровую память, которую они понимают как социальное пространство конструирования и хранения представлений о прошлом с помощью социальных сетей и цифровых технологий, имея в виду память о событиях доступных регистрации и поиску в новых медиа, т. е. имеется в виду недавнее прошлое.

¹⁵¹ Save As... Digital Memories / Eds. J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke & New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 23-26.

Проблему формирования индивидуальной и коллективной памяти в цифровую эру Дж. Гарде-Хансен рассматривает в своей книге «Media and Memory», обращаясь к изучению роли различных институтов, таких как новостные корпорации, газеты, телевизионные компании, музеи, архивы, подвергнувшихся тотальной цифровизации. Она понимает память как опосредованную, сетевую и цифровую, рассматривая ее с точки зрения динамической взаимосвязи между личным и коллективным, приводя в пример истории семей, собираемые и загруженные в социальные сети, где родственники их совместно используют, просматривая новости друг друга¹⁵². Люди создают воспоминания при помощи медиа не только для личного архивирования, но и для того, чтобы внести свой вклад в историю группы, для связи с другими людьми, местами и историями. Цифровые медиа, по мнению исследовательницы, выполняют функции архивов, создаваемых интернет-пользователями. Это могут быть архивы семейных видео, мемориальные сайты, посвященные какому-либо событию, онлайн-коллекции интервью, электронные версии бумажных изданий, цифровые блоги, мемориальные страницы исторических деятелей и т. п. Тем самым, Дж. Гарде-Хансен отводит цифровой памяти роль хранилища воспоминаний о событиях, связанных с личными представлениями о прошлом, формируемыми медиа в настоящем.

В сборнике «Digital Memory Studies. Media Past in Transition» в двух ключевых теоретических главах Э. Хоскинс, обозначая направления влияния новых медиа на трансформацию памяти, говорит о том, что оно не исчерпывается переводом аналоговых записей в цифровые. Новые медиа обладают интерактивностью, которая приводит к качественным изменениям взаимосвязей индивидов в пространстве и времени. Для них становится неважным содержание передаваемых сообщений, так как на первый план выходит сам факт социального акта, реального или воображаемого, факта взаимосвязи и взаимобязательности. В книге на примере исследования

¹⁵² Garde-Hansen J. Media and Memory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 149.

телевидения, видеоигр, социальных сетей, институтов памяти и сетевой политики показано каким образом цифровые медиа, сети и архивы переформатируют индивидуальную и социальную память. Э. Хоскинс обозначил эту трансформацию как коннективный поворот, который освобождает память от традиционных границ пространственного архива, организаций и учреждений, и распространяет ее между индивидами, личной и общественной жизнью при помощи машинных алгоритмических действий¹⁵³. Новые способы поиска, сортировки, использования и конструирования прошлого строятся на практиках совместного использования контента (шэринг), основанном на принципе обязательного участия и взаимности в принятии цифровых ценностей. В. Эрнст, один из авторов сборника, делает вывод, соотносимый с основной идеей всей книги о том, что дигитальные связи вытесняют прежние способы сохранения памяти, все более увеличивая значение машинных алгоритмов, предлагающих удобные формы переработки воспоминаний и их реактивации. В этих условиях память больше не направлена на поддержание линейной связи между прошлым, настоящим и будущим, а работает по принципу «доступно / недоступно»¹⁵⁴. Содержание памяти перестает иметь значение, запоминаются не документы и их смыслы, и даже не вербальные семиотические формы, а алгоритмы, позволяющие получать доступ к прошлому в настоящем.

Исследование исторической памяти можно понимать как процесс изучения не истории как реального прошлого, а представлений о прошлом в индивидуальном и коллективном сознании. В современной гуманитарной науке на рубеже XX – XXI вв. произошло четкое разграничение объектов исследования Истории и исторической памяти. Под Историей понимается фактическая реальность прошлого, расположенная на ленте времени, — при изучении исторической памяти на первый план выходят проблемы репрезентации

¹⁵³ Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge. 2017. P. 11. DOI: 10.4324/9781315637235

¹⁵⁴ Ibid. P. 146.

истории, субъективное восприятие исторических процессов и фактов, политологизация и коммерциализация истории.

В традиционном обществе инструментом идентификации личности служила родовая память, в которую также были заложены социальные нормы регуляции поведения: семейные традиции, исповедание религии, ритуалы, этикет, фольклор. Они составляли основу коллективной памяти, транслируемой в культуре того или иного сообщества. Коллективная культурная память, таким образом, представляла собой основу личного интеллектуального опыта человека и составляла его индивидуальную память. Переход от традиционного общества к индустриальному, а затем к постиндустриальному и информационному обществу ознаменовался разрывом родовых связей, а, значит, и потерей родовой памяти, которая являлась началом исторической памяти.

Историческая память является формой коллективной памяти, из которой индивид берет необходимую ему информацию о прошлом, формирующую его идентичность и мировоззренческие позиции. Сегодня историческая память аккумулируется в сфере медиа, что приводит к соединению медиа как инструмента познания с тем информационным содержанием, которым они наполнены.

Историческая память представляет собой сложное явление, структурно распадающееся на индивидуальную историческую память и коллективную. Коллективная память рассматривается как надиндивидуальная культурная память какой-либо «мы-группы» (народа, нации, этноса, языковой или культурной общности), способствующая социальному объединению. Индивидуальная историческая память основывается на личном интеллектуальном опыте человека. Эти два вида памяти настолько взаимосвязаны, что позволяет исследователям¹⁵⁵ делать выводы о существовании исторической памяти только как коллективной или социальной

¹⁵⁵ Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

памяти, включающей индивидуальную память как обобщенный образ представлений, принимаемый и узнаваемый всеми членами общности.

В современном мире человек оказывается лишен прямой преемственности исторической информации, оставленной от предыдущих поколений, поэтому в целях обретения собственной идентичности он вынужден обращаться к коллективной памяти, представленной определенной культурой. В коллективной исторической памяти человек видит замену своей собственной утерянной индивидуальной памяти.

В стремлении вновь обрести свою собственную индивидуальную историческую память человек обращается к различным способам. Сегодня мы наблюдаем устойчивый интерес обывателя к генеалогическим изысканиям, семейной истории, микроистории, локальной истории. Более приемлемым, но, все же, также элитарным, остается способ участия в движении популяризации истории (клубах исторической реконструкции, самодеятельных творческих коллективах, сюда же можно отнести «возрождение казачества»). Все это представляется попытками восстановить индивидуальную «родовую» историческую память. Однако, этот способ доступен не многим, в большинстве случаев тем, кто имеет специальное историческое образование и достаточно много свободного времени.

Современный человек в поисках идентичности остро нуждается в исторической памяти, которую он черпает в памяти коллективной. Источниками для него становятся школьное и вузовское образование, средства массовой информации, художественная литература, кинематограф, и все возможные «места памяти»¹⁵⁶, причем в большей степени на формирование исторической памяти индивида влияют средства массовой информации и места памяти.

Зависимость истории от памяти является достаточно очевидным фактом. Именно память и ее формы определяют возможности воссоздания прошлого, история оперирует информацией, которая содержится в памяти, но память также

¹⁵⁶ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 26.

как и история является продуктом воссоздания и, следовательно, реконструкцией прошлого. Память формируется в процессе воспоминаний, которые сами не являются живой реальностью, а представляют собой позднейшие мысленные конструкции, составляющие индивидуальную память человека. Этим объясняется феномен «ложных воспоминаний» (З. Фрейд), т. е. воспоминаний о фактах прошлого, которые хотя и никогда не существовали в действительности, воспринимаются человеком как реальность в силу его убежденности в этом. Причины возникновения «ложных воспоминаний» лежат в воображении и желании сознания забыть о том, что причиняет ему невыносимую боль. «Ложные воспоминания» замещают воспоминания о неприятных событиях биографии человека, но они также могут воссоздаваться в целях восполнения лакун памяти. То, что было прочно забыто, восстанавливается при помощи воображения и приобретает статус реального прошлого, но в сильно измененном виде, часто совершенно отличным от того, что было на самом деле, а может никогда и не происходило¹⁵⁷.

Вывод: коллективная память, задавая «социальные рамки» (М. Хальбвакс) индивидуальной памяти, представляет собой обобщенный образ представлений о прошлом. Индивидуальная память является источником формирования памяти коллективной, но также можно наблюдать процесс взаимовлияния, так как коллективная память может восполнять недостаток представлений о прошлом в памяти отдельного человека. Исследования коллективной памяти были направлены на поиск механизмов формирования образов прошлого в индивидуальном и массовом сознании. Теории культурной и коммуникативной памяти М. Ю. Лотмана и Я. Ассмана объясняли функционирование коллективной памяти в эпоху устной и письменной коммуникации, но они перестают работать при описании способов воспроизводства воспоминаний в цифровой среде. Исследователи социальной памяти Дж. Олик, М. Феррарисс, Дж. Фентресс и К. Уайкем, а также представители советской исследовательской

¹⁵⁷ Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2003. С. 160-184.

школы в лице Я. К. Ребане, В. А. Колеватова, Б. Илизарова подчеркивали коммуникационные свойства коллективной памяти и ее информационную природу, однако, упускали из виду медиа в качестве посредника социальных отношений. Современные концепции медиатизации памяти в цифровую эпоху ограничиваются рассмотрением коммуникативной памяти в понимании Я. Ассмана, т. е. памяти о недавнем прошлом, охваченным временем существования современных цифровых медиа. В работах Дж. Гарде-Хансен и Э. Хоскинса и др. рассматривается теория цифровой памяти, которая вобрала в себя основные идеи теоретиков коммуникативной и социальной памяти. По их мнению, одной из определяющих характеристик социальной памяти является ее коммуникационная природа. Осмысление социальной памяти как цифровой, прослеживаемое в теоретических исследованиях направления *digital memory studies*, обусловлена цифровизацией способов коммуникации. Цифровая память формирует коллективно разделяемые представления о прошлом в процессе взаимодействия индивидов и фиксации социальных актов в документах или воспоминаниях посредством информационных технологий. В то же время, эта концепция не учитывает особенности коммуникационного пространства цифровой среды, в котором под влиянием процесса медиатизации предельно уменьшается или исчезает дистанция между близким и далеким прошлым. Историческая память в теоретических исследованиях рассматривается либо как механизм конструирования представлений о прошлом при помощи исторической науки, создаваемой институализированными учеными, либо как массовое представление о истории, формирующееся под влиянием проводимой политики памяти. Таким образом можно отметить, что существующие теории коллективной памяти не могут дать адекватного описания механизмов конструирования и функционирования представлений о прошлом, так как определяют его через понятия культуры, социальных отношений, коммуникативного акта, истории, цифровой среды, не принимая во внимание, что в эпоху цифровизации медиа являются главным посредником социальных взаимодействий и процессов коммуникации. Вместе с тем, рассмотренные

теории коллективной памяти закладывают основы концепции медиапамяти, так как выявляют ее коммуникационную природу и социальный характер.

1.3. Медиапамять как социальный феномен цифрового общества¹⁵⁸

В цифровом обществе коллективная память уже не существует как коммуникативная, культурная, историческая или социальная. Она подверглась глубокой цифровой трансформации, и поэтому требуется введение новых понятий для ее описания. Существующие теории медиатизации и цифровизации коллективной памяти рассматривают ее функционирование посредством электронных медиа и цифровых технологий, а также объясняют, как конструируются представления о прошлом, попавшем в медиа в качестве новостей или воспоминаний о недавних событиях, имеющих отношение к жизни одного-двух поколений. Влияние же на коллективно разделяемые представления о прошлом культурных образов и исторических событий более ранних периодов игнорируется исследователями цифровой памяти и медиа. Одно из немногих исключений составляют работы Астрид Эрлл, которая полагает, что основанная на коммуникации, опосредованной медиа, культурная память конструируется различными символическими системами религиозных текстов, исторической живописи, историографии, телевизионной документалистики, памятников и коммеморативных ритуалов¹⁵⁹. Традиционные медиа поглощают пространство культуры, для которых она является неиссякаемым источником визуальных образов и текстов, а цифровые медиа стремятся оцифровать каждый культурный

¹⁵⁸ В данном параграфе использованы материалы статей: Artamonov D. S., Volovikova M. L., Tikhonova S. V. Media memory in the digital world // SHS web of conferences: The conference proceedings APPSCONF-2019, Rostov-on-Don, 25–27 ноября 2019 года / Don State Technical University. Vol. 72. Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2019. P. 01014. DOI 10.1051/shsconf/20197201014; Артамонов Д. С. Юмор в исторической памяти: от анекдота и карикатуры к интернет-мему // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 3. С. 213–237. – DOI 10.46539/gmd.v3i3.181; Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4, № 2. С. 65–83. DOI 10.46539/gmd.v4i2.269;

¹⁵⁹ Erll A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Niininen. Berlin; New York: De Gruyter. 2008. P. 389.

объект. Культура становится медийной и цифровой, но она продолжает оставаться генератором представлений о прошлом.

В современных условиях влияние электронных средств коммуникации на социальное конструирование коллективной памяти огромно. Информация переводится в цифровой формат, и уже не только архивы и библиотеки аккумулируют знание о прошлом, но и электронные хранилища баз данных. Письменная память уступает место памяти электронной, а развитие интернет-технологий предоставляет доступ к ней огромному количеству пользователей. Современное общество переживает мемориальный бум, связанный со способностью пользователей производить знание о прошлом и транслировать его при помощи новых медиа. Таким образом, память из личного и культурного пространства перемещается в сферу медиа, что позволяет говорить о появлении медиапамяти.

Основные тенденции общественно-социальных явлений в цифровом мире изменяют формы и методы коммуникационной деятельности медиа, придавая им мнемическую функцию. Медиа являются не просто носителями и хранилищем информации, они активно конструируют представления о прошлом, формируя коллективную память.

Определяющее влияние цифровых медиа, вобравших в себя также и медиа традиционные, на культуру, коммуникацию, социальные отношения позволяет говорить о складывании особого механизма создания, воспроизводства, хранения и забвения коллективно-разделяемых представлений о прошлом — медиапамяти. Ее можно рассматривать как виртуальный социальный механизм, который имеет возможность предоставлять разнообразные формы репрезентации истории в пространстве повседневности, расширять практики представления прошлого и коммеморации, а также увеличивать количество создающих и потребляющих мемориальный контент.

Медиапамять — это и коммуникативная, и культурная, и социальная, и историческая память, так как между ними практически невозможно провести разграничение в цифровую эпоху. Тотальное погружение индивида в мир

цифровых медиа не позволяет уверенно предполагать какие воспоминания получены им в процессе непосредственного устного общения с другими людьми, какие им взяты из текстов и документов, и какое влияние на его память оказали культурные образы, так как все они существуют в пространстве медиа, берутся из медиа и туда же возвращаются.

Социальные медиа нивелировали различие устной и письменной коммуникации, основанной на том, что первая воспринималась как непосредственная, а вторая опосредованная средствами передачи информации. Видео и голосовые сообщения в социальных сетях и мессенджерах представляют собой устную форму передачи информации, но без медиа они не существуют, а письменная коммуникация благодаря им же происходит в режиме реального времени, здесь и сейчас, и обладает эффектом разговорной речи, выражаемой не только в том, что под нее подстраивается стиль письма, но в том, что ответ на сообщения можно получить почти мгновенно, также как при живом разговоре. Интернет-пользователи продолжают получать информацию о значимых событиях в процессе устной и письменной коммуникации друг с другом, в результате которой формируются представления о прошедшем, но эта коммуникация уже опосредована цифровыми социальными медиа, они же становятся местом хранения воспоминаний, материализованных в текстовых, графических, визуальных, видео и аудио электронных материалах.

Хранилища социальной памяти архивы, библиотеки и музеи переводятся в цифровой формат. Цифровизация хранилищ информации проводится как на институциональном уровне, по инициативе государства, так и при помощи большого количества добровольцев, заинтересованных в создании облегченного доступа к задокументированному прошлому посредством сети Интернет¹⁶⁰. Интернет-пользователи создают также в социальных медиа свои частные

¹⁶⁰ Ланская Д. В., Гергель А. В., Жане Н. Х., Стефанович И. К. Перспективная модель архива в переносной постмодерна и цифровой экономике. Хранитель знаний или поставщик социально-значимой информации? // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 26(4). С. 124-129.

архивы, они переносят свою личную информацию на цифровые устройства и размещают в Сети, поскольку она хранит любую опубликованную информацию. Социальные сети являются быстрорастущей платформой для демонстрации и обмена личной информацией визуального и текстового формата в целях знакомства и общения с виртуальными друзьями, тем самым создается общее пространство онлайн-памяти, медиапамяти. Личные воспоминания и коллективная идентичность задаются социальными рамками памяти, ставшими цифровыми. Интернет-пользователи отождествляют социальную сеть с собственным «цифровым архивом», «цифровым альбомом», которые заменили им семейный альбом и личный архив. В цифровой среде количество личных архивов многократно возросло, по сравнению с доцифровой эпохой, так как социальные сети выполняют роль хранилищ даже помимо целенаправленного желания их владельцев, но главная их особенность заключается в том, что увеличились возможности обмена воспоминаниями. Обмен индивидуальными воспоминаниями пользователей цифровых медиа приводит к формированию «совместной памяти», эта форма памяти является одновременно автобиографической и коллективной, частной и публичной, генерируемой пользователями и интернет-платформами¹⁶¹. Такая память обладает и человеческими, и технологическими характеристиками, соединяя распределительную логику цифровой сети, логику хранения физической памяти и механизмы коллективной памяти.

На основе личных архивов блогосферы создаются цифровые архивы частной памяти¹⁶². Наблюдаемый рост популярности цифровых архивов связан с их ролью в качестве «точек опоры» памяти и стремлением, подмеченным еще П. Нора, сохранить вообще все следы прошлого¹⁶³. Цифровизация предоставляет

¹⁶¹ Baltezarević B., Milutinović O., Baltezarević R., Baltezarević V. Digital storage and online mediated memory // *International Review*. 2020. № 1-2. P. 34-41.

¹⁶² Петров Н. В. Цифровые архивы частной памяти // *Шаги-Steps*. 2021. Т. 7. № 1. С. 29-56. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56

¹⁶³ Нора П. Указ. соч. С. 30.

удобные инструменты хранения информации практически неограниченного объема и превращения следов прошлого в воспоминания.

Медиапамять существует в коммуникационном пространстве цифрового общества. По мнению С. В. Тихоновой, коммуникационное пространство является формой бытия человека, обладающей возможностями организации социальных связей и реализации социальных интеракций при помощи каналов коммуникации. Структура коммуникационного пространства предполагает наличие устойчивых комплексов коммуникационных цепей, включающих в себя службы, сервисы, платформы, обладающие материально-техническими ресурсами и профессиональными кадрами, а коммуникационные пространственные системы можно рассматривать как структурированные совокупности коммуникантов, коммуникационных каналов, смысловых сообщений, и средств коммуникации (знаки и символы)¹⁶⁴. В цифровую эпоху коммуникационное пространство развивается по пути медиатизации социальных связей и интеракций, делая опосредованными медиа большинство актов коммуникации. В этой ситуации складывается особый коммуникационный механизм конструирования представлений о прошлом при помощи медиа и цифровых технологий, так как они определяют способы хранения, воспроизводства и забвения социально-значимой информации.

Оцифровка коммуникации одновременно приводит к медиатизации культуры и общества. Воспоминания, воспроизводимые на цифровых носителях, включают в себя черты автобиографического и коллективного прошлого одновременно с культурными и историческими образами. Контент, создаваемых пользователями с использованием современных информационных и коммуникационных технологий, с целью репрезентации своих представлений о прошлом, включает в себя не только личную информацию, но и элементы

¹⁶⁴ Тихонова, С. В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, № 2-2. С. 437-443

популярной культуры, интегрированной в медиа. Социальные сети показали себя как место массовой культурной памяти, приобретая легитимность, аналогичную легитимности официальных источников коллективной памяти или, по крайней мере, конкурирующую, за нее¹⁶⁵. Открытость цифровых медиа для создания контента позволяет им играть роль платформы для обмена воспоминаниями, представлениями и культурными образами. Индивидуальные воспоминания сталкиваются с культурными и историческими образами, соединяются с ними, от чего возникают новые интерпретации прошлого.

Цифровые медиа технологии стимулируют интернет-пользователей быть не только потребителями, но и активными авторами уникального исторического контента, воспроизводящего представления о прошлом. Г. В. Агеева, говоря о медиатизации памяти, пришла к выводу, что информационные технологии позволили расширить практики представления прошлого через социальные медиа, а также круг лиц, создающих и потребляющих информацию мемориального свойства¹⁶⁶. В. Н. Мерзлякова на примере конструирования коллективной памяти о 90-х гг. XXв. показала, что пользователи создают в социальных сетях свои версии этой эпохи, ориентируясь не столько на собственные воспоминания, сколько на информацию, почерпнутую из медиаисточников, и образы популярной массовой культуры¹⁶⁷.

Медиаобразы заменяют индивиду его собственные воспоминания, они проникают в автобиографию и семейную историю. Воспоминания о крупных событиях современности индивиды получают из медиа, новостей, документальных фильмов, видеосюжетов. Они не являются их непосредственными свидетелями, но включают в свою память наравне с другими

¹⁶⁵ Bartoletti R. *Memory and Social Media: New Forms of Remembering and Forgetting // Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World / Ed. B. Pirani. Newcastle UK: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 82-111.*

¹⁶⁶ Агеева Г. М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68-74.

¹⁶⁷ Мерзлякова В. Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. №8. С. 289–302. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-289-302

членами общества. Причем становится совершенно неважно могли они быть очевидцами событий или это невозможно, хотя бы в силу временной и пространственной локализации. Человек может одинаково «помнить» трагедию 11 сентября 2001 г. и нападение японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., начало Первой мировой войны 1914 г. и Специальной военной операции 2022 г., Революцию 1917 г. и Оранжевые революции XXI в., так как и о том и другом он узнает из одного медиаисточника и наблюдает в режиме реального времени в документальных или художественных фильмах и сериалах. Эти события становятся частью воспоминаний индивида в силу принятия им их очевидности, выраженной через медиа. Восстанавливая семейную историю, люди пытаются встроить ее в исторический контекст, соотнося события истории семьи с событиями истории страны. Отсутствие данных в семейной хронологии заменяются сведениями из национальной истории, а иногда для реконструкции семейных событий используются медиасюжеты. Например, А. Линченко в своем исследовании о нарративах семейной памяти отметил, что, рассказывая об истории своей семьи, недостающие данные респонденты заменяют кинематографическими историями, историческими текстами, популярными художественными рассказами или новостными сообщениями¹⁶⁸. Медиа постоянно создают новые представления о прошлом, представляющие собой смесь образов и нарративов, которая возникает в результате постоянного обмена между культурой и коллективной памятью.

Образы прошлого воспроизводятся в различных медиа множество раз на протяжении десятилетий и даже столетий. Газетные статьи, фотографии, дневники, исторические сочинения, художественные романы и фильмы тиражируют представления о прошлом, вписывая их в определенный сложившийся канон репрезентации событий. Как показал Я. Ассман именно «канонизация» воспоминаний делает их культурной памятью. Медиа передают информацию о реальных событиях с помощью повествовательных конструкций,

¹⁶⁸ Линченко А. А. «Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 1 // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 53–67.

циркулирующих в медиакультуре. Они становятся трансмедийными явлениями, т. е. их репрезентация не привязана к одному конкретному медиасредству, а представлена во всем спектре доступных носителей информации. Медийные конструкции, воспроизводящие образы прошлого, подготавливают общество к восприятию новых событий в рамках созданных культурных канонов, определенных схем, которые доступно объясняют реальность. Война 1812 г. благодаря усилиям журнала «Сын Отечества» воспринималась современниками как «скифская война», что объясняло длительное отступление русской армии, представления о колониальных войнах для европейцев предопределили восприятие Первой мировой войны, а она в свою очередь, стала моделью для описания Второй мировой войны. В данной связи А. Эрлл отметила, что «Путешествие пилигрима» Джона Баньяна (1678) с его эпизодом «Долина тени и смерти» послужил основой для многих дневников и писем, написанных во время Первой мировой войны, а американское понимание и представление событий 11 сентября 2001 г. было явно предопределено фильмами-катастрофами, повествованием о крестоносцах и библейскими историями¹⁶⁹. Также можно добавить, что кадры театрализованной постановки 1920 г. «Взятие Зимнего дворца», зачастую воспринимаются как документальные, а само событие из режиссерского вымысла превратилось в культурной памяти в исторический факт октябрьской ночи 1917 года. Обратный процесс включения исторического документального материала в художественные фильмы, а также интеграция в них фотографий и кинокадров для создания эффекта реалистичности также приводит к тому, что авторский вымысел воспринимается как факт истории. Медиареконструкции прошлого делают его понятным, визуализируют ушедшую реальность и придают ореол подлинности творческой интерпретации истории. Медиа, таким образом, играют решающую роль в стабилизации памяти об исторических событиях и превращения их в коллективные воспоминания.

¹⁶⁹ Erll A. Op. cit. P. 393.

В эпоху социальных медиа представления о прошлом создают не только сами художественные и документальные произведения разного жанра, сколько то, что создается вокруг них, контекст. Медиарепрезентации прошлого открывают и направляют общественное обсуждение, которое и придает им мемориальное значение. Реклама исторических фильмов и книг, публицистические статьи и критические отзывы, фильмы и ролики обзоров на YouTube-каналах, комментарии в социальных сетях, интернет-мемы, отражающие повестку дня, компьютерные игры, посвященные исторической и художественной тематике — все это составляет коллективный контекст, определяет восприятие событий прошлого и делает их частью культурной памяти.

Характеристикой медиапамяти является значительное присутствие личных и семейных воспоминаний в структуре представлений о прошлом, которые формируются на основе личностных эмоциональных переживаний, принимаемых на веру. Биографические свидетельства и мемуаристика вызывает наибольший интерес современного человека, имеющего возможность рассказывать в социальных медиа и свою историю.

Процесс конструирования медиапамяти предполагает эмоциональное отношение к образам прошлого. Роль эмоций в формировании исторических представлений вполне очевидна, если мы посмотрим на практики коммеморации. Коммеморативный акт всегда сопровождается всплеском позитивных или негативных эмоций по поводу не только самого факта увековечения какого-либо имени или события, а вскрывает весь спектр их оценок, сложившихся в исторической памяти. Эти оценки не всегда укладываются в дихотомию добра и зла, прошлое вызывает гораздо больший спектр эмоций, не вмещающийся в бинарную оппозицию «хорошее/плохое». Жаркие споры об исторических фактах, разворачивающиеся в научной литературе, на страницах газет и журналов, в социальных медиа и выливающиеся в массовые движения в защиту или против какого-либо

символического объекта прошлого, показывают, что медиапамять имеет глубокое эмоциональное насыщение.

Как отметила О. Ю. Малинова: «Логика «вспоминания» и «забвения» учитывает не только «правду» исторических фактов, но и связанные с ними эмоции»¹⁷⁰. Исторический факт вызывает эмоции в момент своего возникновения и в результате его осмысления как исторического события. Эти эмоции в дальнейшем переходят в медиапамять или меняются на противоположные. Эмоциональное сопровождение установки и сноса памятников, наблюдаемое в России, странах СНГ и США в последнее время, яркое тому подтверждение. П. Нора считал, что эмоциональность никогда полностью не исчезает из «мест памяти», она может ощущаться наполовину, но всегда присутствует в их символической жизни¹⁷¹. По мнению исследователей Т. Энсинк и К. Соэр, для того чтобы событие подверглось забвению, необходимо забыть чувства, которое оно вызывало. Ненависть, ресентимент, вина, триумф или реванш наполняют индивидуальную или коллективную память сильными эмоциями и не оставляют места для других тем памяти. Эмоции забываются, когда событие перестает быть актуальным, либо если они «в настоящее время более не представляются полезными»¹⁷². Соответственно для того, чтобы событие вспомнили, оно должно вызывать сильные чувства, актуализированные повесткой дня. Механизмы формирования медиапамяти необходимым образом включают в себя эмоции, переживаемые на уровне сообществ.

Любая проводимая политика памяти эксплуатирует эмоциональное состояние общества с целью утверждения тех образов прошлого, которые соответствуют ее целям. Она работает с упрощенными эмоционально окрашенными нарративами, которые сводят сложные исторические процессы к удобным для восприятия схемам, мифологизируя прошедшую реальность.

¹⁷⁰ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 302.

¹⁷¹ Нора П. Указ соч. С. 27.

¹⁷² Ensink T., Sauer C. The Art of Commemoration: Fifty years after the Warsaw Uprising. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 7.

Мифы и коммеморативные практики, такие как ритуалы, памятные речи, публичные напоминания в виде культурного события, оказывают сильное эмоциональное воздействие на общество, конструируя медиапамять. Я. Ассман считал, что «представления коллективной памяти стоят в жизненной связи с формами коммуникации соответствующей группы, и эта связь несет эмоциональную и ценностную нагрузку»¹⁷³. Эффективность коммуникации внутри сообществ и между ними, направленной на репрезентацию образов прошлого, напрямую зависит от степени эмоционального накала, чем он выше, тем быстрее происходит усвоение распространяемых мифологизированных схем медиапамяти.

Травмирующее воздействие исторического события на коллективную память, по мнению Дж. Александера, напрямую связано с негативной эмоциональной реакцией на него¹⁷⁴. Роль негативных эмоций в формировании коллективных представлений о прошлом была исследована А. Ассман, использовавшей термин эмоциональная память. По ее мнению, скорбь и вина стали главными чувствами, определяющими современное отношение к прошлому: «возрастающий интерес к истории, — пишет она, — сопровождается новым эмоциональным насыщением истории, которым более присущи горести, нежели радости»¹⁷⁵. Между тем, положительные эмоции, как и позитивное отношение к прошлому является фактом, который нельзя игнорировать. История обладает ценностью в современном обществе во многом потому, что положительно эмоционально нагружена.

В тоже время, культурной стратегией преодоления тяжелого прошлого на низовом уровне для масс обывателей было не признание вины, а юмор. Травмы прошлого общество отражает в анекдотах, шутках, комедийном жанре художественных произведений, а в эпоху медиа в интернет-мемах. Смех

¹⁷³ Ассман Я. Указ. соч. С. 41.

¹⁷⁴ Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 10, 19.

¹⁷⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 176

позволяет излечить раны, нанесенные обществу травмирующими событиями и сделать восприятие прошлого безопасным для коллективной памяти. Однако, для исторической науки единственной стратегией преодоления тяжелого наследия прошлого является поиск, анализ, обнародование достоверной информации и воссоздание реальности прошлого в настоящем.

Медиапамять демократична и создается на основе свободного выражения мыслей и чувств доступными языковыми средствами. Пользовательские фотографии и документальные свидетельства играют одинаково важную роль в формировании представлений о прошлом наряду с субъективным восприятием действительности и оценочными высказываниями. Попытки скрыть какую-либо историческую информацию или изъять ее из публичного доступа приводят к ее еще большему распространению, так как интернет-пользователи включены в ее распространение. Историческая информация, производимая и распространяемая индивидами, служит целям потребления лично ими самими, на основе ее индивид формирует свою собственную идентичность и мировоззренческую позицию. Медиапамять как форма коллективной памяти укладывается в концепцию постправды, когда личная история и личный опыт восприятия действительности, опирающийся на эмоции, заменяют человеку объективные данные.

В этом отношении характерна работа забвения в медиапамяти. Забытое событие в цифровом мире — это не то, что забыто или стерто из коллективной памяти, это то, что выпало на какое-то время из повестки дня или актуального внимания общественности. Оцифрованная информация, попав в Интернет, остается там навсегда, оставляя те или иные цифровые следы, даже если была подвержена целенаправленному удалению. Тематика «права на забвение» остается дискуссионной в юридической науке¹⁷⁶, но для конкретного пользователя оно означает фактическую невозможность абсолютного удаление

¹⁷⁶ Волкова Г. Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 165-171. DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-2-19

нежелательных данных. Забыто может быть то, что не попало в сеть Интернет, о чем говорит распространившаяся среди пользователей социальных сетей поговорка: «не запостил — не было», т. е. отсутствие цифровой фиксации не позволяет событию превратиться в коллективное цифровое воспоминание.

А. Ассман выделяет семь форм забвения: автоматическое, когда события забываются естественным образом с течением времени, сберегающее, когда информация помещается в архивы и подобные им хранилища, что быть востребованной в нужный момент, селективное, когда задействованы общественно-политические механизмы выбора того, что следует помнить, а что забыть, охранительное и карающее, когда нежелательные или неудобные воспоминания подвергаются целенаправленному стиранию из коллективной памяти, конструктивное и терапевтическое, когда мы имеем дело с целенаправленным политикой памяти по конструированию представлений о прошлом с целью достижения общественного консенсуса¹⁷⁷. Все эти формы забвения продолжают работать в цифровой среде, подвергаясь значительной трансформации, так как воспроизводство и забывание коллективных воспоминаний подвержено логике медиа, которая предполагает невозможность окончательного исчезновения информации, а только ее актуализацию и декатуализацию. Так «забытая история» провозглашается такой именно в тот момент, когда об историческом событии стали вспоминать и оно вошло в повестку дня и политику памяти¹⁷⁸, а феномен «культуры отмены» показывает, что попытки убрать из публичного поля нежелательную персону или историческую личность и информацию о ней, лишь привлекают еще большее внимание¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 28-58.

¹⁷⁸ Манько Ю. В. "Забытая" Великая война (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2. С. 28-39.

¹⁷⁹ См.: Артамонов Д.С., Тихонова С.В. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2(12). С. 15-21. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21.

Становление цифрового общества сопровождается повышенным интересом к истории. Цифровые медиа изменили способы производства исторического знания и конструирования представлений о прошлом. Оцифровка архивов, исторических источников, научной исторической литературы и свободный доступ к ним сделали возможным подключение к производству исторического знания «умных толп», которые, не являясь профессиональными исследователями, создают новую историческую информацию для личного потребления.

История создается и пересоздается в ходе реализации коммуникативных практик, под которыми понимается упорядоченная совокупность образцов рациональной деятельности, направленной на передачу/прием социально-значимой информации¹⁸⁰. Краудсорсинговые платформы и социальные сети предоставляют широкие возможности интернет-пользователям не только для изучения истории, но и производства нового исторического знания, его презентации на виртуальных площадках для широкой аудитории, а также распространения исторической информации в процессе социальной коммуникации. Исторический дискурс современного общества задается статьями в «Википедии», генеалогическими проектами интернет-сайтов, публикациями фотографий на фотохостингах и в социальных сетях, широким набором видеопродукции – от роликов на YouTube до художественных и документальных фильмов, электронными СМИ, постами инфлюенсеров и комментариями в новых медиа, компьютерными играми на историческую тематику, фанфиками по историческим фильмам и книгам, интернет-мемами. Историческое знание, представленное этими ресурсами, открыто для изменений, предполагает личную вовлеченность пользователей в его производство и потребление. Поэтому оно становится обыденным неформальным знанием, доступным каждому индивиду. При этом оно несет на себе сильный отпечаток

¹⁸⁰ Зотов В. В., Лысенко В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 54

как мировоззренческих установок индивидов, так и стереотипов массовой культуры.

В этих условиях академические исторические исследования перестают быть определяющими для конструирования представлений о прошлом, они формируется, в первую очередь, усилиями интернет-пользователей в виртуальном пространстве. Историческое знание, полученное в рамках академической науки, интернет-пользователи присваивают себе, трансформируют, интерпретируют и репрезентируют, делая его частью своей индивидуальной памяти, которая определяет их мировоззрение и идентичность. В тоже время, их индивидуальная память прочно встроена в культурную память сообщества и зависит от нее. Образы массовой культуры определяют сознание современного интернет-пользователя, который через них воспринимает и интерпретирует историческое знание, трансформируя его в медиапамять.

Отсутствие понимания связи между технологиями конструирования исторической памяти, применяемых акторами (политиками, лидерами общественного мнения, крупными СМИ, профессиональными историками), и процессами, происходящими в массовом сегменте общественного сознания, является важнейшей методологической проблемой *memory studies*. Усилия традиционных акторов политики памяти растворяются в общем потоке текстов о прошлом, создаваемых интернет-пользователями. Эти тексты, распространяемые в социальных медиа, сопровождаются визуализацией и поэтому эффективно влияют на массовое сознание.

В современном мире медиа определяют представления о реальности. Погружаясь в виртуальное пространство, индивиды воспринимают действительность такой, какой она передана в визуальных и вербальных образах медиасреды. История занимает определяющее место в формировании мировоззрения современного человека, что доказывает повышенный общественный и научный интерес к проблемам исторической памяти, наблюдаемый сегодня. Прошлое воспринимается как гарантия стабильности в постоянно меняющемся мире, то что было уже не изменишь, и оно

действительно происходило в реальности, в отличие от виртуальной среды современности, где действительность превращается в иллюзию. Ценность Прошлого имеет непроходящее значение и дает человеку укорененность в настоящем и надежду на будущее. В массовом сознании оно предстает через персонализированные образы, через исторические личности, зачастую мифологизированные, что составляет суть формирования коллективно разделяемых представлений о Прошлом.

Медиа, интегрировавшись в интернет-формат и социальные сети, стремятся к тотальному охвату действительности, что не могло не коснуться сферы формирования представлений о прошлом. Прошлое как социальный конструкт создается при помощи медиа, аккумулирующими историческое знание в всех его формах, стирая грани между Историей как наукой и памятью как коллективным представлением о прошедших событиях и исторических фактах, формирующимся стихийно. Этому способствует применение цифровых технологий в производстве исторического знания и воспроизводстве образов прошлого. Оцифровка исторических источников и научной исторической литературы, давшая возможность любому интернет-пользователю доступ к информации о прошлом лишь одна сторона этого процесса. Главным является использование компьютерных программ для обработки и интерпретации исторических сведений, а также участие масс пользователей социальных медиа в воспроизводстве и тиражировании исторических образов.

Современным интернет-пользователям доступны специальные исторические методы исследования, в том числе с применением информационно-компьютерных технологий (анализ больших данных, 3D-моделирование, ГИС-технологии и т. д.), но чаще всего они выбирают цифровые инструменты, которые превращают историческое знание в продукт массовой культуры. Вследствие чего, воспроизводство образов Прошлого перемещается в сферу видеоигр, интернет-мемов, видео-контента и постов в социальных медиа, графически обработанных фотографий и изображений, сетевой литературы (фанфикшн) и др. Исторические факты подвергаются мифологизации,

стереотипизации и даже фейковизации, но они воспринимаются как отражающие историческую реальность, так как являются продуктом мыслительной деятельности «умных толп», применяющих цифровые технологии.

Медиапамять современной эпохи строится во многом на преодолении тоталитарного наследия XX в. На пути перехода коммуникативной памяти в культурную можно встретить различные препятствия, одно из которых необходимость проработки травмирующего прошлого. Память о Второй мировой войне и тоталитаризме сегодня эта основа политики памяти значительного количества государств Европы и стран СНГ. В России историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой идеологией, позволяющей формировать идентичность национального сообщества. Политика памяти, проводимая в этом направлении, включает в себя множество задач: сохранение памяти о Войне, как Великом подвиге народа, противостоянии в информационных мемориальных войнах попыткам фальсификации истории, проработка тяжелого прошлого и неудобных вопросов истории. Концепция «преодоления прошлого» возникла в Германии, положив начало созданию исторической памяти, способствующей объединению нации и строительству образа прошлого свободного от травматического воздействия¹⁸¹. Одной из стратегий этого преодоления стало признание вины за совершенные преступления и ошибки. Во многих странах Европы, в том числе и России, она использовалась для проведения государственной исторической политики и служила инструментом взаимодействия на международной арене.

В условиях медиатизации социальной жизни политическая идеология принимает символические формы, адаптированные к условиям цифровой медиасферы и реализующиеся как символическая власть. Согласно определению П. Бурдьё, последняя представляет собой «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять

¹⁸¹ Хряков А. В. Г. Геймпель: личное покаяние и «преодоление прошлого» // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 213-226.

видение мира». Тем самым символическая политика предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир»¹⁸². Высказывания о прошлом не только формируют общие представления об истории, объединяющие или разделяющие людей, но и закладывают картину общего будущего. Отказ от больших идеологических нарративов, характерных для политической реальности холодной войны, актуализировал тему наследия в повестке дня и связанный с ней тренд на эксплуатацию истории в политических целях на рубеже столетий. В итоге в первые десятилетия XXI в. складывается категориальный ряд политического направления *memory studies*, основанный на взаимосвязи концептов «символическая политика», «политика памяти» и «историческая политика».

Термин «символическая политика» используется для описания политической коммуникации, закрепляющей определенные политические смыслы через визуальные артефакты. О. Ю. Малинова определяет ее как публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование¹⁸³. Символическая политика рассматривается в литературе как родовая категория по отношению к понятиям «политика памяти» и «историческая политика». Последние могут употребляться как синонимы, тем не менее, тенденцию их демаркации можно считать уже сложившейся. Наиболее часто используется более широкое понятие политики памяти, предложенное А. И. Миллером, согласно которому политика памяти – это «сфера публичных стратегий в отношении прошлого, т. е. концептуализация, а также практики коммеморации и преподавания истории»¹⁸⁴. Инфраструктура политики памяти включает в себя политические институты, научные и образовательные учреждения, медиасферу, музеи и политизированную топонимику. Д. И. Гигаури считает

¹⁸² Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 95.

¹⁸³ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 23.

¹⁸⁴ Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4 (71). С. 114.

воплощением политики памяти коммеморативные практики, задающие линию интерпретации совместного прошлого через символическое переоформление реальности, закрепляющее в сознании людей образ общего прошлого – «создание мест памяти, культурных городских ландшафтов, установку и снос памятников, организацию культурных мероприятий и фестивалей, новых музеев, создание школьных учебников и кинофильмов на историческую тематику и т.д.»¹⁸⁵.

Ключевой работой для теории политики памяти является сборник статей 1983 г. под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции»¹⁸⁶, в котором демонстрируются механизмы изобретения элитами традиций ради определенных политических целей. Легитимируя собственную власть, политические элиты формируют историческое сознание масс. Однако постепенно исследователи перестали связывать мнемоническую деятельность только с политическими элитами. Л. М. Нияковски определил политическую память как совокупность всех видов интенциональных действий политиков и чиновников, имеющих формальную легитимацию, целью которых является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти¹⁸⁷. Фактически речь идет о публичных символических действиях, направленных на то, чтобы события прошлого запоминались, забывались или репрезентировались.

Субъекты политики памяти разнообразны, в их качестве может выступать любой политический актер. А. М. Пономарева относит к ним широкий спектр институтов, воспроизводящих национальную и / или этническую

¹⁸⁵ Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 1. С. 62.

¹⁸⁶ The Invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. 320 p.

¹⁸⁷ Nijakowski L. M. Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. 286 p.

идентичность¹⁸⁸. Д. А. Аникин полагает, что мнемоническая деятельность политических акторов связана с естественным стремлением последних к легитимации существующего порядка или, наоборот, к его делегитимации¹⁸⁹. Активность субъектов политики памяти может быть рассмотрена на методологической платформе теории политических сетей¹⁹⁰, поскольку даже конкурирующие образы прошлого формируются в широких сетях взаимодействия самых разных социальных субъектов, транслируются в сетях медиасферы, интегрируют приватные и публичные практики на уровне горизонтальных взаимодействий. В политику памяти активно включаются цифровые массы, генерирующие исторический контент «снизу». Акторы используют различные репертуары символических ресурсов, которые, однако, гибко и оперативно реагируют на изменения друг друга.

Реализация исторической политики неизбежно приводит к конфликтам памяти, которые могут перерасти в мемориальные войны, ставшие неотъемлемой частью медиапамяти. Термин «мемориальная война» или его аналог «войны памяти» имеет давнее широкое распространение в СМИ, публицистике и политической риторике, а в последнее время был подвержен глубокому теоретическому научному осмыслению¹⁹¹. Известный исследователь политики памяти, историк А. И. Миллер, использует термин «войны памяти» в своих публичных выступлениях и интервью, понимая под ним информационное противостояние России и европейских стран, сражающихся за свое понимание

¹⁸⁸ Понамарева А. М. Историческая память и историческая политика: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2018. №3. С. 7.

¹⁸⁹ Аникин Д. А. Политика памяти в сетевом обществе: риски и перспективы // Наука и образование сегодня. 2018. № 12 (35). С. 77

¹⁹⁰ Саворская Е. В. Политические сети в процессах над государственного регулирования: европейский и мировой опыт. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 10-12.

¹⁹¹ Мамонов Ф. Тамбовское восстание 1920-2015: «мемориальная война». URL: <http://eurorussians.com/tambov-rebellion/> (дата обращения: 11.03.2023); Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 34–42; Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 43–52; Комплеев А. В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 53–58.

прошлого и, прежде всего, интерпретацию истории Второй мировой войны¹⁹². Представляется очевидным, что войны памяти являются разновидностью информационных (смысловых) войн¹⁹³, которые, по мнению Г. Л. Тульчинского, представляют собой продукт дискурсивных практик мифотворчества, отражающих конфликт интерпретаций тех или иных действий противников, в том числе и в «глубоком» прошлом¹⁹⁴.

Таким образом, мемориальную войну можно охарактеризовать как процесс противоборства исторических концепций в медиапамяти, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей, связанных с формированием идентичностей и проведением политики памяти, посредством распространения через медиа специально отобранной и подготовленной исторической информации и исторических источников.

Конкуренция версий прошлого позволяет говорить о том, что конструирование медиапамяти акторами исторической политики (политиками, лидерами общественного мнения, крупными СМИ) не является определяющим для процессов формирования коллективных представлений о прошлом в массовом сознании. Борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере, в том числе в виртуальном пространстве, показывает, что не только государство осуществляет целенаправленную деятельность по репрезентации истории, но и массы активно участвуют в проведении политики памяти¹⁹⁵.

¹⁹² Миллер А. И. «Мы находимся в состоянии войн памяти» // Восточно-Сибирская правда от 19.09.2017. URL: <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (дата обращения: 11.03.2023); Миллер А. И. Войны памяти и первое лицо // Новая газета от 15 января 2020. № 3. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/13/83431-voynu-pamyati-i-pervoe-litso> (дата обращения: 12.03.2023); Миллер А. И. Враг у ворот истории // Московский центр Карнеги [Сайт]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (дата обращения: 12.03.2023).

¹⁹³ Лабуш Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме // Конфликтология. 2014. № 4. С. 105-128.

¹⁹⁴ Тульчинский Г. Н. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 27.

¹⁹⁵ Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 7, 10.

Большое значение для медиапамяти имеет персонализация истории. Философский методологический спор о роли личности в историческом процессе в коллективной памяти решается в пользу олицетворения прошлого. В культурной памяти оно предстает не как череда обезличенных событий, а как целенаправленные действия конкретных людей. Однако, очень часто личности и их поступки подвергаются мифологизации¹⁹⁶. Исторические мифы призваны объяснить прошлое и дать ему оценку, которая в конечном итоге превращается в оценивание роли той или иной личности в истории.

В стремлении оказать определяющее воздействие на историческую память общества политические и социальные акторы используют персонификацию истории с целью проведения исторической политики. Историзация медиапространства, в котором происходит постоянная репрезентация представлений о прошлом, идет по пути придания историческим событиям личностного характера¹⁹⁷. В медиа исторические личности прочно связываются с определенными историческими фактами, а исторические процессы раскрываются через биографический материал.

Исторические события и отношение к ним в обществе очень часто становятся предметом внимания средств массовой информации. Публикуемые ими материалы отражают массовые представления о прошлом, оказывая огромное влияние на формирование медиапамяти, транслируя стереотипы, мифы, оценки, устоявшиеся в общественном мнении. СМИ можно назвать одним из основных акторов конструирования взглядов на историю, а оценка ими исторических личностей имеет определяющее значение для того, как они представлены в массовом сознании.

Вывод: в цифровую эпоху медиатизация памяти приводит к складыванию особого коммуникационного механизма конструирования представлений о

¹⁹⁶ Линченко А. А., Иванов А. Г. Что нам делать с мифами о Сталине // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 91–99. DOI: 10.17223/15617793/425/12

¹⁹⁷ Агеева Г. М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68–74.

прошлом при помощи медиа, что позволяет говорить о возникновении новой формы коллективной памяти — медиапамяти. Элементами коммуникационного механизма медиапамяти являются каналы коммуникации, информационные технологии, практики коммеморации, стратегии визуализации, способы репрезентации и трансляции образов прошлого, ставшие в современную эпоху цифровыми. Медиапамять представляет собой коммуникационный феномен цифровой среды, вобравший в себя формы памяти, характерные для доцифрового мира: коммуникативную память, культурную память, социальную память и историческую память. Конвергенция этих форм и их трансформация в медиапамять были предопределены коммуникативностью, основным их общим свойством, с того времени как все коммуникационные процессы были опосредованы медиа. Они стали играть роль не только инструмента формирования общественного мнения, а превратились в хранилища информации и образов прошлого. Медиапамять является частью коммуникационного пространства цифрового общества. Политика памяти как набор приемов и методов конструирования и внедрения в массовое сознание представлений о прошлом полностью интегрирована в медиа. Акторами политики памяти в медиасфере стали не только общественные институты и государство, но и неинституализированные массы, прежде всего, интернет-пользователи. Они привнесли в медиапамять основные коммуникативные тенденции, характерные для цифрового общества, сделав ее эмоциональной, пластичной и плюралистичной. Личностные оценки в представлениях о прошлом в ней имеют наибольшее значение и предпочитают данным профессиональной исторической науки или навязываемым шаблонам, что порождает мемориальные войны, которые ведутся не только на уровне государств, но и локальных сетевых сообществ.

Заключение по 1 главе: существующие теории описания коллективной памяти в эпоху цифровизации как коммуникативной, культурной, социальной, исторической, цифровой не позволяют дать о ней адекватного представления, так как не учитывают всю специфику коммуникационного конструирования

представлений о прошлом с помощью медиа. Индивидуальная память также как и раньше задается социальными рамками, но эти рамки определены медиа, аккумулировавшими коллективные представления. Коммуникативная память, охватывающая воспоминания о недавнем прошлом, формируется уже не в результате личного опыта или непосредственного общения с очевидцами событий, а информацией СМИ и контентом социальных медиа, испытывая на себе колоссальное влияние культурных и исторических образов, определяющих массовое сознание. Репрезентация медиа событий посредством применения культурных шаблонов, конструкций, стереотипов не позволяет разграничивать коммуникативную и культурную память, так как недавнее прошлое очень тесно сближается с давним, а иногда и путается. Культурная память полностью опосредована медиа в связи с сильнейшей интеграцией культуры в цифровую среду. Культура больше не является механизмом хранения, воспроизводства и забвения воспоминаний, став виртуальной, интегрировавшись в цифровые медиа. Процесс цифровизации архивов, документов и социально-значимой информации, а также инструментов познания и репрезентации представлений о прошлом позволяет говорить о превращении социальной памяти в цифровую. Однако, цифровизация социальной памяти предполагает не только использование машинных алгоритмов для создания, хранения и воспроизводства воспоминаний, но и трансформацию их в медиапродукты. Цифровые технологии и социальные медиа не просто создают представления о прошлом, они медиатизируют их, делая ресурсом воспроизводства воспоминаний и трансформируют их содержание, привнося элементы культурного влияния в виде популярных образов, стереотипов, мифов, штампов и т. д., что обусловлено логикой медиаконструирования реальности.

Таким образом, медиатизация коллективной памяти приводит к возникновению нового феномена, являющегося виртуальным механизмом воспроизводства воспоминаний в цифровой среде — медиапамяти. В исследовательской литературе предпринимались попытки изучения коллективной памяти в фокусе медиа, однако, им не предавалось такого

всеобъемлющего значения, которое они приобрели в цифровую эпоху. Медиапамять имеет коммуникационную природу, что связывает ее с теориями коммуникативной, культурной, социальной, исторической и цифровой памяти, и она имеет потенциал интегрировать их в единую систему, позволяющую дать непротиворечивое описание процессов конструирования коллективных представлений о прошлом.

Глава 2. Медиапамять и историческое познание в цифровом мире

2.1. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота¹⁹⁸

Познание истории в условиях цифрового поворота приобретает новые смыслы, методы и формы, что заставляет искать новые подходы в рамках исторической эпистемологии. С позиций исторической эпистемологии мы наблюдаем появление новых способов познания прошлого. Методы исторического познания, исторические источники, доступные ранее только профессиональному сообществу историков, под влиянием медиатизации становятся доступными все большему кругу лиц. Это приводит к перераспределению исторического знания от ученого сообщества к обывателям, интересующимся историей.

По мнению И. Т. Касавина, «историческая эпистемология является историческим исследованием познания и одновременно - теоретико-познавательным анализом истории»¹⁹⁹. Таким образом, исторической эпистемологией может называться историческое исследование познавательной деятельности, а также изучение специфики и проблем исторического познания. Учеными-историками данная дисциплина трактуется как часть теории исторического познания, а философами — как часть исторической теории познания. Если историческое исследование познания сегодня остается все еще уделом сообщества профессиональных исследователей, то теоретико-познавательный анализ истории выходит за его пределы, становясь интересным

¹⁹⁸ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С., Тихонова С. В. "Гараж" истории: цифровой поворот "независимых исторических исследований" // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 237-254. DOI 10.21267/AQUILO.2020.72.72.015; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота // Философская аналитика цифровой эпохи: сборник научных статей / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. С. 55-71; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историческая эпистемология в условиях цифрового поворота: медиапамять и сетевые субъекты исторического познания // Историческая эпистемология - история, онтология, эпистемология: Сборник статей / Редактор Л. В. Шиповалова. Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 41-46.

¹⁹⁹ Касавин И. Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: РХГИ, 2000. С. 29.

и доступным широким массам, ищущим и конструирующим свою собственную историю.

Термин «цифровой поворот» возникает как финальный в ряду методологических метафор «поворота» (онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, нарративный, пространственный и др.), характеризующих развитие философской мысли с начала XX в. и обусловлен появлением Digital Humanities — цифровой гуманитарной науки, направленной на изучение цифрового общества во всех его проявлениях. Цифровая гуманитаристика объединяет методики и практики гуманитарных, социальных и вычислительных наук и использует возможности цифровых информационно-коммуникативных технологий для изучения современных социальных процессов. Развитие цифровых технологий порождает новые объекты гуманитарных исследований (тексты в социальных сетях и блогах, видеоролики, интернет-мемы, цифровые фотографии, видеоигры и т. д.), изучение которых требует компьютерной обработки данных и применения информационного, медиаэпистемологического, медиаархеологического подходов, семиотики интерфейса и теории коммуникации. Программные приложения цифровой среды, производимые IT-индустрией, и социальные медиа не только определяют набор доступных пользователю средств создания новой реальности, но и меняют способы постижения действительности, а также выражения и восприятия мысли. Работа человеческого сознания сопрягается с цифровым разумом, который «в форме «больших данных» (Big Data), «большой пятерки» «черт личности» (Big Five), «кибер-ДНК» и других технологий определяет наши действия»²⁰⁰. Цифровой поворот не только открывает новые перспективы в изучении истории при помощи использования технических средств при его анализе, но и способствует трансформации исторической эпистемологии в цифровую форму.

²⁰⁰ Савчук В. В., Очеретяный К. А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики. Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5.

Говоря о цифровом повороте в познании истории, подразумевается нечто большее, чем инструментальный эффект применения цифровых технологий в исторических исследованиях. Эпистемологическая проблематика цифровых технологий разворачивается не только и не столько в границах используемого объекта (инструмента, посредника, участника), но и в совокупности иных связей, прежде всего, сетевых. Знание не заперто в лаборатории или кабинете ученого, и если оно покидает её стены, то встраивается в самые разные отношения, оказывая значительное влияние на ход социального развития и истории в целом. В этом смысле цифровой поворот грамотнее назвать социально-цифровым поворотом, определяя его не изобретением нового поколения способов передачи и хранения информации, а раскрывая невозможность противопоставления культуры и информационных технологий²⁰¹.

Понятие «цифровой поворот» описывает смену исследовательской ориентации в изучении познания и связывается с исследованием влияния форм коммуникации на производство знания. Классическая советская теория познания классифицировала знание на следующие виды: донаучное, житейское, художественное и научное. Критерий классификации есть метод познания. Типы познания постепенно сформировались в автономные когнитивно-культурные системы, выполняющие специфические функции (повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука). Это стало причиной появления предметной классификации знания, подразделения его на повседневное, магическое, мифологическое, эстетическое, религиозное, юридическое, философское, этическое, идеологическое, научное. Традиционно исследователи обращают наибольшее внимание на проблему демаркации научного знания, однако остальные типы познания и его результаты также могут приходить в противоречия. Процесс познания сплавлен с процессами

²⁰¹ Голубинская А. В. Цифровой поворот в теории познания // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 25–26 января 2019 г. / Под редакцией В. С. Слобожниковой, И. В. Суслова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 23.

коммуникации и деятельности, которые он обслуживает. Нередко он является вспомогательным по отношению к осознаваемой и конструируемой телеологии, что акцентирует конечный результат и затемняет противоречия в разнотипной методологии познания. Но там, где важна чистота методологии познания, эти противоречия становятся очевидными (проблема веры и разума в средневековой теологии, конфликт долга и страсти в искусстве классицизма и т.п.). Сложность взаимных переходов и взаимной блокировки различных типов знания раскрывается в диалектике субъективного и объективного, индивидуального и коллективного, локального и универсального опытов.

Разнообразие видов знания было усложнено научно-технической и промышленными революциями. Тогда изменилась роль научного знания. Оно стало основой технологического знания, которое определяется как прикладное естествознание без собственных познавательных задач, средств и методов: «целью ученого является создание проверенных знаний. Целью инженера или технолога является преобразование знаний в методы или продукты, в которых у людей есть потребность. Ученые действуют в сфере знаний. Инженеры и технологи действуют в сфере практики»²⁰². Движение от научного к технологическому знанию стало ключевым для современной цивилизации. Оно сделало основы научного знания массовыми благодаря повсеместной трансляции через институты образования.

Научное знание сегодня является формальным: оно имеет письменную (текстовую) форму, особый стиль и жанры, а также специализированную сеть периодики и книгоиздания. Формальность знания зависит от институционального характера науки, структурные связи внутри которого формализованы, а неформальные сети отношений наслаиваются на структуры вертикальных иерархий. Не случайно итальянские исследователи Дж. Дози и М. Лабини подчеркивают, что «в большой своей части знание – это не «информация», а организация, люди и «кластеры». Академическое исследование

²⁰² Pitt J. Scientific and technological knowledge: what they have in common and what are differences // *Shkola i proizvodstvo* (The School and production). 2002. № 3. P. 7-9.

– это корпоративная практика, осуществляемая в рамках публичного финансирования, на страницах престижных, т.е. общественно-признанных научных журналов»²⁰³. Кластер научной корпоративной практики охватывает как формальные иерархии научно-исследовательских организаций, так и неформальные исследовательские сети – коллаборации и тематические группы исследователей, знающих друг друга, в первую очередь, «по трудам». Наука как производство научного знания есть особая система коммуникации.

В классических схемах теории познания донаучное, художественное и житейское знание не верифицировано специализированными иерархиями, субъективно и, в первом приближении, неформально. Однако автономные миры типов познания легко формируют каноны, типизируя производство соответствующих знаний именно благодаря появлению специализированных иерархий – корпораций юристов, служителей культа, правящих политических партий и т.п. В разных обществах эти корпорации имеют различное социальное значение – римские юристы периода античности, западноевропейские богословы, советская партийная номенклатура формировали различные формы контроля и механизмы влияния на воспроизводство социального знания через производство своего собственного «эпистемологического продукта». Иначе говоря, специализация типа познания всегда влечет за собой производство формального знания, и только в мире повседневности, на уровне индивидов, знание становится неформальным. В современном обществе формальное научное знание играет доминирующую роль, что не мешает ему подвергаться атакам в зонах притязаний других корпораций (идеологических или религиозных, например).

Обыденное знание (*ordinary knowledge*) в эпистемологии является довольно маргинальной проблемой, разработке которой посвящено сравнительно небольшое число исследований. Одной из ключевых работ

²⁰³ Dosi G., Labini M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox» // *Research policy*. Amsterdam. 2006. Vol. 35. № 10. P. 1450-1464.

является коллективная монография «Epistemology of Ordinary Knowledge» под редакцией М.Л. Бианка и П. Пиккари²⁰⁴. В этом труде М.Л. Бианка обосновывает концепцию, в соответствии с которой обычное знание – это форма знания, которая не только позволяет эпистемически получить доступ к миру, но также включает разработку моделей мира, обладающих различной степенью достоверности²⁰⁵. Особенность этой формы состоит в том, что обычное знание может быть надежным и релевантным, хотя оно не обладает строгостью научного знания. Надежность обыденного знания задается его полигностической структурой, включающей различные виды знаний: а) перцептивное/феноменальное знание; б) самопознание собственных психических состояний, содержаний и процессов; в) знание самого себя и становление понятия "Я"; г) знание других "Я"; д) косвенное и неперспективное знание мира.

Вопрос о том, как медиасреда меняет формирование обыденного знания, остается малоизученным²⁰⁶. В первом приближении, технические принципы оперирования контентом детерминируют эпистемические процессы, связанные с усложнением структуры сообщения. Средой формирования обыденного знания является мышление и устная речь. Подключение текста вызывает расщепление исходного синкретизма обыденного знания, повышение степени его рефлексивности и подчинение его жанровым нормам (литературным, документальным, журналистским), т.е. начальную формализацию. Подключение базовых элементов медиатекста (графических, аудио- и визуальных вставок)

²⁰⁴ Epistemology of ordinary knowledge / Ed. by M. L. Bianca, P. Piccari. Cambridge Scholars Publishing, 2015. 321 p.

²⁰⁵ Bianca M. L. The Epistemological structure of ordinary knowledge // Epistemology of ordinary knowledge / Ed. by M. L. Bianca, P. Piccari. Newcastle UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 3-38.

²⁰⁶ Тихонова С. В. Производство неформального знания в социальных сетях и проблемы популяризации науки // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Пятой Международной научно-практической конференции имени В. Л. Гинзбурга и Э. П. Круглякова, Санкт-Петербург, 04–05 июля 2017 г. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2017. С. 118-122.

усиливает жанровую эклектику и расширяет возможности самовыражения пользователя, субъектоцентризма и субъективности сообщения.

Преобладание субъективных элементов в продвижении медийного контента фиксируется неологизмом «постправда». Политологи рассматривают постправду как «специфическое состояние политических культур»²⁰⁷, где политические институты ориентированы на выработку рациональных мифологий и ритуалистик в общем контексте легитимации и поисков солидарности в современном культурном многообразии. В политологическом дискурсе постправда всегда позиционируется как результат особой политики по манипулированию массами. Однако данный подход неоправданно узок. Во-первых, логика постправды есть более широкая, чем сфера только политического, поскольку абсолютно все сферы сетевой активности подчиняются примату субъектоцентричных мнений, одновременно оценивающих ситуацию и мотивирующих читателей на ее изменение. Во-вторых, если агенты политической манипуляции отвлекаются на свою внутреннюю повестку дня, пользователи сетей сами повсеместно (и столь же эффективно) производят фейки. Массы с легкостью манипулируют собой самостоятельно и не без азарта. Постправду можно определить как самостоятельный концепт медиадискурса, обладающий отрицательными коннотациями и подчеркивающий влияние интерпретаций по сравнению с фактографией. Коммуникативная сущность постправды сводится к эффекту веры, так как личностно-эмоциональное отношение к предмету сообщения для постправды принципиально²⁰⁸. Постправда совмещает глобальное с приватным, персонализирует макрособытия и облегчает формирование их оценки для реципиента.

Постправда как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира, т.е. ее ядро есть обычное знание,

²⁰⁷ «Политика постправды» и популизм. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2018. С. 15.

²⁰⁸ Мозжилин С. И., Рязанов А. В. Образ будущего в условиях постправды // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1160-1164. DOI 10.30853/mns210200

на платформе которого формируется личная история, личный опыт и личная правда, подменяющие объективные данные. Постправда не означает прямого забвения и обесценивания истины. Этот феномен возникает в результате избытка информации, когда пользователь вынужден ориентироваться в массивах данных только через полную активизацию всех своих когнитивных способностей. Эмоционально окрашенное отношение выступает фильтром для потоков разнородного контента. Через постправду люди и познают, и, одновременно, выражают себя, создают идентичности и вступают в коллективные действия.

В культуре печатной книги неформальное знание развивается в стихии устной коммуникации, оно замкнуто в индивидуальных жизненных мирах, замкнутость неформального знания в них есть правило до тех пор, пока коммуникационные революции не обеспечивают индивидам новые инструменты создания собственных сетей.

Сети, которые индивид развивает на протяжении жизни, включают разные по качеству социальные связи, сильные и слабые (в терминологии М. Гранноветтера). Социальные связи, существующие длительное время, требующие эмоциональной близости, доверия или обмена, он называет «сильными»²⁰⁹. Первичная социализация и межпоколенческая коммуникация происходят именно в рамках сильных связей²¹⁰. Социальные связи, основанные на непрямых, случайных контактах, он называет «слабыми». Информация о мире за домашним кругом проходит через каналы сильных связей с трудом, поскольку они перегружены функциональной информацией. В это же время она проходит легко через каналы слабых связей (ситуативное общение с малознакомыми людьми). Поэтому слабые связи открывают лифты социальных мобильности: чем больше у человека непрямых контактов, тем шире его сведения о социальных возможностях. Проблема в том, что сильные связи индивиды строят

²⁰⁹ Granovetter M. S. The strength of weak ties // American Journal of Psychology. 1973. № 78 (6). P. 1360 – 1380.

²¹⁰ Листвина Е. В. Фролова С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 4. С. 369-373.

активно, выбирая партнеров по общению, браку, бизнесу и т.п. Чаще всего слабые связи заданы жизненным путем: они зависят от смены мест проживания, включающих возрастные группы. Индивиды не выбирают одноклассников, коллег и, шире, не выбирают знакомых.

Повседневное знание транслируется как по сильным, так и по слабым связям. Очевидно, знание в сильных сетях имеет первостепенное значение для формирования индивидуальной картины мира и формирования стереотипов, поскольку оно опирается на авторитет и закрепляется повторением. Но знания из слабых сетей, хотя они случайны и однократны, также способны оказывать радикальное влияние на мировоззрение своей инновационной информацией. Важно, что структура слабых и сильных сетей жестко ограничена пространственно-временными рамками, а также спецификой социального пространства (плотность населения, тип поселения, процедуры этикета), которые замыкают неформальное знание локальными рамками социальной группы.

Ситуация меняется коренным образом с распространением компьютерных сетей. Развитие интернет-сервисов дает пользователям все более совершенные инструменты управления коммуникацией. С их помощью индивид может развивать свои собственные сети любой конфигурации, имея минимальные знания о контрагентах. Современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют пользователям небывалую свободу общения и сотрудничества. Однако коммуникативные пространства, которые они создают, не гомогенны. С одной стороны, они не похожи на конгломераты дискретных жизненных миров Модерна и более ранних эпох. С другой стороны, они далеки от нисходящих коммуникационных потоков институциональных иерархий, подпитывающих корпоративные сети. Эти пространства меняют способы рекрутирования и численность лидеров общественного мнения. Лидеры мнения перестают быть представителями корпоративных институтов. Их коммуникативный капитал – не уникальные знания, а высокая коммуникативная компетентность и способность производить мнения. Культура знания в

социальных сетях основана на культуре субъективного комментария на темы, оказавшиеся в повестке дня или актуализированные по той или иной причине.

Сервисы социальных сетей аккумулирует усилия массы известных и неизвестных блогеров, почти мгновенно откликающихся на злободневные события, тиражируя информацию о них, наращивая ее новостную плотность и укрепляя общественный интерес, т.е. наделяя событие резонансом. Известные блогеры легитимируют оценку сложившимся резонансным событиям, формируя тем самым повестку дня и воздействуя на общественное мнение, т.е. фактически массив обыденного знания проходит фильтры авторитета известных блогеров, хотя эта когорта всегда остается открытой. Любой рядовой блогер, осветивший резонансное событие на новостном старте удачно, может оказаться в топе. Высокая работоспособность, привлекательность авторского стиля, актуальность тематики – все это способствует быстрому вхождению рядового блогера в топовый круг, осуществляемому весьма быстрыми (по меркам традиционной социальной мобильности) темпами. Важно, что приобретаемый авторитет конвертируем для внешних медиасред – СМИ и других социальных сетей²¹¹.

Повседневное обыденное знание, ранее бытовавшее преимущественно в устной форме и проникавшее в массовую культуру через систему культурных цензов, в условиях социальных сетей становится публичным. Оно получает новые механизмы влияния (лайки, репосты), не только обеспечивающие его массированное тиражирование, но и прямую включенность в процессы формирования репутаций и общественного мнения.

Таким образом, обыденное знание в социальных сетях имеет новую форму выражения (медиа́текст), основано на личном опыте и субъективно (постправда), распространяется по целенаправленно созданным кластерам слабых связей, распределяется на основе новых инструментов легитимации и верификации (репутационные системы социальных сетей). Данные тенденции общественно-социальных явлений в цифровом мире изменяют формы и методы

²¹¹ Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152. DOI 10.17976/jpps/2016.03.11.

коммуникационной деятельности медиа, придавая им мнемическую функцию. Медиа являются не просто носителями и хранилищем информации, они активно конструируют представления о прошлом, формируя коллективную память.

Memory studies как научное направление показывает, что наибольшую роль в деле формирования коллективной памяти играют представления большинства рядовых обывателей, сформированные массовой культурой, медиасредой, школьным образованием и научной литературой. Современные условия создания и воспроизводства информации, в том числе исторического характера позволяют массам быть не только потребителями исторического знания, но и его создателями. Интернет-пользователи активно включаются в поиск и тиражирование знаний о прошлом, используя современные информационные технологии, интернет-ресурсы, социальные сети, переводя традиционные исторические источники в цифровой формат.

В работах классиков исторической эпистемологии Г. Баттерфилда, А. Мегилла, Ф. Анкерсмита, Х. Уайта, Р. Козеллек, Н. Копосова, занимавшихся изучением проблем исторического познания, познание истории связывалось исключительно с деятельностью отдельных представителей исторической мысли, и игнорировалась роль неформального знания в исторической науке²¹². Между тем, с точки зрения массовости вовлеченных субъектов, можно выделить три уровня познавательной активности в изучении истории: первый уровень – это пользовательский исторический опыт, присущий в данную культурно-историческую эпоху большинству строителей культуры, массам — реальным творцам истории; второй уровень – способ познания и представления истории, свойственный мыслителям эпохи, оставившим исторические источники; третий уровень — конструирование истории, проводимое усилиями профессионального сообщества историков.

²¹² Шиповалова Л. В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 155.

В контексте данного исследования интересен именно первый уровень познания истории, так как в мире современных медиа он меняет свою структуру, технологии и способы производства исторического знания. Если ранее, о нем говорили, как об опыте «молчаливого» большинства²¹³, то сегодня, благодаря новым медиа, оно обрело «голос» и играет все большую роль в формировании представлений о прошлом.

Произошедшая медиатизация общества привела к складыванию особого механизма хранения, преобразования и трансляции информации, который изменил характер производства исторического знания и практики забвения. Средства массовой информации и социальные медиа становятся не менее значимыми акторами создания нового представления о прошлом, чем профессиональные ученые историки. Изменились также сроки хранения социальной информации. С позиций исторической эпистемологии мы наблюдаем появление новых способов познания прошлого. Это приводит к перераспределению исторического знания от ученого сообщества к обывателям, интересующимся историей. Медиапамять является инструментом такого перераспределения.

Медиапамять подвергает историческое знание определенной селекции, включая в повестку дня актуальную информацию о прошлом, и подвергая забвению то, в чем нет общественной потребности. Также происходит сегментирование исторического знания между различными элементами медиасферы, что выражается в разнообразии интернет-ресурсов исторической тематики, доступных пользователям, принадлежащих к разным целевым аудиториям.

Феномен, при котором человек активно принимает участие в процессе производства информации, потребляемой им самим, получил название просьюмеризм. Термин, введенный в оборот Э. Тоффлером в книге «Третья волна» для описания смешанной формы производства и потребления в трудовой

²¹³ Бряник Н. В. Историческая эпистемология и культурно-исторический подход в гносеологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIV № 2. С. 122.

деятельности доиндустриального общества и новой экономики постиндустриального типа, сегодня чаще всего применяется при характеристике современного процесса производства контента и материальных благ на основе сетевых форм взаимодействия производителей и потребителей, либо пользователей между собой.

Просьюмеры — это индивиды, которые, основываясь на принципе *Do it yourself* («сделай сам»), производят продукт, предназначенный прежде всего для собственного потребления, вне зависимости от того, оплачивается ли данное производство²¹⁴. Очень часто в современном обществе люди, создавая информацию или решая общепользные задачи, рассматривают свою деятельность как развлечение. Использование ресурсов больших масс людей, организованных в сети Интернет, получило название краудсорсинг. Данный термин принадлежит Джефу Хау, который понимал под краудсорсингом технологию социального действия, в основе которой лежит делегирование полномочий в решении разного рода задач толпе, объединенной на различных интернет-площадках²¹⁵. Толпа выполняет творческие и интеллектуальные задачи: создает контент, обрабатывает научные материалы, разрабатывает идеи, она же их оценивает и путем голосования выбирает лучшие.

Данные коммуникационные технологии позволяют преодолеть отчужденность профессиональных исторических исследований от широкой общественности, так как позволяют включить ее не только в потребление, но и производство исторического знания. В настоящее время в рамках проектов публичной истории задействовано большое количество непрофессионалов, которые под руководством специалистов, имеющих профильное образование, осуществляют репрезентацию исторического знания в формах, предназначенных для широкой публики (музеи, искусство, разного рода коммеморация, теле- и

²¹⁴ Плотичкина Н. В. Просьюмеризм как политическая практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. № 3. С. 66-79.

²¹⁵ Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: «Альпина Паблишер», 2012. 288 с.

радиопередачи и т. д.)²¹⁶. Данная деятельность укладывается в концепцию гражданской науки (Citizen science), предполагающей проведение научных исследований с привлечением широкого круга волонтеров, многие из которых могут быть любителями, т. е. не иметь систематического научного образования и профессиональной подготовки. Практики гражданской науки, опирающиеся на развитие цифровых технологий, реализуются не только в сфере естественных наук, но и в гуманитаристике, в том числе и истории, например краеведении, генеалогии и исторической реконструкции. Они осуществляются преимущественно энтузиастами и общественными активистами и представляют собой уже традиционные, ставшие привычными формами участия граждан в формировании представлений о прошлом. Цифровые технологии, социальные сети и интернет-площадки выводят этот вид деятельности на совершенно новый уровень, они позволяют более эффективно вербовать участников, организовывать совместную работу, продвигать историческое знание и собирать финансовые средства на проведение мероприятий.

Современная гражданская наука, которая развивалась на протяжении последних двух десятилетий, отличается большей доступностью для широких масс и масштабом участия общественности. Научные проекты с использованием граждан-исследователей направлены на поощрение общественного участия в научных проектах и являются одним из подходов к неформальному научному образованию, а также формой пропаганды и популяризации науки. В процессе реализации проектов гражданской науки в сфере исторического знания создается пространство публичной истории. Несмотря на дискуссионность данного термина и полярность его дефиниций, публичную историю можно определить как совокупность практик, направленных на популяризацию исторического знания, перевод его с академического языка на язык публичных репрезентаций,

²¹⁶ Исаев Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 2 (33). С. 7-13.

в том числе и медийных²¹⁷. Как правило, в сфере публичной истории заняты специалисты, имеющие профильное образование, однако, последнее время в производстве знаний о прошлом задействовано все больше непрофессионалов, активно реализующих свои исторические проекты в рамках практик гражданской науки.

Вклад неинкорпорированных в академические структуры независимых исследователей в «большую науку» истории сегодня невозможно переоценить. Его изучение предполагает сопряжение двух разнонаправленных векторов, по которым действуют социальные силы, трансформирующие взаимодействие науки и общества в диффузные коллективные практики. Это движение науки к обществу, деинституализации науки, и движение общества к науке, популяризация науки усилиями академических агентов, не только транслирующих научное знание, но и активно взаимодействующих в различных проектах с агентами социальными. Социальная динамика таких взаимодействий в соответствии с логикой развития информационного общества²¹⁸ носит преимущественно горизонтальный, сетевой, характер, не децентрализуя вертикальные институциональные структуры, но деформируя их через снижение числа ступеней иерархии и снабжая ее звенья лучами равноранговых связей за пределами конкретного социального института. Эта новая морфология социального института накладывает свой отпечаток и на историческое познание, а ее изучение требует пристального взгляда как изнутри, так и снаружи.

²¹⁷ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения: 20.11.2022); Репина Л. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2015. № 3(157). С. 55–67; Савельева И. М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155; Шевелева А. История: академическая, популярная, публичная // Артикульт. 2013. № 3 (11). С. 4–8; Железняк В. Н. Наука без ученой степени // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 37–44.

²¹⁸ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с. // URL: <http://litfile.net/web/431307/436000-437000> (дата обращения 29.11.2022).

Исследование фундаментальных связей между наукой, технологией и обществом стало предметом пристального внимания «СТС» – междисциплинарного направления в эпистемологии науки. В англоязычной традиции аббревиатуру «STS» в 80-е гг. XX в. расшифровывали либо как Science and Technology Study, либо как Science- Technology-Society. Каждый вариант предполагал свой собственный методологический проект, но постепенно различия между ними нивелировались. Западные исследователи эту аббревиатуру уже не расшифровывают как самоназвание вполне устоявшейся дисциплинарной области (в которой, кстати, история науки и история как таковая играют весьма важную роль). В отечественной литературе, к сожалению, адекватный оним не сложился, но тем не менее, влияние Б. Латура и Дж. Ло становится все более заметно во всех течениях эпистемологии, включая историческое.

Внутренние изменения института науки описывает концепция технонауки, утверждающая, что области науки и техники связаны и развиваются вместе; выдвижение и продвижение научных знаний требует создания инфраструктуры технологии; роли заказчика, производителя, потребителя научного знания имеют новый характер.

Во-первых, техника в этой концепции интерпретируется не как вторичный по отношению к знанию продукт научного производства, а рассматривается как важнейший компонент самой науки как специфической социальной деятельности. Сам термин «технонаука» сопрягает воедино людей и нелюдей (инструменты), производящих знания. Бруно Латур, вводя в оборот этот термин, стремился показать, что наука и общество не существуют отдельно, поскольку для реализации научного познания требуются усилия не только ученых, но и многих других людей: «отныне я буду пользоваться термином technoscience, технонаука, включающим все связанные с научным содержанием элементы, какими бы неожиданными, далекими от него и «грязными» они бы ни казались, а для обозначения того, что остается от мира науки после того, как завершается

приписывание заслуг, я буду употреблять выражение «наука и технологии», взятое в кавычки»²¹⁹.

Краткое изложение логики Б. Латура сводится к следующему. Основой новоевропейской науки стало применение политико-правового опыта к решению познавательных задач. Научное исследование как комплекс особых процедур познания становится возможным благодаря тому, что Роберт Бойль, один из учредителей «Общества наук» (Лондонское королевское общество) ввел в качестве эталона доказательства параюридическую метафору, применив к объектам исследования процедуры дознания английского уголовного суда: «заслуживающие доверия, состоятельные и достойные уважения очевидцы, собравшиеся вокруг сцены, на которой проводится опыт, могут свидетельствовать о существовании факта, *the matter of fact*, даже если сами они ничего не знают о его подлинной природе. Таким образом, Бойль изобретает эмпирический стиль, которым мы пользуемся и по сей день»²²⁰. Новое лабораторное оборудование (в анализе Латура – вполне конкретный вакуумный насос) становится актором конструирования особых фактов, за которыми закрепится название научных. Если в суде достаточно показания двух надежных свидетелей для признания вины, то в лаборатории показаний приборов достаточно для признания факта. «Отныне, говорит нам Бойль, никакое свидетельство, идущее от человека, больше не будет приниматься в расчет, ни один человек, выступающий в качестве свидетеля, не будет внушать доверия; теперь доверия будут заслуживать только показания нечеловеков и инструментов, подтвержденные людьми благородного сословия. Упорное накапливание *matters of fact* создаст основания для появления примиренного коллектива»²²¹.

²¹⁹ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 278.

²²⁰ Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 79.

²²¹ Там же. С. 115.

Приборы (насос Бойля, микробы Пастера, блок Архимеда) – это особый класс объектов, гибриды, совмещающие социальное и природное. Создавать и понимать поведение этих гибридных «нечеловеков» может далеко не каждый субъект познания. Даже время Просвещения, декларировавшее универсальность естественных законов разума, признавало право усматривать законы далеко не за каждым смертным. Представления о научном сообществе и тогда были весьма виртуальны и аллегоричны, но, тем не менее, они представлены в утопических проектах братства Республики Словесности. Однако развитие науки означает не только прирост корпуса герменевтических текстовых практик по истолкованию приборов и посвященных в них иерофантов, но и постоянное приспособление приборов для решения научных задач: «История мира технонауки по большей части является историей маленьких изобретений, сделанных по ходу научных сетей, чтобы увеличить мобильность, надежность, комбинаторность и связность следов, что делает возможным действие на расстоянии»²²².

Внутри научных лабораторий, аккумулирующих искусственные механизмы, люди, их испытывающие, создают научные факты, от лица которых эти люди говорят и «уполномоченными представителями» которых являются. Создание научных фактов и регистрирующих их механизмов – нерасторжимый процесс, ускоряющийся по мере увеличения числа работающих механизмов. Максимальное число механизмов обеспечивает промышленное производство, поэтому научный прорыв реализуется только через прорыв технологический. Поэтому переводчик Б. Латура О. Хархордин определяет технонауку как «состояние современного производства научного знания, которое характеризуется не только тем, что технические средства — такие, как пузырьковые камеры, секвенаторы и хроматографы — постоянно используются для построения теорий и фактов, но и тем, что без воплощения нового научного факта или теории в работающем образце техники эти факты или теории могут быть поставлены под вопрос»²²³.

²²² Латур Б. Наука в действии. Указ соч. С. 392.

²²³ Хархордин О. Предисловие // Латур Б. Наука в действии. Указ. соч. С. 10.

Наука существует только внутри порождаемой ею сети – убедиться в существовании научных законов можно только там, где есть созданные наукой приборы, черные ящики. Рост этих сетей зависит от благосклонности государства и общественности, доверяющих науке только тогда, когда поставляемые ею черные ящики безотказно работают. Внедрение машин в социальные практики тождественно отправке резидентов, вербующих лояльных соучастников, и это также этап научной деятельности, потому что там, где физически нет объектов-гибридов, заканчиваются сети науки. Чем больше людей используют в повседневной жизни надежно работающие машины, тем длиннее и прочнее научные сети.

Во-вторых, для технонауки характерны принципиально новые отношения с конечным потребителем, с которым ранее наука была совершенно не знакома. Латур настаивает на том, что большое число не-ученых, вовлеченных в производство научного знания, не отменяет лидирующей роли ученых. Конструируя панораму научных сетей, он очень часто использует образ айсберга. Развивая это сравнение, можно рассмотреть топологию сращения научных сетей и социального ландшафта как набор пирамид, вертикально организующих социальные роли участвующих в поддержании мира локальной лаборатории. Чем ниже мы спускаемся по пирамиде, тем ниже квалификация участников сетевой опоры. Основания пирамид представлено массами обывателей, часто невежественных, но весьма к науке не равнодушных. Если воспользоваться категориальными схемами С. Фуллера²²⁴, внизу пирамид-опор находятся реальные потребители науки, а в вершине – заказчики (клиенты), государственные чиновники и корпоративные менеджеры, финансирующие только те исследовательские направления, результаты которых способны принести им укрепление военной машины или повышение продаж.

Вплоть до 70-х гг. XX в. потребитель науки внутри науки был фигурой абсолютно абстрактной и пассивной. Наука ничего не знала о его конкретных

²²⁴ Fuller S. Customized science as a reflection of «protoscience» // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 52–69.

чаяниях и бедах, оперируя усредненной статистикой. Предлагаемые ею лекарства могли быть смертельно противопоказанны именно этому господину X, новые материалы – вызывать у него аллергию, а новые технологии – сокращать жизнь через загрязнение экологической ниши. Наука никак не зависела от его воли. Иногда ему выпадал случайный шанс стать ее частью, которым он не обязательно пользовался, но это было исключением из правил. В типичном случае он мог занять позицию сторонника науки или ее противника, и то не столько в силу личного выбора, сколько под влиянием различных агентов социализации, от церкви до семьи. Впрочем, человек массы успешно мог сочетать обе позиции, в одних сюжетах предпочитая выступать за науку (например, разделяя гордость за космические полеты), а в других рассматривая ее как зло (например, избегая медицинских осмотров или отказываясь от «нитратных» овощей). Динамика массового сознания избегает действия логического закона исключённого третьего, подчиняясь законам мифологии.

В последнюю четверть XX в. наметились тенденции «конкретизации» обывателя в науке. Сначала у него стал появляться голос. Западные демократические общества, столкнувшись с новой версией конфликта «веры и разума» еще на заре распространения биомедицинских технологий (резкий протест консервативных слоев против абортов, контрацепции, и новых репродуктивных технологий стартовал в 70-е гг. XX в. в США в связи с легализацией абортов) привел к появлению феномена гражданской экспертизы в практике принятия политических решений по финансированию научных исследований²²⁵. Постепенно субъекты гражданского общества стали прямо (не через избранных политиков) влиять на процессы управления наукой, но влияние это реализуется в подавляющем большинстве случаев через навязывание запретов и ограничений, а не через актуализацию тех или иных исследовательских задач. Затем индивид начал открывать глаза. Компьютерная

²²⁵ Гришечкина Н. В., Тихонова С. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 123-138. DOI 10.5840/eps201855233.

революция сделала более доступными для общественности научные знания, но итогом стал не прогресс в сфере самообразования, а рост числа лженаучных и шарлатанских коммерческих предложений²²⁶. Впрочем, их рост, скорее, демонстрирует популярность науки в современном обществе и стремление обывателя найти с ней контакт для облегчения своих насущных повседневных забот. Но цифровые технологии не только демократизировали данные, они сделали возможным принципиально новое качество работы черных ящиков, как специальных, так и массовых.

Примером специальных черных ящиков являются технологии телемедицины, когда пациенту нужен доступ не к врачу-диагносту, а к спецкапсуле, сканирующей необходимые традиционно «лабораторные» данные и транслирующей их в центр специализированной медицины, к экспертам. Принципы устройства массовых ящиков слабо известны их потребителям, но дружелюбность интерфейсов данных устройств позволяет взаимодействовать с ними в режиме «без посредников», применяя черные ящики для задач самопознания. Самопознание в первую очередь ориентировано на прагматические цели, оно необходимо для заботы о себе. Кровяное давление, частота пульса, уровень сахара в крови, число пройденных шагов, потребленные калории... – это информация нужна для выживания многих людей. И черные ящики все реже требуют вмешательства посредников «от науки», представляя потребителям самостоятельно получать эти данные о себе и принимать на их основе решения.

Цифровые гаджеты типа браслетов-трекеров и прочие новинки цифровой медицины принесли за собой в повседневность персонализацию науки, затрагивающей весь спектр бытовых технологий. Количественная самооценка становится рутинной практикой обывателя цифрового мира. Эта практика

²²⁶ Тихонова С. В. Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 4. С. 416-420. DOI 10.18500/1819-7671-2017-17-3-416-420

предполагает самостоятельный поиск выводов для повседневной жизни, процесс, который Н. Б. Хейен определяет как «персонализированную науку»: пользователи с помощью гаджетов пытаются производить проверенные знания с использованием научных методов и по научным критериям, хотя объектом их исследований является сам исследователь, а целью – практическое знание для самостоятельного использования человеком²²⁷. Знание персонализированной науки неразрывно связано с конкретной личностью, ее телом, здоровьем и стилем жизни, оно неразрывно связано с жизненным миром индивида и, наконец, оно верифицируемо с высокой степенью точности. Обыватель, вооруженный черным ящиком технологии, далек от роли ученого, поскольку изучает себя лично на основе личных ценностей и целей, но метод, которым он пользуется, соответствует критериям научности.

В «большой науке» также очевидны стратегии персонализации. Оговоримся, что они возможны только там, где объектом исследования является человек. Парадигма персонализированной медицины, в которой на основе расшифровки генома конкретных пациентов прогнозируются их потенциальные болезни и проектируются лекарства, подходящие исключительно им, обещает настоящую революцию в системе здравоохранения. В компьютерных науках аналогично технологии машинного поиска информации, рекламы и информирования, управления дополненной и виртуальной реальностью ориентируются на индивидуальные и личные особенности конечного потребителя. В истории стратегии персонализации ориентированы на поиск идентичности, понимания человеком своего места в социуме.

Технонаука не только наделяет своего потребителя набором личностных характеристик (не случайно о ней нередко говорят именно как о «науке с человеческим лицом»). Она ставит на качественно новый уровень обыденное

²²⁷ Heyen N. B. Quantified Self as Personal (Citizen) Science // URL: <http://blogs.harvard.edu/billofhealth/2017/05/11/quantified-self-as-personal-citizen-science/> (дата обращения: 10.11.2022).

познание, повышая познавательную активность масс, приближая производимое ими знание к эталонам научности.

Исторические исследования можно условно разделить на те, что генетически связаны с естественнонаучной парадигмой (археология), и те, что зависят от процедур логического анализа (историография, история идей и событий). Последние неразрывно связаны с миром гуманитарных исследований, а роль их настолько существенна, что гуманитарный статус исторической науки крайне редко бывает предметом сомнений. Он же является основой утверждений о том, что «история – это вообще не наука», а род литературы, мифологии, идеологический инструмент политики, либо развлечение. Гуманитарная наука часто мыслится как пространство, свободное от технологий, поскольку их твердое ядро – формально-логические методы, адаптированные к работе зафиксированным в тексте естественным языком. Более того, внутри гуманитарной традиции антитехнодетерминизм, доходящий до технофобии, является весьма распространенной установкой. Техническая реальность рассматривается аллармистами как бездуховное пространство дегуманизации, подменяющее культуру и уничтожающее историю, а естественнонаучная парадигма, выносящая субъективность за скобки, интерпретируется как самоотрицание жизни²²⁸. Методологически антитехническая интенция несостоятельна, поскольку роль техники ничем не отличается от интеллектуального инструментария научного познания, а очевидный интресубъективный характер любой социальной коммуникации означает принципиальную неуничтожимость субъективного независимо от технического компонента. Как отмечает Ж. Оттуа, современная социальная и политическая теория позволяют расценить миф об антигуманной автономности техники как «...мистификацию, подпитываемую некоторыми слоями общества, обнаруживающими свою заинтересованность в том, чтобы поддерживать

²²⁸ Оттуа Ж. Технонаука: между технофобией и технофилией // Северный регион: наука, образование, культура. 2017. № 1(35). С. 111.

иллюзию западного сознания о несчастной судьбе Запада»²²⁹. Иными словами, антитехнодетерминизм является культурным анахронизмом, связанным с дефицитом знаний о современной технике. Наука и техника неразрывны в том смысле, что для целей познания наука (в том числе, и историческая) создает (или приспособливает) инструменты и артефакты применение которых открывает новые направления, требующие новых технологических решений. Разграничить собственно науку и собственно технику можно весьма условно. Однако антитехнодетерминизм продолжает подпитывать системную убежденность в том, что гуманитарная сфера и история свободны от конвергенции технологий.

Сегодня включение в историческое исследование технологий Big Data, электронная апробация результатов, работа с цифровыми архивами, географическими информационными системами, 3D-реконструкция, статистический и сетевой анализ, контент-анализ, компьютерное моделирование перестают быть экзотикой в работе историка²³⁰. Здесь происходит столкновение с серьезной проблемой развития цифровой гуманитаристики — высокие технологии в гуманитарном познании как таковом не враждебны и эффективны, но они не нейтральны. Их интериоризация в методологическую парадигму не может быть агрегатным присоединением, механическим приложением нового элемента. Как показывает М. Маклюэн, «когда технология приводит к расширению одного из наших чувств, то вместе с интериоризацией новой технологии происходит перестройка форм восприятия»²³¹. Еще точнее эту ситуацию характеризуют Г. Фроденталь и П. Маклафлин, в интерпретации

²²⁹ Там же.

²³⁰ Гарскова И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. С. 110-124; Гарскова И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития. Автореферат дисс. на соиск. степени доктора исторических наук. М., 2018. С. 44.

²³¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. С. 55.

которых именно технология задает горизонт и материал науки, выступая предметной областью и опытной основой научного исследования²³².

Современная критика источников в исторической науке, от внешней критики (проверки подлинности источника) и до внутренней (истолкование внутреннего содержания источника основана на сложных процедурах работы с письменным текстом. Пытаясь справиться с нестабильностью языка, историк должен разобраться в архаичном лингвистическом коде, оценить надежность коммуникатора, уяснив его мотивацию (включая предрассудки и подсознательные мотивы) и сравнив его мировоззренческую позицию с общим контекстом периода, установить общие для источника синхронические дискурсивные правила производства такого типа документов, выявить общие и особенные характеристики «своего» источника в общем комплексе типовых документов, преодолеть различные виды шума, связанные как с созданием источника, так и способами его хранения, истолковать извлеченные смыслы (как прямые, так и косвенные), сформулировать и изложить собственную их оценку. Джон Тош, рассматривая стратегии погони за исторической истиной по следам и тропам исторических источников, приходит к выводу, что мастерство историка, заключается в чутком вслушивании (вчитывании) в прерывистые голоса полусохранившихся документов в состоянии внимательного недоверия, для которого «...важна не столько методика, сколько склад ума – почти инстинкт, – выработать который можно лишь методом проб и ошибок»²³³.

Письменные профессиональные практики историка элитарны в силу сложности логических процедур. Дж. Тош задается вопросом о том, насколько доступна система исторической методологии непрофессионалу? «Большинство методов, которые опытный исследователь применяет почти неосознанно, могут

²³² Freudenthal G., McLaughlin P. Classical Marxist Historiography of Science: the Hessen-Grossmann-Thesis // *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann / Freudenthal G., McLaughlin P. (eds.). Boston Studies in the Philosophy of Science.* 2009. Vol. 278. P. 1-40.

²³³ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М: Весь Мир, 2000. С. 100.

быть выражены... в терминах, понятных и непосвященному. Сформулированная таким путем методика исторического исследования на первый взгляд мало чем отличается от простого здравого смысла. Однако в данном случае здравый смысл используется более систематически и с большей долей скептицизма, нежели это происходит в повседневной жизни, дополняется четким пониманием исторического контекста и, во многих случаях, высоким уровнем специальных знаний. Именно с точки зрения этих жестких стандартов и следует оценивать требования, предъявляемые к историческому исследованию»²³⁴.

Однако его вывод приложим только там, когда представитель здравого смысла инкорпорирован в пространство печатной культуры. Когда же речь идет о переходе в пространство культуры электронной, любой профессионал вынужден выдерживать сопротивление, оказываемое новой знаковой средой старым процедурам производства и обработки смыслов. Книгопечатание породило методологическую территорию науки, благодаря победе «абстрактной, чисто визуальной технологии, задающей однородное время и однородное континуальное пространство, где действуют «причины», имеющие свои следствия, где вещи движутся, а события происходят на отдельных плоскостях и в последовательном порядке»²³⁵. Электронный текст, даже если речь идет не о полноценном медиатексте со специфическими принципами связи и расположения текстовых, видео, аудио, и графических элементов, а о копии печатного оригинала, предполагает иные практики манипуляции и восприятия. Чтение электронных устройств сопряжено с большей утомляемостью, большей эмоциональной вовлеченностью и замедлением скорости чтения²³⁶, оно открывает больше возможностей для просмотра, т.е. для беглого, поверхностного чтения, противоположного тем практикам работы с текстами, которые оттачивает профессия историка.

²³⁴ Там же. С. 102.

²³⁵ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Указ. соч. С. 27.

²³⁶ Кучма В. Р., Текшева Л. М., Вятлева О. А., Курганский А. М. Физиолого-гигиеническая оценка восприятия информации с электронного устройства для чтения (ридера) // Гигиена и санитария. 2013. № 1. С. 22-26.

Технонаука массивно облегчает доступ к источникам, ограничивая возможности их качественной критики. Облегчая поиск источников и отдельные процедуры его внешней критики, она приближает прошлое к массам пользователей Интернета. Современный обыватель живет в социальной среде, в которой сплетаются электронные технологии социально-политического управления (е-правительство, е-правосудие, е-образование, ...) с аналогичными в управлении жизненной средой (дополненная реальность умных городов, интернет вещей и промышленный интернет). У него есть множество возможностей аккумулировать и надежно сохранять данные о прожитых днях. На этом фоне повседневная работа профессиональных историков выглядит морально устаревшей. Но близость прошлого не означает его понятности, поскольку процедуры внутренней, логической, критики источника технологиями пока не облегчаются.

Вывод: производство исторического знания перестало быть монополией академических историков-профессионалов, а его распространение уже не столько задача средств массовой информации, сколько дело рук миллионов пользователей новых медиа. Отказавшись от молчания, бывшие читатели школьного учебника истории активно осваивают цифровые способы производства исторического контента для выражения собственной версии исторической правды, формирования исторической реальности, самореализации и развлечения. Представления о прошлом конструируются в социальных медиа при помощи мемуарных и коммеморативных практик, массовых и локальных цифровых краудсорсинговых проектов, в историческом сегменте сетературы и видеоблогинга, что наглядно демонстрирует специфический вид пользовательской активности, который можно обозначить как хисторихакинг. Понятие «хисторихакинг» появилось в западном сегменте индустрии научно-популярных развлечений, этим словом обозначают интерактивные исторические квесты с элементами дополненной реальности. Также оно встречается в жанровой историческо-фантастической литературе, объединяя тематику прогрессорства, попаданчества и альтернативной истории. Хисторихакинг

можно определить как изменение исторического знания, которое способно удовлетворить запрос общества на актуальную память о прошлом, не взирая на истинность или ложность исторических фактов. Хисторихакер провозглашает истинность знания, угождая общественной потребности, а не в силу очевидности исторического факта. В эпоху постправды общество требует исторических знаний, содержащих в себе элементы сторитейлинга, оценочные суждения, мемы и мифы. Такой контент позволяет быстро объяснить актуальную действительность, происходящее здесь и сейчас, и требует незамедлительного лечения травм памяти, лечения через высказывание своей личной позиции, внесения своего вклада в коллективный рассказ. Этот тренд демонстрирует массовую интенцию на освоение и приватизацию макроистории, включения ее в переработанном виде в пространство личности и создание собственной субъективной картины исторической реальности.

2.2. Социально-эпистемические арены конструирования медиапамяти²³⁷

Цифровая революция современного общества изменила традиционные способы производства знания, а вместе с этим изменились представления об его источниках. В классической эпистемологии выделяют три источника знания: 1) находящийся в фокусе познания, объект; 2) субъект и его познавательные способности; 3) социальные условия познания²³⁸. Значение субъекта в

²³⁷ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Новая историческая эпистемология: практики конструирования исторического знания // Мир человека: нормативное измерение - 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции, Саратов, 27–29 июня 2019 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 315-322; Artamonov D. S., Volovikova M. L., Tikhonova S. V. Professional Communication of a Historian in the Digital Society // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020, St. Petersburg, 08 апреля 2020 года. – St. Petersburg: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2020. P. 9101312. DOI 10.1109/ComSDS49898.2020.9101312; Артамонов Д. С. Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, № 3. С. 238-242. DOI 10.18500/1819-7671-2022-22-3-238-242.

²³⁸ Касавин И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 5.

познавательном процессе определялось его творческой конструктивной ролью в получении знания, но вместе с тем за ним признавался ряд недостатков, присущих ему иллюзий и заблуждений. Социальные условия познания лишь усугубляли ситуацию, наделяя субъекта предрассудками, стереотипами, мифами, культурными штампами, которые он приобретал в процессе социализации и жизни в обществе, и полностью освободиться от которых был не в силах. Только объект познания сохранял позитивное содержание знания, вычленение которого требовало интеллектуальных усилий по преодолению субъективного восприятия действительности, окруженного личностными и социальными помехами и внешними шумами. Между тем, и субъект, и объект являются социальными конструкциями, так как познается только то, что является частью человеческого мира, следовательно содержание и форма знания социальны, а познание возможно только с учетом норм и правил, установившихся в обществе. Данный подход был обоснован социальной эпистемологией.

Социальная эпистемология в отличие от классического подхода не ставит традиционной эпистемической цели получения истинных или обоснованных и рациональных убеждений, она исходит из представления, что главной движущей силой современного общества является информация, имеющая социальное измерение. Для социальной эпистемологии наиболее значимой задачей является изучение того, каким образом убеждения институализированы в том или ином сообществе, культуре или контексте, а также идентификация социальных сил и влияний, ответственных за производство знания.

Производство исторического знания не выделяется социальной эпистемологией в отдельную проблему по причине того, что гуманитарное знание рассматривается как некое неразрывное единство гуманитарного исследования и его социального контекста. Для исторического и философского знания устранение его из социального контекста равнозначно его ликвидации. Социальные и культурные факторы не просто обуславливают определенные модификации гуманитарного знания, они выступают его главным

конструирующим инструментом. Историческое знание невозможно без интерпретации исторических данных, представляющей собой субъективный характер, а критическое обращение к трудам предшественников увеличивает субъективность восприятия событий прошлого и их реконструкцию, так как представляет собой интерпретацию интерпретаций²³⁹. Субъективность историка детерминирована социальными условиями современности и методологией научного исторического исследования, поэтому историческое знание обладает собственной эпистемологией — исторической, которую необходимо рассматривать как часть социальной.

Признание невозможности преодоления историком при реконструкции прошлого своей субъективности стало общим местом в историко-эпистемологических исследованиях, посвященных теории исторического познания. Историк не может быть свободным от личных убеждений, ценностных установок и идеалов, обусловленных социальной, этнической, религиозной и т.д. группой, к которой он принадлежит, в силу чего его взгляды определяют восприятие им социальной и исторической реальности. Осознание невозможности преодоления историком субъективности привело к тому, что историческую науку стало меньше интересовать воссоздание реальности прошлого, событий и условий человеческой деятельности, а усилия историков сконцентрировались на исследовании способов восприятия и интерпретации людьми окружающей их действительности. Дискурс постмодернизма определил интерес историков к субъективному историческому опыту человека и потребовал изменения объекта исследования. Постмодернистских исследователей истории стала волновать не объективная историческая истина, отраженная в источниках и позволяющая воссоздать прошлое таким каким оно было, а память, содержащая представления о прошлом и демонстрирующая то, как оно воспринимается исходя из индивидуального исторического опыта.

²³⁹ Липаков К. А. Эпистемология социального противоречия и социального конфликта: история или социальная эпистемология? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 120.

Как отмечал Й. Рюзен, культурные практики воспроизведения прошлого как истории, ее символического изображения занимают место профессиональных академических практик производства исторического знания, что вызывает интерес «не только в гуманитарных науках, но даже более в общественной жизни, где мемориалы, монументы, годовщины и другие институты и церемонии коллективных воспоминаний играют важную роль»²⁴⁰. Историк, вступая в пространство изучения представлений о прошлом, приобретает связь с настоящим, так как память — это всегда актуальный феномен, переживаемый здесь и сейчас. В ситуации постмодерна данное положение вещей составляло проблему, потому что история, помещенная на почву живой памяти, теряла статус науки. Утрачивая свои фундаментальные принципы познания, она признавалась средством идеологии и политическим оружием в борьбе за власть, синтезирующем научную рациональность и литературную форму в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции прошлого.

Эпоха метамодерна, актуализировавшая настоящее вместо будущего модерна и прошлого постмодерна, дает истории как науке очередной шанс. В 2011 г. Люк Тёрнер в своем «Манифесте метамодерниста» утверждал, что ностальгия и футуризм являются приметой современности, где настоящее определяется как сочетание безотлагательности и угасания. Новые цифровые технологии предоставляют возможность одновременного восприятия, интерпретации и репрезентации событий с множества различных позиций, что способствует «демократизации» истории, в которой научность сочетается с «поэтической элегантностью», а в поисках истины участвуют не только ученые, но и художники, рассматривающие всю информацию как почву для эмпирического или афористического знания, независимо от её истинности²⁴¹.

²⁴⁰ Рюзен Й. «Утрачивая последовательность истории» (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 7. С. 10.

²⁴¹ Turner L. Metamodernist || Manifesto // URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 29.11.2022).

Историческая наука, обратившись к изучению феномена коллективной памяти, имеет возможность выйти из затяжного кризиса, вызванного невозможностью дать объективную картину прошлого. Методы исторического исследования, выработанные при изучении истории повседневности, истории идей, общественного мнения, микроистории, эго-документов, больших массивов данных, оказываются вполне пригодными для анализа коллективных форм памяти, существующих не только в настоящем, но и прошлом. История, избравшая объектом исследования коллективную память, может дать объективное представление о том, как воспринималось и воспринимается прошлое и какие его образы определяют массовое сознание. Историческое знание тем самым представляет собой знание о памяти.

В создании коллективно-разделяемых представлений о прошлом участвуют большие группы людей, воспроизводящие образы прошлого в процессе коммуникации. Память и ее коллективные формы представляют собой коммуникационный феномен. Я. Ассман связывает коммуникативную память с устной историей (oral history), с воспоминаниями, которые связаны с недавним прошлым, разделяемыми современниками и циркулирующими в обществе в течении 2-3-х поколений²⁴². Между тем, память формируется в процессе постоянного общения индивидов между собой внутри различных сообществ, путем обмена воспоминаниями, новостями и знаниями. Это общение может происходить непосредственно при устной коммуникации, но с развитием коммуникационных каналов оно становится все более опосредованной, а с появлением социальных медиа, они начинают играть определяющую роль в конструировании общих воспоминаний о прошлом вне зависимости насколько хронологически далеко оно отстоит от современности. Память о Древней истории в медиапространстве конструируется по тем же правилам, что и воспоминания о событиях вчерашнего дня, а углубленная погруженность современного человека в медиа стирает между этими периодами

²⁴² Ассман Я. Указ. соч. С. 52-54.

принципиальную разницу. Давняя история может быть не менее актуальной, чем события, произошедшие накануне.

В коммуникационном пространстве обмен информацией происходит в формате риторической арены, состоящей из множества голосов, общающихся друг с другом, с окружающими или друг против друга. В теории риторической арены под голосом понимается вклад различных коммуникаторов в производство информации, учитывая тот факт, что роли отправителя и получателя изменчивы. Данная концепция была первоначально разработана для описания принципов работы организационной кризисной коммуникации²⁴³, но она обладает широким концептуальным аппаратом, применимым к другим контекстам.

Риторические арены состоят из множества различных коммуникационных пространств, аккумулирующих разные виды информации, повествований и интерпретаций. В них происходят как сложные и динамичные коммуникационные акты, вовлекающие многих производителей информации и происходящие по различным каналам, так и коммуникационные процессы, происходящие внутри арены, в которых особое значение имеют контекст, тип медиа, жанр и текст. Основной характеристикой риторической арены является используемый канал коммуникации, определяющий набор возможностей и типы коммуникативного поведения различных групп пользователей. Например, традиционные СМИ отличаются односторонней коммуникацией, но обеспечивают широкое освещение событий на большие аудитории, а социальные медиа подразумевают многоканальную связь и используются для обмена информацией и ее обсуждения²⁴⁴.

²⁴³ Frandsen F., Johansen W. *Organizational crisis communication*. Los Angeles, CA: SAGE, 2016. 280 p.

²⁴⁴ Rodin P., Gherseti M., Odén T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden // *J Contingencies and Crisis Management*. 2019. № 27. P. 238. DOI: 10.1111/1468-5973.12254

Производство информации в рамках риторических арен подчинено логике медиа, подразумевающей неформальные процедуры, журналистские нормы, коммерческие стратегии и применение технологий, которые влияют на процесс создания новостных сюжетов, и дополнено логикой социальных медиа, изменивших алгоритмы производства и распространения контента, формат информационного материала и способы его восприятия. Цифровой поворот в гуманитарных науках обусловил изменения в принципах производства знания, они стали более подвержены правилам медиа, тем более что исследовательский процесс всегда предполагал не только научные открытия, но и их публикацию. В новых условиях изменились не только способы репрезентации знания, но и его получения²⁴⁵. Цифровые гуманитарные науки отличает междисциплинарность, совместный характер работы и социальное вовлечение, возможность которого создана социальными медиа. Научные поиски активизируют создание локальных сетевых сообществ, объединяющих профессиональных ученых и непрофессионалов-любителей, использующих информационные технологии для производства, репрезентации и трансляции знаний. Эти сообщества существуют в формате социально-эпистемических арен.

Социально-эпистемические арены представляют собой различные коммуникационные пространства, в рамках которых происходит выработка знания в процессе научного исследования, организованного на принципах гражданской науки (Citizen science), коллективной работы, при помощи технологий краудсорсинга, с привлечением широкого круга добровольцев и проводимого на медиа-площадках, которые обеспечивают публикацию и репрезентацию полученного результата. В производстве знания участвуют три равноправных актора: 1) ученый-профессионал или группа ученых, определяющие проблему исследования, ставящие задачи и выступающие организаторами работы; 2) «умные толпы», массы интернет-пользователей, любители-добровольцы, объединенные при помощи социальных медиа и

²⁴⁵ Тихонова С. В., Афанасьев И. А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы // Человек. 2009. № 3. С. 59.

организованными на совместную деятельность; 3) цифровые технологии (нечеловеки в терминологии Б. Латура), выступающие не только в роли инструментов научного исследования, но и активно влияющие на конечный результат, при помощи систем искусственного интеллекта. Знание в данном процессе является результатом разнонаправленных коммуникационных актов, производимых с целью получения необходимой актуальной информации.

Социально-эпистемические арены объединяют основных акторов конструирования медиапамяти, так как именно внутри них в тесном взаимодействии ученых-исследователей, общественных институтов, масс интернет-пользователей и цифровых технологий происходит отбор того, что должно быть сохранено и поддержано, а что может быть предано забвению. Медиапамять существует как продукт коллективного усилия множества субъектов познания по сохранению и воспроизводству представлений о прошлом.

В рамках социально-эпистемических арен субъектом производства знания оказывается не только научное сообщество, но и многообразные заинтересованные субъекты, а также информационные посредники, осуществляющие распределенное познание, предполагающее распределение когнитивных функций между различными познающими субъектами и их совместное участие в производстве знания. По мнению Э. Хатчинса, существенными чертами распределенного познания, являются коллективность, осуществление познания в естественной (природной, культурной, социальной) среде и включение в коллектив познающих материальных носителей и технологий²⁴⁶. Цифровые технологии позволяют задействовать в процессе распределенного познания неограниченное количество заинтересованных акторов, фиксируя следы профессиональных дискуссий и общественных обсуждений. Сформировавшееся в результате таких дискуссий знание является социально прочным, так как опирается на вклад большого числа членов социума,

²⁴⁶ Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. Vol. 27. № 1. P. 45-46.

и эпистемически надежным, так как получает одобрение общества, участвующего в его создании. Распределенное познание предполагает включение в текущую познавательную ситуацию уже сделанных выводов и опыта прошлых событий, а потому оно становится связанным с коллективной памятью²⁴⁷.

Используя возможности цифровых технологий и социальных медиа, ученые и любители истории создают социально-эпистемические арены, на которых в процессе коммуникации вырабатываются знания о прошлом, также являющиеся предметом исследования. Память, воспоминания интересуют коллективных исследователей не меньше, а даже в большей степени, чем ушедшая реальность, а История прочно вписывается в социальный контекст. Историческое знание — это знание также и об коллективной памяти, и между ними все труднее становится провести границу.

Исследуя историческое обыденное знание в социальных сетях, можно обнаружить следы формализации знаний. Однако интернет-пространство формировалась как серая зона между приватным и публичным и продолжает оставаться таковой до сих пор. Поэтому даже коммуникация профессионалов в Интернете существенно отличается от профессиональных стандартов офлайна. Дискурсивность медиасреды как общая способность смыслопорождения сопрягается с жанровой эклектикой и полифонией. В дискурсе медиатекстов убеждение формируется не через рациональные стратегии, а на эмоциональной платформе, расформализовывая традиционные профессиональные дискурсы. Социальные сети выступают средой стихийно формирующихся социально-эпистемических арен, в которые пользователи «приносят» с собой стратегии оперирования знанием, сформированных на внешних площадках, и тут же могут модифицировать их под влиянием потребностей конфликта или сотрудничества.

²⁴⁷ Шиповалова Л. В. Распределенное познание – аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 180. DOI: 10.5840/dspl20192460

Историческая наука на протяжении второй половины XX в. выработала методики работы с большими данными, оцифровки исторических материалов и использования электронных ресурсов для публикации исторических исследований, целью которых было создание системы обработки исторического источника с возможностью его последующего использования читателем-нечеловеком²⁴⁸. В рамках направления публичной истории профессиональные историки привлекали при помощи краудсорсинговых технологий массы интернет-пользователей для выработки исторического знания²⁴⁹. Сегодня эти практики стали основой образования социально-эпистемических арен. Цифровые медиа стали не просто площадкой проведения исторических исследований и местом, где происходит конвергенция знания, полученного историками-профессионалами, любителями истории и компьютерными технологиями, они активно включены в процесс его производства, так как воспринимаются всеми участниками данного процесса как субъект конструирования представлений о прошлом.

Несмотря на то, что в данной системе постепенно стирается грань между историей и памятью — это не означает, что в рамках социально-эпистемических арен ценность исторического знания нивелируется. Наоборот, личностное переживание процесса получения представлений о прошлом, какими бы они ни были, даже при помощи цифровых технологий, повышает их ценность и статус именно как исторического знания. Таким образом, социально-эпистемические арены усмиряют противостояние профессиональных историков, их читателей и используемых ими методов, ориентированных на цифровые технологии. Все акторы выступают равноценными субъектами исторического познания, но полученное знание носит личностный характер, объективируемых использованием цифровых технологий, так как существует устойчивое

²⁴⁸ Гарскова И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. С. 110-124.

²⁴⁹ Савельева И. М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.

представление, что знание, полученное при помощи компьютера, высочайшего достижения научно-технического прогресса, априори объективно. Данное положение вещей, кстати, может объяснять появление фейков, в том числе и исторических.

Социально-эпистемические арены являются продуктом цифровой истории, которая предполагает появлений цифровых историков, являющихся ключевыми акторами, вырабатывающими историческое знание. Описание цифровых историков и их новой роли в исторической науке не может свестись к простому противопоставлению историкам «аналоговым», если вообще возможно говорить о «аналоговой» истории. На фоне абсолютно корректного использования дихотомии «аналоговый – цифровой» в таких важных современных прикладных технологиях, как «аналоговое ТВ/цифровое ТВ», или «аналоговая оптика/цифровая оптика», или «аналоговая рентгенография/цифровая рентгенография»²⁵⁰ использование термина «аналоговая история» не выглядит естественным, так как главным критерием отнесения историка к цифровой формации служит не просто его работа с оцифрованными историческими источниками или цифровыми данными, а цифровая форма организации исследований и производства исторического знания.

На раннем этапе развития исторической науки каждому ученому приходилось быть универсалом, историки сами находили свидетельства о прошлом, определяли степень их достоверности, интерпретировали их, а затем создавали увлекательные и поучительные повествования, знакомя общественность с результатами своей работы. Историк должен был быть одновременно и археографом, и переводчиком с исчезнувших языков, и методологом, и популяризатором. В условиях «археографического поворота», когда в исторической науке выделилась профессия историка-археографа, занимающегося подготовкой источников к публикации в книжных изданиях,

²⁵⁰ Бородкин Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 20. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.31383

исследователи стали специализироваться на тех, кто занимался поиском архивных материалов и их первичной обработкой, кто работал с уже опубликованными историческими свидетельствами, и тех, кто занимался популяризацией исторического знания²⁵¹.

Переход к массовой оцифровке источников создал новый уровень их доступности, что привело к серьезным переменам на всех трех направлениях исторической науки. Для археографов и источниковедов все более важной задачей становится преобразование исходных текстов в структурированные информационные массивы, пригодные для машинной обработки, что еще более увеличивает их объемы, поэтому ввод данных требует привлечения большого количества волонтеров. Онлайн-доступность источников меняет роль популяризаторов в презентации исторического знания. Обществу становятся все более не нужными посредники, которые бы излагали исторические факты и подсказывали, какие выводы из них можно сделать. Более востребованы в цифровую эпоху организаторы дискуссионных площадок в социальных сетях и блогов, создающие сообщества любителей истории, каждый из которых имеет возможность на собственную интерпретацию исторического факта. Этим дискутирующим сообществам необходимы исторические источники, которые не просто легко доступны, но и прошли источниковедческую экспертизу со стороны профессиональных историков. От последних при этом ждут не традиционных исследований, предполагающих анализ фактов и изложение собственных выводов, а только обоснование достоверности исторических свидетельств²⁵².

Новые цифровые медиа обладают возможностью «одновременного представления неограниченного количества версий произошедших событий, а также просьюмингом или патисипаторностью цифровой культуры, т. е. стиранием грани между профессионалами и любителями, рассказчиками и

²⁵¹ Носевич В. Л. Будущее профессии историка в условиях «цифрового поворота» // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 91-92. DOI: 10.7256/2585-7797.2019.3.30767

²⁵² Там же. С. 93 - 94.

читателями»²⁵³, поэтому общество сегодня сталкивается с множественностью и вариативностью цифровой репрезентации истории. Причем медиа не просто представляют Историю публике, а создают ее, так как являются механизмом воспроизводства коллективно разделяемых представлений о прошлом. В этих условиях «...роль историка немного изменяется: он становится не столько рассказчиком, сколько дизайнером и продюсером»²⁵⁴.

В цифровом обществе повышается значение историка в качестве проводника исторического знания из сферы науки и архивов в массы. При публикации первоисточников, выставяемых в открытый доступ, возникает необходимость их сопровождения квалифицированными, но доступными пониманию непрофессионала источниковедческими комментариями, а для объемных источников нужны своеобразные «навигаторы», представляющие собой краткий пересказ основных содержательных элементов с указанием, в каком месте источника они находятся²⁵⁵. Еще более востребованным оказывается создание информационных ресурсов, обеспечивающих интеграцию сведений из разных источников, например, просопографических баз данных, геоинформационных систем, wiki-сайтов, аккумулирующих пользовательский исторический контент.

Неотъемлемой частью работы цифровых историков является ведение аккаунтов в социальных медиа. Как отмечают исследователи Л. Р. Хут и А. К. Чеучева, «историк вдруг стал видимым с самых разных сетевых площадок»²⁵⁶. Они приводят в пример практику ведения блогов профессиональными историками и описывают процессы производства исторического знания совместными усилиями ученых и масс интернет-

²⁵³ Лапина-Кратасюк Е. Как цифровые медиа изменили подход к истории // URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhodk-istorii> (дата обращения 01.04.2023).

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Носевич В. Л. Указ. соч. С. 94.

²⁵⁶ Хут Л. Р., Чеучева А. К. Цифровая история в эпоху антропоцена // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 4 (249). С. 105.

пользователей. Репрезентация историками своих исследований в социальных медиа ставит их лицом к лицу с читательской аудиторией, которая не просто потребляет подаваемую информацию и выдает моментальную обратную связь, но и заставляет корректировать результаты и выводы работы путем активного комментирования. Находясь в глобальной сети, историк постоянно получает импульсы из внешнего мира, погружаясь в прошлое, он ни на минуту не теряет связи с настоящим. При условии активности в социальных медиа, историк обретает «человеческое лицо», репутацию, общественное значение, превращаясь из безликого кабинетного ученого, скрывающегося в «башне из слоновой кости», в человека понятного и доступного рядовому обывателю, вступающему с ним в коллаборацию ради приращения нового знания.

При взаимодействии с публикой, цифровой историк утрачивает свое исключительное право на историческое знание, он должен быть гибок и открыт к диалогу, выстраивая разговор о прошлом в публичном пространстве. В ходе обсуждения тех или иных ключевых вопросов ремесла историка происходит перевод специализированного академического знания на язык публичных репрезентаций понятный широкой аудитории, и наоборот, развитие дискуссии «зависит во многом от готовности ученых взаимодействовать с неакадемическими формами знания о прошлом»²⁵⁷. Так в цифровых проектах частной памяти, таких как «Устная история» (<http://oralhistory.ru>) — архив мемуарных бесед, «Прожито» (<http://prozhito.org>) — электронный корпус личных дневников, «Сибиряки вольные и невольные» (<https://сибиряки.онлайн>) — сайт исследовательского проекта Томского областного краеведческого музея, на котором размещаются семейные истории жителей Сибири, Обнинский цифровой проект (<http://obninsk-project.net>) — будущий «архив биографических, глубинных, лейтмотивных интервью с сотрудниками обнинских НИИ и с жителями города», «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» (<http://museum.gulagmemories.eu>) — виртуальный музей, основанный на

²⁵⁷ Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги-Steps. 2018. Т. 4. № 3-4. С. 159.

свидетельствах очевидцев о депортациях в СССР жителей стран Восточной и Центральной Европы, «Открытый список» (<https://ru.openlist.wiki>) — база данных о жертвах политических репрессий в СССР (1917–1991), «Бессмертный барак» (<http://bessmertnybarak.ru>) — сайт о жертвах советских репрессий, Relikva (<https://relikva.com>) — сайт частной памяти, реализованный в форме виртуального музея фотографий «вещей» прошлого и историй, связанных с этими предметами, PastVu (<https://pastvu.com>) — архив старых фотографий, «История России в фотографиях» (<https://russiainphoto.ru>) — общедоступный фотоархив, объединяющий государственные, муниципальные и частные фотоколлекции, профессиональные историки выступают в роли медиапродюсеров, создавая и модерлируя интернет-площадки по сбору личной исторической информации, и в роли археографов, источниковедов и исследователей, отбирая материалы, готовя их к публикации и делаясь результатами своих исследований с аудиторией²⁵⁸.

Современная историческая наука уже не может существовать в замкнутом мире академических исследований, она выходит в пространство медийной среды. Сегодня профессиональный историк не только проводит научные исследования и получает исторические знания, но и умеет передавать их широкой аудитории, создавать научно-популярный контент, способный формировать представления о прошлом. Профессиональные коммуникативные навыки, нужные историкам в цифровой среде, требуют сочетания классических методов исторического образования и практических навыков работы со СМИ, журналистикой, рекламой и связями с общественностью, а также проектным подходом к созданию медиапродуктов. По содержанию работа историка опирается на соответствующие современные дисциплины, которые составляют основу его подготовки, где новейшие историографические подходы сочетаются с классическими научными исследованиями. Но по форме она должна быть дополнена технологиями работы в средствах массовой информации. Общество

²⁵⁸ Там же. С. 152.

остро нуждается в исторических знаниях в доступных для массового потребителя форматах, значит, историки должны создавать и распространять исторический медийный контент. Благодаря медиа технологиям историки смогут проводить активную и эффективную политику памяти, участвуя в формировании коллективной памяти локальных сетевых сообществ. Работа историка, востребованная гражданским обществом, направлена не только на исследования, но и на деятельность по популяризации знаний.

История подвергается ярко выраженному процессу медиатизации реальности, т. е. происходит сдвиг в парадигме СМИ и коммуникационных исследований, при котором медиа выступают посредником при воспроизводстве исторического знания. Медиатизация отражает процесс трансформации представлений о прошлом, связанный со сменой модели коммуникации. Медиа существенно влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая его в высшей степени субъективно-ориентированной²⁵⁹.

В современном информационном обществе цифровые технологии опосредуют весь комплекс социальных отношений, связывая государство, организации, индивидов в сложнейший технический объект. Новый технологический уклад, интегрирующий конвергентные технологии, радикально преобразует ландшафт человеческой телесности, повседневности и творчества. Переход к Интернету вещей и практики самоулучшения человека становятся вызовом для антропологических способов определения сущности и границ человеческого²⁶⁰. Цифровые технологии обуславливают включение в повседневное бытие артефактов, обладающих определенной спецификой, изучение которой дает возможность выявить изменение современного общества,

²⁵⁹ Хитрова Т. В. Медиатизация «исторической памяти» как средство моделирования социальных процессов // Журналістыка-2016: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 18-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 95-годдзю БДУ (10–11 лістапада 2016 г., Мінск). Вып. 18. Мінск: БДУ, 2016. С. 206.

²⁶⁰ Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. С. 287-290. DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290.

в том числе модернизировать классические решения проблем антропологии за счет теоретического осмысления достижений цифровой гуманитаристики²⁶¹. В этих условиях возрастает роль специалистов, изучающих взаимодействие и взаимовлияние человека и цифровых технологий в процессе формирования цифровой антропосферы. Современный исследователь цифровой среды опирается на знания о достижениях переднего края технологического развития, но и способен к осмыслению их социокультурных перспектив, предвидению моральных конфликтов и концептуальному конструированию способов их разрешения²⁶².

Последнее время наблюдается всплеск интереса к истории, который не удовлетворяется академическими исследованиями и заставляет обращаться к медиаисточникам. Медиатизация истории означает перестройку структуры исторического образования с целью формирования медиаграмотности и медиакомпетентности профессиональных историков. Методология обучения в рамках медиатизации истории подразумевает практико-ориентированный подход, заключающийся в подготовке специалистов, владеющих основными формами и методами работы в медиасреде: создание аудио и видео продукции, компьютерных игр, фотографий, мемов и т. д. исторической и образовательной направленности.

Профессиональная коммуникация историка, включающая медиакомпонент, позволяет сочетать традиционную историческую науку и исследовательский формат с навыками, которые получают специалисты в сфере медиаиндустрии²⁶³. Эффективная коммуникация с аудиторией, потребляющей

²⁶¹ Можяева Г. В., Можяева-Ренья П. Н., Сербин В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 77.

²⁶² Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 199.

²⁶³ Дружба О. В., Дружба К. Г. Медиатизация истории и проблема идентичности российского социума // Новые медиа сегодня: развитие территорий [Электронный ресурс]: Материалы II международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16-17 октября 2015 г.); Дон. гос. техн. ун-т. - Электрон. текстовые дан. Ростов н/Д: ДГТУ, 2015. С. 286. URL: <http://www.ntb.donstu.ru/content/2015417>. (дата обращения: 05.12.2022).

исторический контент предполагает использование достижений исторической науки и методологию *memory studies* в работе с общественностью, работу с массами интернет-пользователей по созданию исторического контента на краудсорсинговых платформах, созданию исторических художественных и документальных фильмов, ведение блогов и аккаунтов в социальных сетях на историческую тематику, создание онлайн-курсов по различным отраслям исторического знания, работу с фотографиями и графическими изображениями, производство всех видов визуального контента исторического содержания, владение навыками презентации исторических исследований и самопрезентации в социальных медиа²⁶⁴.

Цифровой историк — это своего рода коллективный ученый, создающий коллаборативное знание, сочетающее в себе глубокое мнение эксперта и широкое сетевое поле бытования коллективно-разделяемых представлений о прошлом. Историческое знание в этом случае представляет собой постоянно фильтрующийся и ректифицирующийся поток, который формируется совместной деятельностью в рамках социально-эпистемических арен. От современного историка не ждут ответа на все вопросы или объяснения событий прошлого, его выводы имеют значение только тогда, когда совпадают с уже сформированными представлениями, его роль заключается в выборе значимых для общества тем, а также объединении интеллектуальных ресурсов для их обсуждения.

Вывод: цифровой поворот в гуманитарных исследованиях обозначил проблему производства исторического знания в условиях цифровизации. В цифровом обществе конструирование представлений о прошлом осуществляется не только в рамках исторической науки, но и в пространстве социальных медиа. В результате цифрового поворота, изменяется роль современных профессиональных историков, а также происходит конвергенция академической исторической науки и обыденного исторического знания при помощи цифровых

²⁶⁴ Шмелева Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 90. С. 147.

технологий. Историческая наука, существующая в парадигме «Digital Humanities», обрела новый объект познания — коллективную память, отказываясь от изучения прошлого как несуществующей реальности в пользу исследования представлений о нем. Историческое знание все больше сближается с коллективной памятью, так как и то, и другое формируется в многоканальном процессе коммуникации в рамках социально-эпистемических арен. Социально-эпистемические арены представляют собой коммуникационные площадки производства исторического знания, вырабатываемого учеными-профессионалами, «умными толпами» и цифровыми технологиями в коллективных форматах работы. Познание, осуществляемое участниками социально-эпистемических арен, является распределенным. Оно завязано на социальный контекст и коллективную память, так как предполагает включение в новые интерпретации прошлого всего предыдущего опыта осмысления исторической реальности всех участников процесса познания. Участие масс интернет-пользователей в изучении Истории, присваивающих себе результаты коллективной исследовательской работы, приводит к нивелированию границ между историческим знанием и памятью. Устройство социально-эпистемических арен основывается на принципах риторических арен коммуникационного пространства, гражданской науки и подчинена логике медиа. Осмысление новых способов производства исторического знания, обусловленного использованием информационных технологий и социальных медиа, происходит в исторической эпистемологии с учетом социальных условий познания, что сближает ее с социальной эпистемологией. Социальная эпистемология позволяет выйти на обоснование существования социально-эпистемических арен, рассматриваемых как часть коммуникационного пространства производства знания, и разработать эффективную методологию их исследования.

2.3. «Умные толпы» гражданской исторической науки как агент медиапамяти²⁶⁵

Современная цифровая среда характеризуется большей предрасположенностью к социальному взаимодействию чем какая-либо другая в предшествовавшие исторические эпохи. Интернет-коммуникация создала предпосылки для объединения людей с любыми целями: политическими, производственными, культурно-досуговыми. Социальные медиа сделали возможным практику реального взаимодействия больших групп людей, которое осуществляется как в офлайн, так и онлайн форматах. Массовость стала отличительной чертой социального действия, имеющего в тоже время сетевой характер. Социальные сети упрощают коммуникацию и создают новые основания для развития социальной солидарности. В первую очередь, они трансформируют социальную функцию массы, одного из самых проблематичных для социально-философской традиции коллективных субъектов.

Практики сетевого взаимодействия создали эмпирическую базу для пересмотра основных философских подходов осмысления феномена толпы и массового общества, которые складывались на протяжении всего XX в. В работах Г. Лебона, З. Фрейда, С. Московичи, Т. Карлейля, Г. Тарда, Н.К. Михайловского массы рассматривались в негативном контексте, как угроза прежней человеческой цивилизации, замещаемой «веком толп». Рассматриваемые авторы не делали методологического разграничения между понятиями «масса» и «толпа», что привело к дальнейшему синонимическому

²⁶⁵ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С. Новая цифровая солидарность и "реабилитация" толпы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 2. С. 124-129. DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129; Артамонов Д. С. Философия толпы в современной медиакультуре: новые тексты и интерпретации // Философский текст в современной текстовой культуре: Материалы всероссийской конференции, Судак, пос. Новый Свет, 18–20 сентября 2018 года / Под редакцией О.В. Зарапина. Судак, пос. Новый Свет: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 10-12;

хождению терминов в научном обороте²⁶⁶. Толпа характеризовалась как хаотичное начало, склонное к разрушению, а не созиданию. Философы представляли ее как слабоуправляемое скопление людей, главной чертой которого была утрата индивидами способности к наблюдению и осмысленному действию, подчинение бессознательным инстинктам. Доминирование масс связывалось с неразвитостью и низким умственным уровнем большинства, которые в толпе утрачивали самостоятельность личности, критичность ума и способность к рациональному суждению. Естественной формой действия толпы, легко подчиняющейся внешним стимулам, по мнению мыслителей, была паника. Импульсивные реакции толпы на внешние раздражители объяснялись обезличиванием человека и растворением его в массе, что приводило к невозможности самостоятельно контролировать свои страсти и противостоять манипулятивным влияниям²⁶⁷.

Основной характеристикой толпы считалась иррациональность, объяснявшая сложность понимания массового поведения, непредсказуемость действий толп и их практическую неуправляемость. Толпу определяли как большое скопление людей с общим эмоциональным настроем, собравшихся в одном месте и объединенных общей темой. Сосредоточенные в одном месте люди вынуждены были находиться в непосредственной близости друг к другу и быть прикованными к одному центру внимания, что создавало условия для эффективного манипулирования их волей. Манипуляторами выступали «вожди», действующие в своих корыстных интересах. Массы, служащие интересам своих вождей, вызывали страх, так как в основе поведения толпы лежали неконтролируемые эмоции, а не разум. Толпа не имела структуры или какой-либо организации поведения, что отличало ее от группы или каких-либо других институализированных форм объединения индивидов.

²⁶⁶ McClelland J. S. *The Crowd and the Mob: from Plato to Canetti*. London: UnwinHyman, 1989. P. 112.

²⁶⁷ Валиевич Е. С. Эволюция коллективности в аспектах массы, толпы и вождизма // *Ценности и смыслы*. 2014. № 5 (33). С. 106-110.

Теоретическая «реабилитация» толпы началась в XXI в. в результате цифровизации современного общества. Постепенно в дискурсе социальной теории приходило понимание того, что толпа может быть управляема и регулируема, причем внутренними по отношению к толпе равноранговыми акторами. Новые характеристики поведения толпы фиксировались не только в digital-среде, так как быстро выяснилось, что интеграция офлайн и онлайн пространств происходит постоянно. Иначе говоря, организованная в сети Интернет масса людей способна на рациональное социальное действие в реальном мире. Социальное взаимодействие людей при помощи электронных средств коммуникации имело по большей части позитивный характер, что послужило поводом к пересмотру исследовательских точек зрения на роль масс.

Некоторые социальные теоретики в начале XXI в. предложили новую интерпретацию социальной роли феномена цифровой толпы. Структурно-организационную концепцию цифровизации масс предложил Г. Рейнгольд²⁶⁸. Новый вид толп, консолидирующих индивидов в синхронизированное целое на основе интернет-технологий, он обозначил термином «умная толпа» (*smart mob*), словом *smart* подчеркивая скоординированность и телерациональность коллективных действий. Умная толпа Рейнгольда тесно связана с новым качеством спонтанности: для внешнего наблюдателя акции умных толп разворачиваются внезапно и беспричинно, но фактически они тщательно спланированы и подготовлены. Важно отметить, что хотя Рейнгольд начинает свой анализ толп с дескриптивных позиций, он довольно быстро приходит к выводу о том, что умная толпа – это технология социальной организации. Благодаря перманентному свободному обмену данными между неограниченным количеством пользователей возможно с минимальными издержками собирать массы для осмысленных рациональных действий. С толпами доцифровых эпох умную толпу сближает только внешний признак, а именно быстрая концентрация большого числа людей в публичном пространстве. Внутренние

²⁶⁸ Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge: MA Perseus Publishing, 2002. 266 p.

характеристики данного феномена связаны с новым качеством социальной организации, когда основой интеракций становятся слабые социальные связи.

Итак, умная толпа (в терминологии Рейнгольда – смартмоб, в медиадискурсе – флешмоб) может быть противопоставлена толпе обычной как новая групповая форма социальной практики. Ее ключевой характеристикой является четкая дихотомия на онлайн и офлайн фазы, поскольку планируются и контролируются смартмобовые действия в Интернете, а реализуются в традиционном социальном пространстве. Взгляды Рейнгольда способствовали появлению мысли о том, что благодаря цифровым технологиям толпа может быть четко организована для выполнения рациональной задачи и управляема самими участниками.

Когнитивно-экспертную концепцию цифровой толпы предложил Д. Шуровьески, использующий близкие Рейнгольду идеи, утверждающие, что цифровая толпа является сложной формой социальной организации. В русле социальной эпистемологии он доказывает несостоятельность тезиса об иррациональности толпы в условиях цифрового общества и радикализирует утверждение о ее рациональности. Если Рейнгольд считает, что высокотехнологичная толпа не снижает рациональность отдельного индивида, то Шуровьески идет дальше и доказывает, что она эту рациональность повышает²⁶⁹. Используя экономико-управленческие кейсы, Шуровьески показывает вклад коллективного разума в переформатирование современных институциональных структур (бизнес, гражданское общество, государство). Наиболее показательны примеры экспертных функций толпы, востребованных для решений сложных задач. Автор показывает, как технологии раскрывают прогностические способности толпы, применяемые в финансовой сфере, политике, оптимизации бизнес-проектов, предсказании катастроф и терактов. Показательно, что Шуровьески отказывается от традиционных

²⁶⁹ Surowiecki J. The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations. New York: Doubleday, 2004. 296 p.

элитократических концепций, демонстрируя когнитивное превосходство цифровой толпы над интеллектуальными элитами. Интеллектуальная реабилитация толпы, осуществляемая Шуровьески, открывает новый взгляд на способы координации действий больших групп людей.

Разновидностью когнитивно-экспертной концепции являются вики-модели цифровой кооперации масс. Они связаны с консолидирующим потенциалом вики-сайтов (т.е. сайтов, содержанием которых самостоятельно управляют пользователи, а не профессиональные разработчики). Д. Тапскотт и Э.Д. Уильямс, предложившие термин «викиномика», исследовали экономические и социальные эффекты новых технологий массового сотрудничества²⁷⁰. Главное теоретическое достижение их вики-модели – установление массовизации социальных практик, основанных на принципах открытого кода и взаимодействия равных.

Эту аналитическую линию продолжает Б. Новак, изучавшая вики-правительство. Вики-сайты позволяют пользователям не только публиковать контент, но и отбирать его на основе экспертных практик, связанных с накоплением цифровой репутации. В итоге вики-сообщества превращаются в консолидированную экспертную цифровую толпу, весьма далекую от консервативного образа толпы как объекта. Вики-толпа – это созидательное начало, способное обслуживать выдвижение и реализацию проекта любого характера, политического, правового, технического и т.д. По мнению Бет Новак, вики-правительство представляет собой новую форму коллективных действий, которая может повысить эффективность государственных структур, создав «правительство людей, для людей и с участием людей»²⁷¹. Как видим, активность масс в условиях цифровизации становится формой коллективного творчества, а не инструментом разрушения и дестабилизации.

²⁷⁰ Tapscott D., Williams A. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York: Portfolio, 2006. 324 p.

²⁷¹ Noveck B. *Wiki government: how technology can make government better, democracy stronger, and citizens more powerful*. Washington: Brookings institution press, 2009. С. 11.

И последняя, ресурсная, концепция Д. Хау рассматривает цифровую толпу как аккумулятор ресурсов, в первую очередь – временных и когнитивных. Распределение масштабных проектов на массив локальных фрагментов операций, легко выполняемых рядовыми пользователями, Хау обозначил как краудсорсинг. Позднее этот термин стал применяться для описания схожих технологий использования ресурсов больших масс пользователей, в целях реализации позитивных социальных проектов. Под краудсорсингом он понимал технологию социального действия, в основе которой лежит делегирование полномочий в решении разного рода задач массе интернет-пользователей, объединенной на различных сетевых площадках и выполняющих работу бесплатно или за небольшое вознаграждение²⁷². В ресурсной концепции описываются коллективные практики реализации творческого созидательного потенциала индивидов, которому нет места в офлайне. Важно, что цифровая толпа в концепции Хау становится мощным инструментом преодоления социального отчуждения.

Действительно, массы пользователей не ограничиваются обменом информацией, они стремятся к интеракциям с реальными эффектами, меняющими социальную реальность. Википедия, пожалуй, один из самых известных и масштабных проектов, осуществляемый с помощью краудсорсинга. Создание «свободной энциклопедии» на основе объединенного контента неизбежно приводит к ситуации, когда различные точки зрения сталкиваются. Исследователи Андреас Кальтенбруннер и Дэвид Ланиадо из компании Barcelona Media создали платформу Contropedia для анализа и визуализации споров в Википедии в реальном времени. Проведенный исследователями анализ показал, что конфликтность в Википедии, измеряемая объемом правок, очень мала, намного меньше, чем в социальных сетях²⁷³.

²⁷² Howe J. Crowdsourcing. Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. New York: Three Rivers Press, 2008. С. 21

²⁷³ Contropedia – сайт для анализа и визуализации споров внутри статей Википедии // URL: <https://te-st.ru/entries/contropedia-wikipedia/> (дата обращения: 11.11.2022)

Пользователи сети Интернет выступают за свободу информации и свободный доступ к интеллектуальным ресурсам. Часто упоминаемый пример в этой связи — свободное программное обеспечение Linux. Сегодня многие IT-компании идут навстречу пользователям, предлагая им открытые программы в обмен на интеллектуальные ресурсы толпы. Другой пример — это проект Sci-Hub Александры Элбакян, поисковая система с бесплатным доступом к научным академическим трудам и статьям. На этом сайте можно бесплатно получить доступ к огромному количеству платных публикаций, а ключи доступа к ним предоставляют ученые, которые уже подключены к платным базам данных. Интернет-пространство в целом не поддерживает право интеллектуальной собственности, но строго следит за соблюдением авторских прав. Пример работы в России «Вольного сетевого сообщества «Диссернет» показывает, как чутко интернет-пользователи реагируют на попытки нарушения авторского права в научной сфере, они поддерживают этот проект финансово и участвуют в нем в качестве экспертов, выявляя плагиат. В США государственное патентное бюро на постоянной основе использует сеть волонтеров, куда входят учёные, технические специалисты, люди, чья квалификация позволяет принимать участие в процессе рассмотрения заявок на патенты.

Попытки скрыть какую-либо информацию или запретить к ней доступ приводят к кризисным явлениям и еще большему распространению того, что пытались утаить. Показательны кейс сайта Digg.com., когда апреле 2007 г. после блокировки кода обработки HD-DVD, пользователи стали его распространять на своих интернет-страницах в массовом порядке, а также история Барбары Стрейзенд, пытавшаяся остановить распространение в сети фотографий своего дома, тем самым только увеличив просмотры. Эти примеры демонстрируют, что массы в цифровой среде действуют слаженно, организовано и добиваются поставленных целей, если вопрос касается свободы информации.

Разумеется, действия больших групп в сети Интернет не всегда бывают разумными и позитивными. Ярким примером негативного сетевого поведения толпы является троллинг. Это явление можно охарактеризовать как процесс

размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки путём нарушения этических правил интернет-взаимодействия. Разновидностью троллинга являются флейм, выражающийся в волне правок (постмодерации сообщений, тем, новостей) и «холивар», т. е. бесцельная конфронтация. Интернет-тролли могут испортить обсуждение, распространить вредный совет либо деструктивную идею, разрушить чувство взаимного доверия в сообществе, таким образом, нанося существенный вред коммуникации. Общение в социальных сетях занимает слишком большую роль в социальной жизни человека и очень часто приводит к открытым конфликтам. Исследователи из University of Missouri-Columbia провели анализ 500 тысяч сообщений в Twitter и показали, что большинство скандалов часто развиваются прямо в социальных сетях или продолжаются на просторе Интернета, в некоторых случаях конфликты в сети могут привести к столкновению в реальном мире²⁷⁴.

Однако, для цифровых толп характерен новый баланс позитивных и негативных аспектов. Думается, что первые доминируют над вторыми в силу растущего государственного контроля и этической саморегуляции. Интернет-пользователи с помощью этического кодекса саморегулирования снижают и преодолевают эти практики, путем блокировки агрессивных участников процесса коммуникации, удаления их аккаунтов, морального внушения и всеобщего осуждения. Рациональные действия толпы направляют коммуникацию в позитивное русло, стабилизируя систему социальных связей. Негативные явления в социальном сетевом взаимодействии также выступают источником проявления новой солидарности, носящей цифровой характер.

В целом, цифровая толпа является новой формой групповой активности, для которой характерно повышение оперативности управления, усиление когнитивного потенциала, распределение наличных ресурсов для решения

²⁷⁴ Конфликты в социальных сетях // URL: http://medvesti.com/news/world/29309-konflikti_v_sotsialnih_setyah_stanovyatsya_prichinoy_razvodov.html#share (дата обращения: 11.11.2022)

важных социальных задач. Ключевой функцией данного феномена является укрепление социальной солидарности в цифровом обществе, для которого характерно сверхбыстрое формирование и распад социальных связей и динамичная реорганизация институциональных форм²⁷⁵. Поскольку индивиды чаще становятся инициаторами установления социальных связей, повышается групповая способность к кооперации. Иначе говоря, формируется новая цифровая солидарность.

Новая цифровая солидарность представляет собой социальное явление, при котором большие массы людей используют механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Она проявляется в различных сферах организации сетевых действий, таких как цифровая экономика, цифровая демократия, новое производство знания, новая экспертиза, новый альтруизм, новая этика, культура отмены, новый досуг, и производства информационного контента, где люди воспринимают себя как сотрудников, а не как конкурентов, формируя целостное единство.

Классические формулировки солидарности (О. Конт, Э. Дюркгейм) имели аксиологическое, мифологическое или религиозное основание и носили идеологический характер. Новая солидарность имеет организационно-когнитивную природу, в которой у действия есть специфическая структура, связанная с построением сети и, одновременно, оно преследует рациональную цель, опираясь на новое знание о цифровой среде. Индивиды теперь сами строят горизонтальные социальные связи, которые раньше формировались стихийно в процессе социализации. Эти связи имеют слабый и непрямой характер, что, по мнению М. Грановеттера, открывает лифты социальной мобильности²⁷⁶. Любой пользователь Интернета может вступать в контакт и обмениваться информацией

²⁷⁵ Рязанов А. В. Новые солидарности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 2А. С. 186-193.

²⁷⁶ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 41.

с любым другим пользователем, согласным на общение. Интернет трансформирует индивида в субъекта эгоцентрических слабых сетей, подыскивая и выбирая подходящих для его целей контрагентов, позволяя ему целенаправленно устанавливать слабые связи, которые являются основой солидарного действия в цифровой среде²⁷⁷. Таким образом, опыт конструирования личных социальных сетей лежит в основе цифровой солидарности, что дает ключ к пониманию социальной динамики цифрового общества.

Историческое познание представляет собой ту область сферы науки, в которой проявляется новая цифровая солидарность. Практики гражданской науки реализуются в исторических исследованиях и вполне укладываются в программу «Do it yourself» (DIY). Наибольшее распространение получили DIY-активности, связанные с производством контента. Сюда можно отнести развитие гражданской журналистики, когда обычные граждане, не являясь профессиональными авторами, принимают участие в создании и распространении новостных сообщений. Новые медиа и блоги стали для просьюмеров одной из главных площадок самовыражения, так как они предоставляют возможность создавать и просматривать контент в той среде, которую можно легко и быстро освоить. На базе принципа UGC («user-generated content» — контент, создаваемый пользователями) основана целая индустрия цифрового производства, такие веб-сайты как YouTube и SoundCloud, Shutterstock, на которые пользователи-любители могут загружать собственные материалы. Они стали популярнейшими интернет-ресурсами, где происходит создание и потребление информации в невероятных объемах.

Краеведение, генеалогия и историческая реконструкция, осуществляемые преимущественно энтузиастами и общественными активистами, сегодня представляют собой уже традиционные, ставшие привычными формами участия граждан в производстве исторического контента, конструирующего

²⁷⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. С. 148-156.

представления о прошлом. Однако, цифровые технологии выводят этот вид деятельности на совершенно новый уровень. Социальные сети и интернет-площадки позволяют более эффективно вербовать участников, организовывать совместную работу, продвигать историческое знание и собирать финансовые средства на проведение мероприятий.

В области генеалогии самый масштабный онлайн-проект реализуется на сайте «Family Tree & Family History at Geni.com»²⁷⁸. Главной целью проекта является создание единого мирового генеалогического древа при помощи пользователей. Ресурс предоставляет возможность упростить процесс изучения генеалогии рядовому обывателю, составить собственную родословную и найти ветви собственного генеалогического древа, сравнивая свои данные с данными других участников проекта. На сегодняшний день на сайте насчитывается свыше 185 миллионов профилей, связавших 128 миллионов человек по всему миру в Большое древо. По данным сайта, в генеалогической работе принимают участие 12 миллионов пользователей, которые имеют возможность загружать и хранить свои семейные фотографии, видео, записи и другие источники, делиться ими со своими родственниками, приглашать их к сотрудничеству, чтобы они добавляли недостающие детали. Автоматический поиск совпадений позволяет быстро находить родственников, которые изучают одних и тех же предков и беспрепятственно работать с ними над одним общим деревом. Каждый пользователь имеет возможность пройти ДНК-тест, чтобы узнать о своем этническом происхождении или найти новых родственников. Данные этих тестов хранятся на сайте, представляя собой уникальнейшую коллекцию сведений о человеческом сообществе. Семьи используют Geni для совместной работы над историей своей общей семьи и поддержания связи с родственниками. Профессиональным генеалогам и историкам сервис также полезен для документирования исторических профилей и поиска важных семейных связей

²⁷⁸ Geni [Сайт] // URL: <https://www.geni.com/family-tree/html/start> (дата обращения: 10.11.2022).

между историческими личностями. Но главную роль там играют обычные люди, генерирующие огромные объемы информации.

Кроме Geni существуют и другие генеалогические сайты, построенные по типу семейно-ориентированных социальных сетей: MyHeritage, 71 млн. пользователей (MyHeritage и Geni были интегрированы в 2012 г.²⁷⁹); Familyspace, 6 млн.; Genway, 619239 участников; WikiTree, 585559; Всероссийское генеалогическое древо (vgd.ru), 90377 пользователей; Родовод (rodovid.org), 36675; Родовое древо, 354768; Мое семейное древо (pomnirod.ru), 153263 профиля; Родословная книга (rodoslovnaya.org), 257075 персональных страниц. Огромное количество участников генеалогических проектов позволяет говорить о заинтересованности пользователей в историческом знании и глубокой личной вовлеченности в процесс его получения.

Историческое краеведение не остается в стороне от современных тенденций организации производства исторического знания. Оно тесным образом сегодня связано с развитием туризма, в котором с успехом применяются краудсорсинговые технологии²⁸⁰. Краеведы используют площадки социальных сетей для популяризации информации о «родном крае», ведут блоги, краеведческие паблики и интернет-сообщества. Большие возможности для участия в краеведческих исследованиях предоставляет пространство Википедии. На площадках, предоставленных в рамках wiki-проектов, имеется возможность создавать локальные интернет-страницы, посвященные изучению определенного региона. В пример можно привести проекты ВикиСибиряДа²⁸¹ и Вики-Поляны²⁸². Они представляют собой свободные ресурсы для коллективной работы краеведов-любителей, библиотекарей, педагогов-краеведов, детей, молодежи над созданием, размещением и сохранением материалов Сибирского

²⁷⁹ Geni is Joining the MyHeritage Family! // URL: <https://www.geni.com/blog/geni-is-joining-the-myheritage-family-378424.html> (дата обращения: 10.11.2022).

²⁸⁰ Селезенев Р. С. Использование приемов краудсорсинга в туризме: проблемы и достижения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7 (62). С. 244-250.

²⁸¹ WikiSibiriaDa [Сайт] // URL: <http://wiki-sibiriada.ru> (дата обращения: 11.11.2022).

²⁸² Вики-Поляны [Сайт] // URL: <http://kraeved.vp43.ru/wiki> (дата обращения: 11.11.2022).

региона и Южной Вятки соответственно. В сетевом проекте может принять участие любой желающий и поделиться своими знаниями о родном крае, создать статью по географии, истории, культуре, литературе региона, рассказать о себе или родных и близких людях, либо о знаменитых жителях. Целью краеведческих вики-проектов является создание свободной коллективной гипертекстовой энциклопедии края. В Вики-Сибириаде принимают участие 9639 человек, создано 7447 статей, в которых загружено 40320 изображений, в Вике-Поляны насчитывается 743 статьи с общим числом страниц 2399; интенсивность редактирований здесь (9324) позволяет делать выводы, что проект привлекает большое количество активных пользователей.

Википедия является самым ярким примером краудсорсинга, эта «свободная энциклопедия» одна из самых массовых, динамичных и доступных онлайн-платформ по агрегации знания. В большинстве случаев в списке результатов по запросу в интернет-поисковиках именно она занимает первую строчку. Проект «История», осуществляющийся в ее рамках, разрастается с невероятной скоростью: если на момент 15.06.2017 г. в русскоязычной версии в нем было 3448 статей, то на 12.01.2019 г. их уже 7098, т. е. за полтора года количество статей на историческую тематику увеличилось более чем в два раза. Данный проект объединяет участников Википедии, интересующихся историей, а его целью является написание качественных и полных статей по истории, выработка соглашений по оформлению и содержанию статей и координация усилий всех тематических подпроектов (персоналии, военная история...). В проекте работают 58 постоянных участников, однако, большую долю исторических статей и правок обеспечивают рядовые пользователи²⁸³.

Исторические статьи в Википедии, как показывает их анализ, тяготеют в большей мере к нарративным стратегиям, подразумевающим установку на анекдотическую прецедентность. Это качество роднит их с «популярной историей». Однако, статьи выдержаны в энциклопедичном стиле, который

²⁸³ Проект: История [Сайт] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.11.2022).

достигается не авторитетностью высказывания и фундаментальностью текста, и обеспечивается не единой точкой зрения, а стремлением каждого конкретного участника воспроизводить безличную якобы «объективную» манеру письма, на самом деле сохраняя при этом свои специфические, подчас очень узкие интересы и отставляя свою субъективную точку зрения на те или иные события²⁸⁴.

Другой крупнейшей краудсорсинговой платформой по агрегации видео-контента является YouTube. Простейший поисковый запрос на этом сайте по тегу «история» дает примерно 151 миллион результатов. Этот канал коммуникации уже освоили ведущие телекомпании и киностудии, выкладывая здесь различный контент, в том числе и исторический, но изначально и до сегодняшнего дня данная площадка предоставляла возможность создания и размещения исторического видео-контента любому пользователю. На YouTube производится популяризация исторического знания, размещаются любительские исторические документальные фильмы, реализуются образовательные проекты в области истории, публикуются видео-лекции на историческую тематику²⁸⁵. Блогеры высказывают оценочные суждения, подкрепляя их историческим материалом, распространяют исторические мифы, и здесь же их деконструируют и разрушают. Значение YouTube как важнейшего источника исторической информации для современного человека трудно переоценить, исследователи отмечают, что происходит масштабный переход от текстового потребления информации к стремлению получать знания в видео-формате²⁸⁶, создание и распространение которого общедоступно.

YouTube стал важнейшей площадкой для пропаганды движения исторической реконструкции, позволив разместить более 188 тыс. тематических

²⁸⁴ Задирко Е. «Период застоя»: статья в Википедии как форма исторического знания в публичном пространстве. «История ножниц и клея?» Сетевое «историческое прошлое» и стратегии его создания // Гефтер. [Сайт]. URL: <http://gefter.ru/archive/22911> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁸⁵ Зверева Г. И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube // Преподаватель XXI век. 2019. № 4-2. С. 323-337. DOI: 10.31862/2073-9613-2019-4-323-337.

²⁸⁶ Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику. 2012—2016. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 304 с.

материалов. Исследователи не раз отмечали огромную роль движения в формировании коллективной памяти²⁸⁷; личное участие человека в воссоздании исторических событий или атрибутов эпохи представляет собой уникальный опыт коммеморации, который сложно получить каким-либо другим образом. Благодаря развитию современных интернет-технологий движение постоянно расширяется, наблюдается рост числа исторических клубов, а показательные выступления реконструкторов приобретают все большее число зрителей. Так, по данным сайта MReen.org в России насчитывается 115 клубов исторической реконструкции и это, наверняка, далеко не полный список²⁸⁸. По данным сайта «Национальный календарь событий» только на 2019 г. прошло 42 фестиваля исторической реконструкции, диапазон тематики которых охватывает эпохи от Средневековья до Великой Отечественной войны²⁸⁹.

Большинство исторических клубов и фестивалей реконструкции прочно инкорпорированы в пространство социальных сетей. Социальные медиа дают возможность объединения в группы, упрощают процесс создания локальных сообществ, способствуют быстрому распространению информации, в них происходит обмен знаниями, поиск исторических материалов, обсуждение исторических проблем. Только в социальной сети «ВКонтакте» по данным каталога сообщества «Историческая реконструкция и ролевые игры. Ссылки» насчитывается 1270 групп соответствующего профиля, в которых состоят десятки тысяч пользователей.

Цифровой формой исторической реконструкции является виртуальное 3D-моделирование. Компьютерные технологии позволяют буквально оживлять прошлое. Если раньше использование программ для трехмерного

²⁸⁷ Уголев Е. М. Историческая реконструкция как феномен исторической памяти // Преподавание истории в школе. 2011. № 8. С. 10-14; Иванов А. Реконструкция как форма активизации исторической памяти // Ратоборцы [Сайт]. URL: <http://blog.ratobor.com/agency/2016/11/rekonstrukciya-kak-forma-aktivizacii-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁸⁸ MReen.org. Исторические клубы. [Сайт] // URL: <http://mreen.org/clubs/> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁸⁹ Национальный календарь событий [Сайт] // URL: <http://eventsinrussia.com/tag> (дата обращения: 12.01.2023).

моделирования в исторических исследованиях требовало тесного сотрудничества технических специалистов и гуманитариев, либо специальной подготовки последних, то сегодня можно наблюдать упрощение программного инструментария, которое дает возможность любому пользователю воссоздавать картину прошлого в 3D-моделях²⁹⁰. Для сравнения, реализация проекта «Rome Reborn», направленного на воссоздание облика Вечного города в 3D-модели, потребовала 3 млн. долларов и усилий пятидесяти ученых, работавших с 1974 г. под руководством цифрового археолога Бернарда Фришера²⁹¹, в то же время 3D-реконструкция античного Рима творческого коллектива «История 3D», состоящего из трех человек под руководством Данилы Логинова, сотрудника ООО «3D Клевер» в Симферополе, потребовало всего 19900 рублей, собранных на краудфандинговой платформе Planeta.ru²⁹². На сегодняшний день на YouTube-канале Данилы Логинова насчитывается 32 тыс. подписчиков и 1 133 350 просмотра видео с результатами виртуальной 3D-реконструкции античных городов и истории Крыма²⁹³.

В практиках приобщения к коллективной истории локальных сообществ историческая реконструкция онлайн является для человека менее затратным способом участия, она не требует серьезных материальных и временных ресурсов, поэтому более доступна. Овладение навыками использования компьютерных программ — это все, что нужно для полноценного погружения в реальность исторического прошлого. Отметим, что по эмоциональному воздействию виртуальная реальность почти не отличается от реального участия в офлайн-реконструкции. По этой причине индустрия компьютерных игр

²⁹⁰ Еремин И. Е., Боднарюк М. К., Вишневский А. В., Черкасов А. Н. Компьютерная историческая реконструкция // Ученые заметки ТОГУ. Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск). 2016. Т. 7. № 3-1. С. 111-116; Технологии виртуальной исторической реконструкции // URL: <http://www.hist.msu.ru/Strastnoy/04.htm> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁹¹ Плахова А. Сайт дня: виртуальная реконструкция Древнего Рима // НОЖ [Сайт]. URL: <https://knife.media/rome-reborn/> (дата обращения: 12.11.2022).

²⁹² 3D реконструкция античного Рима // Planeta.ru [Сайт]. URL: https://planeta.ru/campaigns/rome_in3d (дата обращения: 12.11.2022).

²⁹³ YouTube [Сайт] // URL: <https://www.youtube.com/user/rissian85/featured> (дата обращения: 12.11.2022).

выступает активным агентом формирования медиапамяти. Игрокам предоставлены возможности проживать жизнь исторических героев в смоделированной реальности, которой может управлять каждый из них. В этом отношении показательна игра «World of tanks», получившая множество призов и неоднократно вошедшая в Книгу рекордов Гиннеса: в нее играют уже более 150 млн. игроков и популярность ее только растет.

Однако, более интересный пример виртуального моделирования исторической реальности пользователями представляют инди-игры, т. е. непрофессиональные, любительские, компьютерные игровые продукты. Они создаются на основе свободного программного обеспечения без финансовой поддержки издателей компьютерных игр, с минимальным бюджетом, неинкорпорированными разработчиками, либо небольшими коллективами. Эти игры не имеют операционных ограничений со стороны издателей или творческих ограничений, связанных с обладанием авторскими правами, так как используют открытый исходный программный код. Любой разработчик-любитель может создать модификацию к существующей программной игре, изменив любую ее часть, дизайн, воссоздав ту виртуальную реальность, которая будет отвечать его потребностям и интересам. Воссоздание исторической реальности в подобных компьютерных играх не менее популярно, чем создание других виртуальных миров. Наибольшей популярностью пользуется тематика Средневековья и Второй мировой войны.

Другой областью создания альтернативной исторической реальности является литература. Написание произведений в жанре исторической беллетристики, альтернативной истории, фэнтези уже давно перестало быть прерогативой профессиональных писателей. Создание литературного произведения «своими руками» для поколения просьюмеров не является проблемой. Большую популярность среди них приобрели фанфики, любительские литературные сочинения по мотивам оригинальных произведений. Поклонники известных художественных произведений, кинофильмов, компьютерных игр, комиксов объединяются в фандомы,

представляющие собой развитые субкультуры. Фанфики очень часто являются продолжением или модификацией основного сюжета популярного литературного или кинематографического произведения. Количество фанфиков огромно, а их культура представляет собой почти бесконечное разнообразие видов и форм, поэтому неудивительно, что среди фикрайтеров, авторов подобных сочинений, не редки любители истории, и исторические сюжеты регулярно становятся объектом их внимания. В «Книге фанфиков» на краудсорсинговой платформе ficbook.net нашлось 34 340 любительских литературных произведений, где действие происходит в четко заданный исторический период, а жанр обозначен как «Исторические эпохи»²⁹⁴.

Вывод: массы интернет-пользователей, создавая исторический контент в ходе совместной деятельности и распространяя его через социальные медиа, активно участвуют в интерпретации Прошлого. В историческое знание, которое они производят при помощи цифровых технологий, закладывается мощный мировоззренческий компонент, актуализирующий прошлое в современности. Историческая реальность, сконструированная «умными толпами», становится им понятной и близкой. Более того, история начинает восприниматься ими не как отвлеченная наука, не имеющая практического значения здесь и сейчас, а как собственный продукт научного творчества. Процесс получения исторического знания и конечный результат остаются в памяти массы интернет-пользователей, причастных к его созданию. Так историческое знание переходит в разряд памяти, растворяется в медиа, тиражирующих его и пополняет содержание медиапамяти, откуда «умные толпы» черпают информацию для дальнейшего воспроизводства представлений о Прошлом. «Умные толпы» интернет-пользователей выступают важнейшим социальным агентом медиапамяти.

Заключение по 2 главе: историческое знание в рамках социально-эпистемических арен вырабатывается различными акторами: учеными — профессиональными историками, массами интернет-пользователей,

²⁹⁴ Книга фанфиков [Сайт] // URL: <https://ficbook.net/genres/history> (дата обращения: 12.11.2022).

использующими технологии краудсорсинга и нечеловеками (цифровыми технологиями и цифровыми медиа). В рамках направления публичной истории профессиональные историки привлекали при помощи краудсорсинговых технологий массы интернет-пользователей для выработки исторического знания. Сегодня эти практики стали основой образования социально-эпистемических арен. Цифровые медиа стали не просто площадкой проведения исторических исследований и местом, где происходит конвергенция знания, полученного историками-профессионалами, любителями истории и компьютерными технологиями, они активно включены в процесс его производства, так как воспринимаются всеми участниками данного процесса как субъект конструирования представлений о прошлом.

Интенсивное развитие социальных медиа увеличивает включенность пользователей в производство знаний. Массив производимого ими контента вытесняет классические СМИ из структуры обращаемости по общественно-политическим и аналитическим сведениям. Пользовательские мнения сами по себе являются специфической формой повседневного знания, обладающей особыми дискурсивными правилами производства, системами верификации и авторитетов. Неформальное знание, производимое обывателями вне институциональных практик, часто объективируется сегодня в форме контента социальных сетей, сетевых записей различных форматов (микроблог, блог, твит, пост и т.п.). Повседневное обыденное знание, ранее бытовавшее преимущественно в устной форме и проникавшее в массовое сознание и массовую культуру через систему культурных цензов, в условиях социальных сетей становится публичным через сеть социально-эпистемических арен и получает новые механизмы влияния (лайки, репосты), не только обеспечивающие его массивное тиражирование, но и прямую включенность в процессы формирования репутаций и общественного мнения.

Таким образом, коммуникационное раскрепощение субъекта приводит к трансформации социально-эпистемологического фона его социальной активности. Цифровая повседневность, порождающая новые эпистемические

практики, конкретизирует специфику социальной реальности цифрового общества. Она не детерминируется технологиями прямо и жестко – известно множество случаев, когда технологические цифровые проекты обживались пользователями совсем иначе, чем это планировалось их разработчиками. Тем не менее, именно цифровые технологии лежат в основе новых социально-эпистемических арен, на которых пользователи оттачивают свое умение понимать прошлое, настоящее и будущее. Индивиды в цифровом обществе массово включены в процесс отбора технологических сервисов и решений, доместификация которых задает потом параметры распределения знания.

Глава 3. Конструирование медиапамяти в контексте «демократизации» и цифровизации истории

3.1. Цифровая история и цифровая философия истории в структуре медиапамяти²⁹⁵

Во второй половине XX в. историческая наука испытывала на себе сильнейшее влияние постмодернизма, который отверг основные научные ценности и принципы эпохи модерна. Историками были поставлены под сомнение объективность и истинность исторических фактов, принцип закономерности исторического процесса и поступательное развитие истории, наличие причинно-следственных связей между событиями, а также возможность верификации и доказательность аргументов. Принципиальная познаваемость исторического прошлого была признана несостоятельной, и вместе с этим возник вопрос о том, является ли история наукой? В это время в исторической науке проблема изучения реальности отходит на второй план, а все внимание историков занимает проблема метода в исторических исследованиях. Поиск новой методологии и желание вернуть истории статус научной дисциплины привели ученых к пониманию необходимости проведения междисциплинарных исследований при изучении прошлого.

Результатом стало обращение историков к математическим методам, применение которых сулило истории возвращение статуса научного знания. Так появилась клиометрика, которая как научная дисциплина образовалась после обращения историков к методам направления «новой экономической истории». Последнее развивалось в рамках институциональной экономической теории, применявшей количественный анализ исторических данных, который был

²⁹⁵ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С., Устьянцев В. Б. Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 1. С. 4-9. DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-1-4-9; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Время цифровой истории // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. Т. 22. С. 98-109.

основан на логике индивидуального выбора и рациональности экономических агентов.

В декабре 1960 г. Дж. Хьюгс и два его соратника Л. Дэвис и С. Ритер опубликовали на страницах журнала «Journal of Economic History» заявление, согласно которому логическая структура, необходимая для исторической реконструкции прошлой экономической жизни из сохранившихся обломков, должна включать в себя идеи истории, экономики и статистики»²⁹⁶. Это междисциплинарное смешение они называли клиометрикой, термин был введен в оборот, а впоследствии стал названием целого научного направления. Клиометристы стали анализировать большие массивы данных, которые ранее считались историками малопригодными к использованию или неинтересными.

Работы американских клиометристов Р. Фогеля, Д. Нортаи, С. Энгермана 1970-1980-х гг., основанные на использовании статистических методов для обработки и анализа данных исторических источников, положили начало количественной истории. Применяя методы математического моделирования в историческом исследовании, клиометристы создавали «альтернативные» модели исторических процессов, конструируя искусственные явления и ситуации. За тем эти модели сопоставлялись с реальными историческими явлениями, показывая как шло историческое развитие. В частности, научные исследования Р. Фогеля были сосредоточены на анализе эффективности железнодорожного строительства в США на протяжении XIX в.²⁹⁷.

Французская количественная история была представлена целой плеядой учеников Э. Лабрусса, одного из представителей школы «Анналов». П. Губер при помощи методов исторической демографии проанализировал жизнь народных масс, которая классическая историография ранее игнорировала.

²⁹⁶ Уильямсон С. История клиометрики в США (перевод А.Н. Полевой) // Экономическая история. Обзорение / Под ред. В. И. Бовыкина, Л. И. Бородкина. М., 1996. Вып. 1. С. 76.

²⁹⁷ Гусева Н. С. Математизация исторической науки: становление клиометрии в исторической науке во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 89.

Ж. Дюпё благодаря статистическим методам и соединению трех уровней анализа – экономического, социального и политического – предложил тотальную историю одного департамента Франции. Б. Жилю на основе истории цен и банков удалось реконструировать процесс появления экономических кризисов современного типа²⁹⁸.

В СССР клиометрия развивалась в рамках научного направления, называвшегося «количественная история», под руководством академика И. Д. Ковальченко. Он как основоположник нового направления стал главным инициатором создания Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях (1979–1994 гг.)²⁹⁹. Среди «корифеев» советской, а затем российской клиометрии следует отметить Л.В. Милова и Б.Н. Миронова, проводивших исследования по аграрной истории дореволюционной России, применяя методы статистического и демографического анализа³⁰⁰.

На заре своего появления клиометрика воспринималась как революционная дисциплина в исторической науке, способная дать целостную и объективную картину прошлого. В отличие от ранних трудов по экономической истории, носивших в основном прикладной описательный характер, клиометрика ставила в центр внимания изучение сложных механизмов исторических процессов и претендовала на теоретическое знание. Однако, ее претензии на создание универсальной методологии истории оказались несостоятельными. Количественные методы исследований дали возможность историкам по-новому взглянуть на ряд известных проблем, выйти на совершенно другой уровень обобщения исторического материала, поставить принципиально новые задачи, но в дальнейшем, примерно, с начала 1990-х гг. развитие клиометрики затормозилось. Она до сих пор востребована как вспомогательная

²⁹⁸ Уильямсон С. Указ. соч. С. 102-106.

²⁹⁹ Бородкин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 9.

³⁰⁰ Теория и методология истории / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гридин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 440-446.

историческая дисциплина, но уже не претендует на всеобщее теоретическое знание.

Обращение историков-квантификаторов к методам анализа машиночитаемых данных при помощи ЭВМ сформировало тенденцию к созданию информационных ресурсов в виде коллекционирования числовой и текстовой информации с возможностью ее вторичного многоаспектного использования. Историк в своей профессиональной деятельности стал выступать и как потребитель, и как создатель информации³⁰¹. Все это привело к появлению нового направления исторической науки — исторической информатики, сначала в рамках квантитативной истории, а затем после появления в 1980-е годы микрокомпьютеров и формирования больших баз данных она оформилась в самостоятельную дисциплину.

Применение компьютерных методов и информационных технологий в исторических исследованиях также имело революционный эффект и вывело историческую науку на новый уровень междисциплинарности, расширив инструментарий историка, что подчеркивалось названием нового направления на разных языках: «History and Computing», «l'Histoire et Informatique», «Historiae Informatica», «Geschichte und Informatik», «История и компьютер» и т.д.³⁰². В конце 1980-х – первой половине 1990-х годов в большинстве стран Западной, а затем и в ряде стран Восточной Европы развитие исторической информатики шло не только по пути совершенствования методов и технологий исторического исследования, но также было направлено на создание исторических информационных ресурсов. Все больше архивных источников становились доступными в цифровой форме, появлялись электронные библиотеки, электронные журналы, коллекции научных публикаций выкладывались в глобальной информационной сети. Эти материалы стали доступными для

³⁰¹ Гарскова И. М. Базы данных и квантитативная история // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во объединения Мосгорархив, 1997. С. 117.

³⁰² Гарскова И. М. Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 83.

вторичного использования другими исследователями, которые не просто копировали текст источника, но расшифровывали его и создавали многофакторные компьютерные модели, сопровождая свою работу научно-справочным аппаратом для того, чтобы оперировать произведенной информацией при решении разных исследовательских задач.

Таким образом, обработка исторических данных стала отличаться от обработки «обычных» данных, получив название источник-ориентированной. В конце 80-х гг. президентом Международной ассоциации «History and Computing», известным немецким ученым М. Таллером была разработана концепция источник-ориентированной системы управления базами данных κλειω (по имени музы истории Клио). Эта система оперировала оцифрованным изображением источника, его транскрипцией и внеисточниковым знанием, что представляло собой не просто электронную публикацию текста исторического источника, а подготовку его к компьютерной обработке с целью использования читателем-нечеловеком³⁰³.

Данные принципы публикации исторических источников, оцифровки архивов и создания больших массивов баз данных не только расширили возможности историков по изучению и интерпретации прошлого, но и сделали возможным проведение исторических исследований при помощи цифровых информационных технологий. Развитие виртуальной сети Интернет сделало возможным доступ к историческим ресурсам широкому числу пользователей и изменило систему коммуникаций профессионального сообщества историков и представителей других наук. Использование компьютерных методов и технологий в историческом исследовании стало рассматриваться как техническая и вспомогательная деятельность. На передний план на рубеже XX – XXI вв. выходит наука об исторической информации — «Historical Information Science», акцентировавшая междисциплинарность и тесную связь как с исторической, так и с информационной наукой.

³⁰³ Thaller M. The Need of a Theory of Historical Computing // History and Computing II. Manchester: Manchester University Press, 1989. P. 2–11.

Historical Information Science включает в себя такие направления работы с исторической информацией, как математическое моделирование данных и стандартизацию; электронную публикацию источников с использованием XML-технологий); компьютеризованный анализ нарративных источников и выявление структур текста; апробацию новых методов статистического анализа в исторических исследованиях; адаптацию информационно-поисковых систем для работы с историческими ресурсами и разработку структур метаданных; мультимедиа, визуальные реконструкции, моделирование, включая ГИС, 3D-реконструкции, графику, и т.д.; электронные публикации (онлайн-журналы исторического профиля, онлайн-выставки документов, книг или музейных экспонатов и т.д.)³⁰⁴. Все эти направления стали базовыми для создания цифровой истории.

Под цифровой историей (Digital history) сегодня понимают раздел цифровой гуманитаристики, изучающей использование компьютерных технологий и цифровых медиа для исторического анализа, исследований и визуализации данных. Изначально это направление было ориентировано на поиск новых исследовательских инструментов для учёных-историков, помогающих им в развитии истории как науки, и на расширение возможностей знакомства интернет-аудитории с цифровыми архивами, интерактивными картами, хрониками событий посредством Сети. Историческое знание в цифровой истории основывается на реконструкции, т. е. информационном моделировании, что определяет возможности работы с источниками информации и профессиональные аспекты исторического исследования в «цифровую эпоху».

Впервые термин «digital history» был применен в 1997 г. американскими исследователями Э. Айерсом и У. Томасом, которые основали Вирджинский

³⁰⁴ Бородкин Л. И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информации: тр. IX конф. Ассоц. «История и компьютер» / Под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 19-20.

Центр цифровой истории (Virginia Center for Digital History) при университете Вирджинии. Однако, еще тремя годами ранее в 1994 г. в университете Дж. Мейсона Р. Розенцвейг, считающийся одним из основоположников цифровой истории, открыл Центр истории и новых медиа (Center for History and New Media). Одним из наиболее часто цитируемых авторов этого направления является австралийский ученый П. Л. Артур, который в своих работах выделил четыре направления, характеризующих содержание цифровой истории: 1) виртуальная реконструкция объектов культурного наследия, с пространственной репрезентацией и созданием ГИС-приложений в исторических исследованиях; 2) разработка крупномасштабных информационных Интернет-ресурсов: онлайн-энциклопедий, атласов и словарей; 3) применение интерактивных гипермедиа технологий, экспериментальных форматов создания нарратива при помощи мультимедийных технологий, с учетом технологии виртуальной реальности; 4) создание коллективных с совместным авторством информационных ресурсов при помощи социальных медиа³⁰⁵.

Цифровая история воспринимается как один из методологических подходов к исследованию и репрезентации прошлого, который работает с коммуникационными технологиями, сетью Интернет и программными системами. Данный подход основан на гипертекстовой силе этих технологий, позволяющих создавать, определять, запрашивать и комментировать информацию об истории человеческого прошлого. Научные исследования в цифровой истории тесным образом завязаны на систему коммуникаций внутри профессионального сообщества историков и взаимодействие с аудиторией. Ее можно представить как открытую социально-эпистемическую арену, на которой происходит разработка нового исторического знания, на основе объединения усилий по сбору и интерпретации научных данных.

Практически каждый индивид в цифровую эпоху имеет доступ к набору новых интернет-инструментов, формирующих его социальную активность.

³⁰⁵ См.: Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Историческая информатика: перезагрузка // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 16. С. 10.

Цифровое неравенство сегодня все больше выражается не в возможностях доступа к сети Интернет, а в объемах и скорости передачи информации. Значение цифровых средств коммуникации многократно увеличилось в эпоху пандемии COVID-19, когда использование сети Интернет оказалось одним из немногих доступных вариантов связи с внешним миром через систему социальных сетей³⁰⁶. Кстати, по мнению исследовательницы В. Г. Федотовой, во время и после пандемии модели прогнозирования будущего стали еще более связываться с прошлым, манифестируя либо разрыв с ним, либо восстановление реалий допандемийного времени³⁰⁷.

Социальные сети позволяют создавать новые типы сообществ, получившие названия «умных толп». Они выполняют не только производственную функцию, обеспечивая общественный прогресс, но и эпистемологическую. В сетях знание создается не столько отдельными мыслителями, но переходит в распределенное или неформальное знание, создаваемое технологиями краудсорсинга. «Умные толпы» необходимым образом приходят к созданию исторического знания, интересуясь своим собственным прошлым и историей всего человечества. В этой ситуации отсутствие профессиональных исторических исследований не является препятствием осмысления исторического прошлого и вписывания его в контекст современности, так как исторические тексты создаются не отдельными авторами в технологии печатной культуры, а техниками гипертекста.

По сути, гипермедиа сегодня становится основой для создания новых платформ, позволяющих проводить важные исследовательские процедуры исторического анализа, без специальной профессиональной подготовки. Использование гиперссылок дает возможность интернет-пользователям не только находить тексты, но и связывать их смыслы воедино. Кроме того,

³⁰⁶ Федотова В. Г. Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 111-123.

³⁰⁷ Федотова, В. Г. Во время пандемии и после // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 112-122.

подобного рода платформы пригодны не только для проведения исследований, но и мгновенной презентации полученного знания. Лаборатория историка оказалась открыта широким массам, а результаты его работы стали легко доступны.

Версия цифровой истории Web 2.0 позволила открыть новые возможности для распространения исторических знаний при помощи коллективного участия в онлайн-проектах, направленных на создание ресурсов исторической тематики. Специалисты-историки, как правило, не контролируют развитие и качество этих ресурсов, которые развиваются естественным «цифровым» путем. Цифровая революция привела к тому, что коллективное действие стало конкурировать с профессиональными возможностями реконструировать прошлое. История в таких условиях становится открытой территорией для любителей, желающих «поиграть» с ней³⁰⁸.

Исторический нарратив в цифровую эпоху существует как взаимосвязь элементов исторического знания, дающих общее представление об истории только в распределенном состоянии, способном создать общую картину, и только через систему гиперссылок. Масштабность исторического нарративного гипертекста порождает иллюзию отсутствия макроисторических моделей прошлого, поскольку он не представлен явно в своей полноте и целостности, как единый систематизированный/структурированный текст. Создается впечатление, что история как наука разбилась на огромное количество сегментов, отраслей исторического знания, а в методологическом плане растворилась в подходах микроистории, *memory studies* и интеллектуальной истории.

Создание историографии усилиями профессиональных историков осложняется также информационной перегрузкой, т.к. изучение накопленной информации не под силу одному человеку в рамках его жизни. В тоже время,

³⁰⁸ Нуарэ С. Цифровая история: история и память, доступные каждому // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 7 (61) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001917-7-1/> (дата обращения: 06.12.2022).

индивиды в поисках знания об общих закономерностях исторического процесса, исторических фактах и событиях, формируя представления о прошлом, сегодня выступают не только субъектами познания, социальными субъектами, но и субъектами истории, творцами коллективной памяти. Они создают исторические цифровые тексты, носящие локализованный характер, актуализированные под необходимые им потребности и повестку дня. Свое представление об историческом прошлом пользователи сети Интернет транслируют через социальные медиа, компьютерные игры, фанфики, мемы, статьи в «Википедии», видео на YouTube. Таким образом, текст перестал быть единственной формой репрезентации исторического знания, а на первый план выходят вопросы использования программного обеспечения в проектах по виртуальной реконструкции истории.

По мнению исследователей Д. Зеефельдта и У.Г. Томаса создание цифровой истории не должно ограничиваться оцифровкой прошлого, оно представляет собой нечто большее³⁰⁹. Цифровой формат с формальной точки зрения представляет собой тип сигналов данных в электронике, использующих дискретные состояния, в отличие от аналогового сигнала, использующего непрерывные изменения сигнала, но с содержательной точки зрения — это новый способ создания, преобразования, накопления, передачи и использования информации как в науке, так и в быту³¹⁰. Поэтому «оцифровку» прошлого можно охарактеризовать не просто как перевод аналоговых документов в цифровые, а как «перекодировку» всего информационного пространства.

Цифровые технологии могут создать основу для того, чтобы люди могли иметь возможность погружения в историю путем прочтения источников, исследования аргументов историков по поводу важной исторической проблемы,

³⁰⁹ Seefeldt D., Thomas W. G. Intersections: History and New Media. WhatIs Digital History? // Perspectives on History. 2009. № 5. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2009/what-is-digital-history#note3> (дата обращения: 06.12.2022)

³¹⁰ Володин А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Т.6. Выпуск 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001228-9-1> (дата обращения: 06.12.2022).

самостоятельной реконструкции прошлого. Практики конструирования исторического знания можно связать с концепцией «присутствия» («presence») Э. Руниа³¹¹. Тоска человека по чему-то безвозвратно утраченному во времени объясняет его желание «присутствовать» в прошлом, преодолевая исторические разрывы. Цифровые технологии, формируя виртуальный образ прошлого, позволяют добиваться этого эффекта присутствия, делая возможным чувственную, конкретную связь человека с событиями, вещами, людьми давно ушедших эпох

Цифровая среда, где происходит поиск информации и производство знания, предоставляет не только удобные инструменты познания, но и накладывает отпечаток на само знание, которое становится цифровым и отражает цифровую современность. Поэтому сегодня нужно отойти от узкого понимания цифровой истории только как науки, применяющей цифровые методы исследования. Цифровая история должна пониматься как наука, изучающая историю цифрового общества, историю создания и применения информационно-компьютерных технологий и их влияние на историю человека и человеческого общества. Вся предшествующая история человечества вела к созданию цифрового мира, смыслом исторического процесса в рамках цифровой истории следует признать цифровизацию человеческого общества, которая изменила представления человека о себе, о его жизненном мире, пространстве и времени, а также способах познания. Цифровая история должна ответить на ряд фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли цифровых технологий в истории человечества и дать новый категориальный аппарат, который позволит не только адекватно описать реалии современного мира, но и показать, как эта реальность вписывается в логику исторического развития, что в конечном итоге позволит представить контуры будущего и место в нем человека.

Цифровая история как проект выполняет методологическую функцию в практиках познания прошлого и формирования коллективной памяти, а с точки

³¹¹ Runia E. Spots of time // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 3. P. 310.

зрения познания социального она связывает коллективное, групповое и индивидуальное в единый проект сознательного построения человеческого мира. Перспективы цифровых исторических исследований технологиями краудсорсинга представляются очень высокими. Историческая литература стала настолько массовой, что она сама по себе представляет мир, пригодный для исторического анализа, а обработка цифровых архивов в скором времени станет доступна только усилиям коллективных пользователей, объединенных в социальные сети. Ученые начинают понимать, как эта информация, объективированная в цифровых форматах, может влиять на постановку новых и решение традиционных вопросов исторической науки. Цифровая история дает возможность комбинировать близкое и дальнее чтение (Ф. Моретти), при этом дальнее чтение позволяет фиксировать динамику терминов и концептуального поля, а также переходы от индивидуальных усилий к коллективным³¹². Как видим, в этом ракурсе цифровые технологии обогащают метод исторического исследования³¹³. В рамках цифровой истории такой вариант возможен, так как она создается коллективным творчеством индивидов, практикующих дальнее чтение.

Особенностью цифровой истории является понимание неизбежности субъективного восприятия прошлого. Главной проблемой исторического познания становятся вопрос не «почему произошло именно так?», и даже не «что и как произошло?», традиционные для исторической науки, а вопрос «как это воспринималось и воспринимается людьми?». Субъективное восприятие истории побеждает над объективным. Поиск исторической истины отбрасывается как недостижимая мечта или цель. Мировоззренческие установки, сформированные массовой культурой, определяют сегодня то, как предстает прошлое в сознании индивида.

³¹² Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 123.

³¹³ Головашина О. В. Факт и цифра: станут ли цифровые методы новой теорией исторической эпистемологии? // Вопросы истории. 2022. № 9-1. С. 31-43. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi07

Обычно историки рассматривают историю и коллективную память как разные способы понимания прошлого, причем первое определяется профессиональными императивами, а второе — культурными и семейными ожиданиями³¹⁴. В цифровую эпоху грань между историей и памятью стирается, так как и то, и другое основывается на субъективном переживании прошлого и конструируется схожими инструментами при помощи медиа.

Изменчивые медиа диктуют индивиду взгляд на историю его самого и его сообщества. Это дает простор появлению фейков, характерных для эпохи постправды, в которой факты перестают иметь важное значение и заменяются смыслами и эмоциями, характерными для субъективации сознания. Фейк не является абсолютной ложью, его можно обозначить как описание события, не имеющего ничего общего с действительностью, но воспринимаемого как реальность. В полном соответствии с теоремой Томаса, утверждающей, что «если люди считают ситуации реальными, они оказываются реальными по последствиям»³¹⁵, исторические факты вне зависимости от того насколько они верифицируемы формируют представления о прошлом, которые влияют на дальнейшее поведение индивидов и развитие общества.

Исторические события в цифровой истории зачастую воспринимаются через призму сегодняшнего дня, в котором всегда можно найти аналогии с прошлым, данным через распределенное знание. Это означает, что индивид не потребляет готовую историческую информацию, представленную им в оформленном каноническом виде. В цифровую эпоху знание истории дискретно и собирается из различных элементов в одно целое в соответствии с потребностями пользователей или повесткой дня, испытывая на себе колоссальное влияние массовой культуры, транслируемой медиа.

³¹⁴ Wolff R. S. *The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia // Writing History in the Digital Age / Ed. by J. Dougherty, K. Nawrotzki. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. P. 65.*

³¹⁵ Merton R. *The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74. Iss. 2. P. 380.*

Семейные воспоминания очень часто замещаются нарративом, взятым из культурной памяти, медиа, массовой культуры. Отсутствие семейной преемственности воспоминаний порождает подобного рода фейки, которые, не являясь вымыслом, к каждой конкретной семейной истории не имеют никакого отношения. Интернет-мемы в качестве идеальных фейков конструируют представления об исторических личностях, не просто вводя их в ироничный контекст, а трансформируя в персонажей массовой культуры. Такие мемы, как «Ленин-гриб», «Петр I – Шрек», «Котогитлер», «Если не Путин, то кот», «Плов и печенки (половцы и печенег) — главные враги России» показывают, каким образом работает массовое историческое сознание, осовременивая исторических личностей. Цифровая история осваивает пространство компьютерных игр, в которых скрупулезное воссоздание повседневности человека прошлого и 3D-реконструкция материальных объектов, сочетаются с идеологической ангажированностью и откровенной фэнтезийностью конструирования воображаемых исторических миров.

Значимым признаком цифровой истории является создание виртуальных исторических парков и виртуализация музейного пространства. Материальные артефакты прошлого в таких музеях и сети Интернет превращаются в свои собственные копии, становятся симулякрами, что порождает возможность фейковизации прошлого. Так после создания и распространения Исторических парков «Россия – моя история», в которых историческое знание, соотнесенное с данными исторической науки, было представлено в цифровом формате, по аналогии возник исторический парк, посвященный «Новой хронологии Фоменко-Носовского», яркого лженаучного направления истории³¹⁶.

Цифровизация исторической науки шла одновременно со становлением цифрового общества. Кризис, вызванный постмодернистской парадигмой

³¹⁶ Мультимедийный музей Новой Хронологии. Реконструкция мировой истории Новой хронологии Фоменко-Носовского // URL: <http://www.yarmnh.ru/> (дата обращения: 06.12.2022)

истории, показавшей ее субъективность³¹⁷, сменился поиском методов исследования, и появление клиометрики было воспринято, как революционное новшество, способное вернуть истории статус научного объективного знания. Затем клиометрику сменила историческая информатика ровно с той же целью: дать непротиворечивую картину прошлого, используя компьютерные методы исследования. Развитие информационных технологий, оцифровка исторической информации, создание больших баз данных породило науку об исторической информации — «Historical Information Science», которая стала предшественником цифровой истории как науки о прошлом, использующей не только цифровые технологии, но и цифровые медиа для исторического анализа и репрезентации результатов исследований. Цифровая история открыла путь в историческую науку массам интернет-пользователей, которые, не обладая профессиональными знаниями, под руководством специалистов или без, при помощи информационных технологий стали активно производить и потреблять историческое знание, привнося в него элемент субъективности. Круг замкнулся, историческая наука столкнулась с той же проблемой субъективизации знания, что и в эпоху постмодернизма, но с одним отличием. В цифровой истории субъективное восприятие прошлого стало нормой и не воспринимается как проблема, которую нужно решить. Цифровые технологии и оцифровка исторических источников не позволяют оторваться историческому знанию от реальности, но порождают бесконечное количество трактовок и интерпретаций прошлого, низводя исторический факт до уровня фейка.

История как проект человеческого общества в философской мысли рассматривалась в метанарративах, выдвигавших глобальные историософские концепции, описывающие пути общественного развития и предлагавшие различные варианты смысла или конца исторического прогресса. История всегда завораживала мыслителей глобальностью исторических процессов, которые с позиции скоротечной человеческой жизни казались труднопознаваемыми, слабо

³¹⁷ Бибикова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59.

доступными для постижения. Однако человеческое желание предугадать будущее неизменно заставляло обратиться к изучению прошлого. В результате вырабатывалось новое знание, позволяющее наметить законы исторического развития разной степени строгости. История как наука и появлялась именно как следствие перехода исторического познания от летописных анналов и рассказов о жизни королей к осмыслению истории народов и обществ.

Первые линейно-стадиальные историософские концепции общественного развития объясняли историю в терминах технического прогресса и ориентировались на конкретную политическую идеологию (А. Фергюсон, А. Тюрго, А. Смит, Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келлер). В дальнейшем противостояние формационного (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и др.) и цивилизационного подходов (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Г. Рюккерт, Л. Н. Гумилев и др.) стало ярким примером политической борьбы и идеологической конкуренции. Ортодоксальность советского марксизма привела к окостенению формационного подхода, когда догма не позволяла модифицировать методологическое ядро для осмысления все новой фактографии. Цивилизационный подход, в свою очередь, растрачивал свою эвристическую энергию на критическую деструкцию оппонента, также не справляясь с массивами эмпирики. Сложно сказать, кто победил в этой борьбе. Если исходить из цивилизационной логики распада СССР и глобалистской парадигмы конца истории, очевиден крах формационного подхода. Если же призвать в свидетели учебники по любым историческим дисциплинам, то периодизация всемирного исторического процесса в ситуации отсутствия идеологического прессинга, методологического плюрализма и тотальной смены исследовательских поколений, по сей день упорно дается в соответствии с формационным подходом. Очевидно, именно потому, что в этом ракурсе он работает.

Кризис формационного и цивилизационного подходов привел к тому, что историки освободились от методологических догм осмысления исторического процесса, предлагавшихся философами. Отрицательным результатом этого освобождения стало то, что философия перестала производить внятные

теоретические модели истории, перенеся фокус внимания на осмысление проблем исторической эпистемологии. Иными словами, то, как познается история, стало интересовать исследователей намного больше, чем сама история. Под воздействием данного методологического кризиса среди историков распространялись интересы к микроистории (К. Гинзбург, Н. Земон Дэвис, Э. Ле Руа Ладюри, Д. Леви, Х. Медик), проблемам коллективной памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман, П. Хаттон), истории идей (А. Лавджой, Р. Уэллек, Л. Шпитцер, П. Азар, И. Берлин, М. Фуко). Появление в естественных науках синергетического направления и активное использование его терминологии в гуманитаристике, привело к созданию историософских концепций, использовавших язык естествознания для описания исторического процесса³¹⁸.

Возникла дискуссия по поводу того, что есть История, каковы ее масштабы: это история человечества, история общества или история человека. Интерес к человеку как объекту познания и исследователю как к субъекту познания привел к почти полному исчезновению макроисторических текстов, описывающих глобальные исторические процессы. При этом появление текстов на тему микроистории, в рамках *memory studies* и интеллектуальной истории не заменило потребности осознания Всеобщей истории. На фоне социокультурных процессов глобализации кризис в исторической науке и историософии привел к тому, что история, как и философия истории, обратились исключительно к изучению прошлого, отказавшись от прогнозов будущего. Прогностические функции истории перешли в сферу исторической беллетристики, научной фантастики или лженауки, предлагавшей удобные и понятные, но не имеющие отношения к исторической правде псевдоисторические концепции.

Методологическим преимуществом макромоделей исторического развития является то, что они дают общую картину развития человечества, общества и человека, а также создают представление о социальном субъекте.

³¹⁸ Синергетическая философия истории / Под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. СПб.: Северный колледж, 2009. 313 с.

Макроистория позволяет наглядно представить начало истории, проследить структурные связи с современностью и наметить варианты будущего. Таким образом, макроистория прочно завязана на современность. Появление новых данных об историческом процессе в связи с открытием ранее неизвестных науке исторических фактов или наступление событий, радикально меняющих представление о направлениях социального развития, необходимым образом должно менять и макроисторические модели. Ситуация отсутствия макроисторических текстов не типична для историософии и парадоксальна. Однако она объяснима. Изменения, произошедшие в общественном развитии и технологической сфере, связанные с цифровизацией, вызвали появление огромного массива информации, который привел к исчезновению прежних макроисторических моделей, но не создал новых из-за огромного количество новых фактов, нуждающихся в философском осмыслении.

В отсутствии исторических макромоделей анализ исторического прошлого осуществим на платформе социальной философии. Примеры такого рода можно найти в философии постиндустриализма: трехволновая теория детерминированного исторического процесса Э. Тоффлера и теория постиндустриального (информационного) общества Д. Белла. Современная социальная философия сегодня переживает цифровой поворот, который выражается не только в изменении инструментов познания, но и в переходе общества в новую, цифровую, стадию своего развития. Осмысление новой модели цифрового общества включает обращение к истории ее становления, которое вынуждено компенсировать отсутствие макроисторических моделей, поскольку цифровая фаза общественного развития не предусмотрена существующими историческими концепциями. Однако каково качество этой компенсации? Произшедшие изменения кажутся мыслителям настолько радикально революционными, что порождают эффект «чистого листа», как будто человеческая история началась с нуля в конце XX в. Характерны в этом отношении взгляды трансгуманистов, считающих, что на современном этапе

эволюция человека началась заново, а вместе с этим положено начало новой истории³¹⁹.

В цифровую эпоху расширился доступ к набору коммуникационных инструментов, формирующих социальную активность индивидов. С помощью интернет-технологий пользователь может устанавливать любые социальные связи с любыми контрагентами по своему усмотрению. Социальные сети позволяют создавать новые типы сообществ, получившие названия «умных толп». Они выполняют не только производственную функцию, обеспечивая общественный прогресс, но и эпистемологическую. «Умные толпы» необходимым образом приходят к созданию исторического знания, интересуясь своим собственным прошлым и историей всего человечества. В этой ситуации отсутствие глобальных исторических концепций является препятствием осмысления исторического прошлого и вписывания его в контекст современности, поэтому ощущается потребность в текстах макроистории, которые создаются не отдельными авторами, так как «авторство, как субъектность, заменено гипертекстом, мультимедийностью, интерпретационным хаосом»³²⁰. Макроисторический текст в цифровую эпоху существует как взаимосвязь элементов исторического знания, дающих общее представление об истории только в распределенном состоянии, способном создать общую картину, и только через систему гиперссылок. Масштабность макроисторического гипертекста порождает иллюзию отсутствия макроисторических моделей, поскольку он не представлен явно в своей полноте и целостности, как единый систематизированный/структурированный текст.

Цифровая среда, где происходит поиск информации и производство знания, предоставляет не только удобные инструменты познания, но и накладывает отпечаток на само знание, которое становится цифровым и

³¹⁹ FM-2030. *Up-Wingers*. New York: The John Day Company, 1973. 279 p.

³²⁰ Фортунатов А. Н. *Кибергуманизм. Как коммуникационные технологии трансформируют наше общество*. М.: Флинта, 2023. С. 94.

отражает цифровую современность. Осмысление истории в этих условиях неизбежно приводит к появлению цифровой философии истории.

Философия истории дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, осмысляя события и факты, позволяющие исследовать имманентную логику развития человека, человечества и общества. Она изучает единство и многообразие исторического процесса, проблемы смысла истории, социального детерминизма, социального прогресса, исторического познания, исторического времени, исторического пространства и т. д.³²¹.

С точки зрения исторического познания философия истории выполняет методологическую функцию. С точки зрения познания социального она связывает коллективное, групповое и индивидуальное в единый проект сознательного построения человеческого мира. Переход истории в цифровую фазу детерминирует цифровой поворот этих двух функций. Философские науки осваивают новые возможности цифровой гуманитаристики, которая представляет собой исследовательскую область, объединяющую методики и практики гуманитарных, социальных и информационно-вычислительных наук с целью изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных, социокультурных исследованиях и образовании. «Digital Humanities» интерпретируют культурное и социальное влияние основных компонентов новой информационной эпохи – новых медиа – и информационных технологий, а также создают и применяют эти технологии, чтобы ответить на традиционные и рожденные новой эпохой культурные, социальные, исторические и филологические вопросы³²².

В философии науки Ч. Пенс, например, очень высоко оценивает цифровые перспективы философских исследований. Он считает, что «научная литература

³²¹ Гобозов И. А. Философия истории: проблемы и перспективы // Философия и общество. 1997. № 2. С. 174.

³²² Можяева Г. В., Можяева-Ренья П. Н., Сербин В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 73–81.

стала настолько массовой, сложной и разнообразной, что она сама по себе представляет мир, пригодный для научного и философского анализа»³²³, а философы начинают только понимать, как эта информация, объективированная в цифровых форматах, может влиять на постановку новых и решение традиционных вопросов философии науки.

Взаимовлияние цифровых технологий на философию истории может быть более глубоким. Во-первых, это расширение категориального аппарата. Уже сейчас очевидно, что исследование исторического процесса включает в себя историю информационных обществ в компаративном и ретроспективном аспекте. На сегодняшний день цифровое общество все чаще становится понятием, описывающим этап развития информационного общества в последнее десятилетие, т.е. информационное общество выступает родовой категорией по отношению к цифровому. Л. Флориди говорит про зрелые информационные общества, понимая под ними такое развитие информационно-коммуникационных технологий, при котором само их существование воспринимается членами общества не только как данность, но и необходимость³²⁴. Дальнейшее развитие цифровых технологий электронного правительства, электронного государства приведет к дифференциации и усложнению понятийных форм и, может быть, появлению полноценной теории цифрового общества и его динамики. Во-вторых, цифровое общество должно быть частью предмета философии истории, поскольку с ним неразрывно связана новая фаза исторического развития, а именно цифровая история.

В этой связи под цифровой философией истории следует понимать теоретическое осмысление истории становления цифрового общества. Категориальным рядом цифровой философии истории может стать следующая триада системных понятий: информационное (цифровое) общество, цифровое

³²³ Pence Ch. H. How to do digital philosophy of science // *Philosophy of Science*. 2018. Vol. 85. № 5. P. 15.

³²⁴ Floridi L. Mature Information Societies — a Matter of Expectations // *Philosophy & Technology*. 2016. Vol. 29. Iss. 1. P. 1–4.

развитие, цифровой субъект истории. Если первая категория опирается на достаточно длительную социально-философскую традицию³²⁵, то вторые две нуждаются в существенной методологической проработке. Понятие «цифровое развитие» характерно для дискурса государственного управления, фиксируемого стратегическими доктринальными документами (в России в настоящее время это Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», возглавляемая министром цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ). Понятие цифровой субъект истории способно отразить как вклад интернет-пользователей в новые формы медиапамяти, так и зафиксировать социальные эффекты их сетевой активности, связанной с ростом социально-политических движений, в долгосрочной перспективе. Полагаем, уточнение указанных понятий потребует самостоятельных исследований.

Принципы цифровой философии истории детерминированы современным этапом развития научной рациональности и могут быть сформулированы в парадигме постнеклассики. В этом случае к ним могут быть отнесены синтез детерминизма, многовариантности и случайности в анализе исторического развития; значимость информационных процессов для самоорганизации цифровых субъектов истории; нелинейность и неравновесность цифрового развития. Особое значение имеют принцип открытости (трактуемый широко как принципиальная открытость исторического познания в цифровую эпоху для разных субъектов, в том числе и в формате гражданской науки) и методологической дополнительности (сочетаемости и комбинируемости методов цифрового исследования в пределах их адекватности предмету познания).

Таким образом, обозначена предварительная методологическая перспектива принципиальной возможности цифровой философии истории. Реализуемость данного проекта пока остается делом завтрашнего дня. Цифровая

³²⁵ Тихонова С. В. Публичная сфера информационного общества: развитие электронного государства // Известия Саратовского госуниверситета. Новая серия. Серия. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 80-85.

философия истории должна ответить на ряд фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли цифровых технологий в истории человечества и дать новый категориальный аппарат, который позволит не только адекватно описать реалии современного мира, но и показать, как эта реальность вписывается в логику исторического развития, что в конечном итоге позволит представить контуры будущего и место в нем человека.

Вывод: под цифровой историей следует понимать не методологический подход, изучающий прошлое на основе применения информационных технологий и цифровых медиа, а историю цифрового общества. Вырабатываемое историческое знание о ней представляет собой субъективированную информацию о прошлом, подверженную бесконечным интерпретациям и данную в распределенном состоянии. Целостное восприятие исторического процесса цифровой истории возможно только через систему гиперссылок, созданных в сети Интернет, цитирований и репостов в социальных медиа, позволяющих быстро находить, анализировать, трансформировать и презентовать новое историческое знание в медиaprостранстве. Цифровая история является продуктом цифрового общества, порождающим глобальные изменения в бытии современного человека и способах научного познания.

Кризис традиционной философии истории, прежде всего, формационного и цивилизационного подходов, породил появление новых направлений в исторической науке, таких как микроистория, *memory studies*, интеллектуальная история. В их рамках совершенствовались методы исторического познания, что, однако, происходило в ущерб созданию макроисторических моделей прошлого. Накопление огромных массивов исторической информации парадоксальным образом не приводит к появлению крупных теоретических исследований всеобщей истории человечества. Внимание современных историков концентрируется на истории человека или отдельных сообществ и событий. Однако, именно наличие беспрецедентного объема исторической информации, который не под силу охватить одному исследователю, приводит к тому, что философия истории, осмысляющая исторический процесс в целом, создается

сегодня усилиями «умной толпы», т. е. пользователями сети Интернет, и может быть рассмотрена как глобальный гипертекст, связанный системой перекрестных ссылок. При этом благодаря Интернету гуманитарная наука обогатилась новыми методами познания, что привело к формированию различных направлений цифровой гуманитаристики, в том числе и цифровой истории, но отсутствие метанарративов, выдвигающих глобальные историософские концепции и непригодность существующего категориального аппарата для описания реальностей цифрового мира приводят также к необходимости разработки концепции цифровой философии истории. Цифровая философия истории способна стать научной дисциплиной, призванной создать теорию цифрового общества, осмысляющей его историю и очерчивающей контуры будущего.

3.2. Историческая лженаука как социально-эпистемологическая практика³²⁶

Представления о прошлом являются ключевым ресурсом социального конструирования настоящего. Знания о том, что было, многофункциональны в социальной реальности: обеспечивая основания социальной коммуникации на всех ее уровнях, они формируют индивидуальную и коллективную идентичность, задают векторы интеграции и дезинтеграции, обеспечивают когнитивную платформу социальных оценок и решений. Система производства знаний о прошлом полисубъектна и тотальна по масштабу, поскольку их многофункциональность предполагает значимость вклада каждого социального субъекта. История – всенародное достояние в полном смысле этого слова, поскольку нет в обществе индивида или группы, которому бы она не понадобилась бы, и, наоборот, нет в обществе индивида или группы, не производящих знаний и прошлом. Востребованность исторических знаний универсальна в социальных практиках, как метко отметил Дж. Тош, «какими-то

³²⁶ В данном параграфе использованы материалы статьи: Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историческая лженаука как феномен современной медиасферы // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 317-335.

знаниями о прошлом обладает практически каждый; без него человек полностью исключен из социальных и политических дискуссий, точно также, как потерявший память утрачивает большинство возможностей нормального человеческого общения»³²⁷.

Исторические знания качественно разнородны в силу многообразия типов познания, их социальный потенциал неравноценен, а отношения между их разными дискурсами – не нейтральны. Производимое исторической наукой как социальным институтом специфическое научное историческое знание о прошлом, не смотря на все дискуссии о статусе гуманитарных наук, остается максимально близким к эталонам объективности и достоверности, а потому оно открыто для всех агентов медиапамяти. Надежное прошлое в долгосрочной социальной перспективе дает большие преимущества, чем прошлое приятное/удобное, чем и объясняется высокий уровень востребованности исторического знания «от науки», а также его способность «синхронизировать» многообразие социальных знаний о прошлом, и, если и не приводить его к полифонии, то, хотя бы, избегать явной какофонии.

Однако ненаучные представления об истории отнюдь не являются покорным ведомым для науки, нередко они открыто бунтуют против ее авторитета или используют его как трамплин. Расцвет неформальной истории, пришедшийся на миллениарный рубеж, совпал со сломом методологической парадигмы истории институциональной, и это совпадение не было случайным. В рамках данного исследования необходимо сосредоточиться на феномене исторической лженауки, «интегрирующем» эти два мира, мир исторической науки и творческой памяти масс, и попытаться охарактеризовать закономерности, детерминирующие ее продвижение и популярность в современной медиасфере. Подобный анализ потребует совмещения языка двух разных дисциплинарных областей – истории идей и социального конструктивизма, и применение терминологического аппарата теории

³²⁷ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. С. 11.

коммуникации. Иначе говоря, следует рассматривать блок определенных идей (обозначив их как историческую лженауку), учитывая а) интеллектуальные процедуры их производства; б) институциональный статус их авторов; в) социокультурную специфику коммуникационного канала, используемого для их тиражирования; г) их роль в воспроизводстве социального целого.

Как правило, историческая наука традиционно противопоставляется медиасфере. К понятию «медиасфера» относят часть общественной системы, связанную с функционированием медиа, средств массовой коммуникации. Термин этот относится к числу новых, содержание его еще не устоялось. В узком смысле к медиасфере относят всю совокупность традиционных СМИ, в широком – все современное коммуникационное пространство, построенное на интегрировании массовых медиа (печать, радио, телевидение) и Интернет-технологий. М.А. Буряк определяет понятие медиасферы следующим образом: «медиасфера – это совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций»³²⁸. Отметим, что медиатексты сложно рассматривать в отрыве от порождающих их каналов, которые, кстати, и задают их сущностные признаки.

Противопоставление истории и медиасферы, настолько традиционно, что его можно считать классической установкой методологов от истории. Наглядным примером такой методологической стратегии является предложенная И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым аналитическая схема, в которой выделены три источника знаний о прошлом: а) профессиональные источники; б) «медиа-источники»; в) «жизненный мир»³²⁹. Логика этого

³²⁸ Буряк М. А. Медисфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 209.

³²⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальная организация знаний о прошлом аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7.

противопоставления восходит, во-первых, к оппозиции элитарного и массового, во-вторых, к автономному статусу науки и СМИ в институциональном подходе, описывающем каждый из этих феноменов как самостоятельный социальный институт и отдельный агент социализации. Жесткая демаркация науки и медиа, вполне методологически обоснованная там, где речь идет о различиях производимых ими типов знаний о прошлом, существенно затрудняет рассмотрение коммуникации между исторической наукой и медиатекстами. Затемняет она и то обстоятельство (весьма важное в рамках данного исследования), что наука с самых ранних этапов своего полноценного существования всегда была интегрирована в медиасферу, поскольку письменная апробация научных результатов была и остается частью социальной системы массовой информации.

Узкая специализация научной периодики и монографической литературы воспринимается исследователями как коммуникативный барьер, изолирующий ее от массового читателя. Д.М. Володихин так описывает судьбу профессиональных исторических текстов в руках представителя широкой публики: «Не-специалист равнодушен к научным трудам и обращается к ним весьма редко. Точнее сказать, в исключительных случаях. А когда наступает подобный «исключительный случай», то интересующийся историческими знаниями человек-со-стороны, сталкиваясь с профессионально сделанной монографией, мало понимает в ней, да еще и дает ей порою самое превратное толкование. По страницам популярных журналов и газет, а еще того больше по блогосфере кочуют фразы известных исследователей, вырванные из контекста, искаженные сокращениями, пересказанные до неузнаваемости...»³³⁰. Думается, описанная ситуация демонстрирует не изоляцию научного исторического знания от медиасферы, речь идет о его искажении, отнюдь не ограничивающем прямого влияния. Здесь открывается любопытная перспектива социологического исследования на тему «Какие работы массовый читатель считает

³³⁰ Володихин Д. М. «Тяжелое дело – писать легко». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 346.

профессиональными историческими текстами?». Но, пока оно не проведено, ограничимся предположением, что в массовом сознании существует канон читаемых «профессиональных исторических текстов»³³¹, и этот канон, весьма вероятно, будет шокирующим для историков.

Коммуникационная связь исторической науки и медиапространства глубже, чем эманация научных текстов в общественное сознание и их дальнейшая вульгаризация. Развитие коммуникационных каналов меняет роль исторических источников. В череде коммуникационных революций наблюдается следующая закономерность: каждый следующий массовый канал, опирающийся на новую технологию объективации и передачи сообщения, распространяется быстрее и шире предыдущего, снижая асимметрию ролей коммуникатора и реципиента. Чем глубже проникновение канала в повседневность, тем больше исторической информации остается в его сообщениях. Чем старше общество, тем выше плотность его населения. Иначе говоря, приращение новейшей истории означает расширение массива и повышение плотности письменных следов прошлого.

Коммуникационная версия технологического детерминизма открывает новый взгляд на методологические искания исторической науки в Новейшее время, позволяя интерпретировать их как реакцию на рост медийной информации, хранящей следы социальной жизни.

Отметим, что новые медиа имеют текстовую форму или сводимы к ней, а текст был и остается излюбленной формой источников для историков. Можно сказать, что герменевтические процедуры вдумчивого, «исторически чуткого» чтения (определение М. Аллана) составляют основу мастерства историка. Экспоненциальный рост материалов для чтения не может не отражаться на предмете исторического исследования, его источниковой базе и через предмет диктует свои требования к его методологии. Лингвистический,

³³¹ По данным ФОМ самым читаемым литературным жанром в стране являются исторические романы. См.: Что читают россияне? // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». [М., 2015]. URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/12273> (дата обращения: 17.11.2021).

антропологический, мемориальный, интеллектуальный повороты исторической науки – это не стихийные метания между модой и междисциплинарностью. Это системная реакция исторической науки на коммуникационную эволюцию социума. Через несколько десятилетий источниками историков станет пользовательский контент современного Интернета, и продвижение информационного общества в цифровую эпоху будет только усиливать эту тенденцию. Открытые цифровые архивы и прозрачность электронного государства придадут новое качество знанию о том «как это было». Интернет визуализирует историческое творчество масс (как их вклад в историю, так и в науку о ней), подготавливая новый объект для историков будущего.

Вместе с тем, рост медиатекстов и включенности массовой аудитории в их производство неизбежно влечет за собой определенную депрофессионализацию истории, смещение функций профессиональных историков. С одной стороны, становится надежнее (стабильнее?) коллективная память, устная история в формате видеоблогинга обретает осязаемость, стремление к «исторической самодеятельности» и «исторической причастности» перерастает из исторической реконструкции в фолк-хистори. «Историческое» раскрепощение молчаливых масс с короткой памятью не может быть нейтральным по отношению к исторической науке, оно предъявляет собственные запросы. Речь идет не о прямой конкуренции, а о выдвигании социально значимых тем, требующих внимания профессионалов. С другой стороны, эпоха быстрого чтения ставит под вопрос состоятельность медленного исторического чтения, его продуктивность в сверхнасыщенной информационной среде.

В этих условиях связь исторической науки и лженауки невозможно установить изнутри первой. Необходим более широкий взгляд, и таким взглядом является уровень медиасферы.

Центральное понятие данного анализа – лженаука – является самым уязвимым в методологическом отношении. Главная проблема заключается в том, что оно детерминировано выбором точки отсчета: только внутринаучное позиционирование субъекта анализа позволяет идентифицировать лженаучность

тех или иных исторических воззрений. Для обывателя существует не лженаука, а наука, в которой одни ученые по тем или иным причинам (чаще всего к науке не имеющим отношения) критикуют и отрицают достижения других. Иначе говоря, диалог лженауки и общества последним весьма часто воспринимается как диалог с наукой. Беспомощность представителей научного сообщества в решении задачи дистанцирования от лжеученых определяется нерешенностью проблемы демаркации научного знания, спецификой научного этоса, неразвитостью PR-практик в научной жизни и, в случае истории, спецификой познаваемого объекта.

Проблема демаркации, трактуемая как определение универсального критерия научности, стала одной из важнейших проблем в философии науки XX в., однако так и не получила удовлетворительного решения, не смотря на упорные усилия логических позитивистов, неопозитивистов, исторического направления в философии науки. В процессе ее разработки были установлены смена типов научной рациональности и парадигм, описаны выдвижение новых идей, гипотез, различия в системах идеалов и норм научности в естественнонаучных и гуманитарных областях, выявлены механизмы смены поколений в научном сообществе, а также его дифференциации по темам, подходам, школам. Тем не менее, для различения науки и ненауки приходилось и приходится использовать комбинированные критерии, эффективно работающие в одних частных случаях, и не дающие результата в других. В настоящее время не сформирована система понятий, позволяющих дифференцировать и четко фиксировать маргинальную зону между наукой и ненаукой.

Как показывает А.М. Конопкин, околонучное знание описывается с помощью таких терминов, как псевдонаука, паранаука, лженаука, идеологизированная наука, патологическая (девиантная) наука, альтернативная (нетрадиционная) наука, квазинаука, антинаука, «грязная» наука (junkscience), аномальное знание, фальсифицированная наука, фолк-наука («народная

наука»), репрессированная наука, часто употребляемых в качестве синонимов³³². В основу демаркации кладутся разнообразные критерии, от формальных до предметных (истинность, метод, институциональный статус автора концепции, этическая чистота, идеологизированность, ангажированность). В рамках данной работы имеет смысл использовать для фиксации лженауки определение выдвинутое С.А. Лебедевым, в соответствии с которым лженаука – это «идеи и концепции, выступающие от имени науки, мимикрирующие под нее путем имитации некоторых ее внешних черт (дискурсивность, рациональность, апелляция к опыту, практике и социально-важным целям), однако не выдерживающие серьезной критики со стороны соответствующего профессионального научного сообщества на соответствие ее заявок общепринятым стандартом научности знания»³³³.

Этос науки – это система ценностей и норм, разделяемая представителями научного сообщества. Как показал Р. Мертон, нормы научного этоса одновременно техничны и моральны, формируясь на основе правил научного метода, они вбирают в себя моральную оценку и лежащую в ее основе ценность³³⁴, и формируются вокруг базовых императивов: универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма. Из первого императива следует внеличный, объективный характер научного знания. Беспристрастный поиск объективной истины выносит за скобки личностные маркеры, заставляя ученого писать в безличном стиле и быть самокритичным, проверяя и перепроверяя свои результаты. Самопрезентация в науке всегда играет минимальное значение, поскольку решающую роль в вынесении решения о состоятельности идей и заслугах индивида принадлежит научному сообществу. Отдельный же ученый даже не сразу привыкает говорить от своего

³³² Конопкин А. М. Когнитивные и социальные предпосылки псевдонауки: Автореф. дисс. ... канд-та филос. н. Самара, 2010. С. 10.

³³³ Лебедев С. А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с. // URL: <http://www.term.ru/dictionary/905/word/lzhenauka> (дата обращения: 17.11.2022).

³³⁴ Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 270.

имени (вспомним весьма сильную отечественную традицию писать научные тексты безлично или пользоваться не менее расплывчатым «мы», присоединяющего к автору его учителей и авторитетов), но не от имени своих регалий; ориентируясь на результат, значение которого понятно специалистам, он пренебрегает формой изложения, используя привычный научно-академический стиль, обрекает себя на безразличие массовой аудитории. Скромный ученый со скучным малопонятным текстом не имеет преимуществ на ярмарке тщеславия медиасферы.

Разумеется, ситуацию можно исправить, обучая научных работников технике самопрезентаций. На Западе *Science communication* представляет собой самостоятельную научную область, призванную формировать у ученых прикладные знания о том, как строить свой диалог с обществом, как представлять себя и свои результаты коллегам и дилетантам. В нашей стране научному сообществу только предстоит осознать важность этой дисциплины (первой ласточкой является магистерская программа по научной коммуникации Университета ИТМО). Повсеместно PR-практики в отечественных научных и образовательных учреждениях концентрируют усилия собственных пресс-служб вокруг имиджа вуза (института), не занимаясь продвижением научных исследований сотрудников. Обзор деятельности академических и университетских PR-структур, проведенный Агентством SPN Communications в рамках совместного с РВК проекта³³⁵, показывает дефицит организационных PR-специалистов (0,4-2,6 PR-специалиста на 1000 работников научной/образовательной организации в России vs 4-7 – на Западе) и низкое качество осуществляемого ими PR-сопровождения. Историческая наука оказывается «молчаливым меньшинством», сдавая позиции креативной околонануке.

³³⁵ Исследование коммуникативных практик научно-образовательных организаций РФ (РВК; SPN Communications) // Официальный сайт Центра комплектования образовательных учреждений и библиотек. [М., 2014]. URL: <http://www.xn--80adicoibgipeej9b.xn--p1ai/news/759> (дата обращения: 17.11.2022).

История как наука представляет собой очень удобный объект для лженаучных построений. Во-первых, сами ученые-историки признают принципиальную непознаваемость прошлого. Источники о прошедших событиях являются, в большинстве случаев, результатом субъективного восприятия действительности и такого же субъективного их отражения в документах. Интерпретация исторических документов историками также в свою очередь субъективна, в силу чего реконструкция объективной исторической реальности становится невозможна. Историческая наука понимает невозможность преодоления субъективизма в исторических исследованиях, поэтому методология истории призывает историков только пытаться преодолевать его, оставляя за ними право на авторскую точку зрения, чем активно пользуются представители лженауки.

Во-вторых, что некоторым образом следует из первого, история, неспособная достичь объективного знания о прошлом, рассматривается как не наука, а род литературы. У литературного и исторического произведения есть много общего, кроме наличия авторского вымысла, они преследуют одинаковые цели, такие как стремление дать оценку прошедшим событиям, поведению героев, побудить определенные чувства у читателя, воспитать в нем определенные черты, стать формой идентификации человека с группой, народом, страной и проч. Лжеисторические произведения преследуют ровно те же цели и подчас делают это очень искренне.

В-третьих, — это наличие большого количества «белых» пятен в истории. В историческом прошлом нам известны не все события и их обстоятельства, так как это связано с состоянием исторических источников и их доступностью исследователям и широким массам. Пробелы исторического знания дают благодатную почву для появления различного рода фальсификаций.

В-четвертых, — это закрытость сообщества ученых историков. Научные труды пишутся для узкого круга специалистов, очень сложным для массового читателя языком. Кабинетный ученый-историк не имеет возможности донести свою точку зрения до массового читателя по причине недоступности ему

медийных ресурсов и неумения соответствующим образом подать свой материал, чему виной во многом отсутствие навыков самопрезентации. В исторической лженауке таких проблем нет, как правило ее представители яркие личности, хорошо вписывающиеся в медийный контекст, а востребованность их сочинений в обществе открывает им доступ ко всем необходимым ресурсам, начиная от книгоиздания, заканчивая эфирами на телевидении.

Историческое знание сегодня представлено во многих формах: исторической беллетристики, альтернативной истории, криптоистории, фолк-истори и др., они присутствуют в медиапространстве, массовом сознании и соперничают с исторической наукой в формировании представлений о прошлом. Различные познавательные практики, не претендующие на статус науки, имеют давнее происхождение и выполняют в обществе социокультурную роль, обеспечивая формирование медиапамяти, переводя научное знание на язык простого обывателя. Критика исторической лженауки вовсе не означает автоматической дискриминации ненаучных и промежуточных форм знания или нивелировании их социокультурной функции, также как признание историчности и многообразия форм исторического знания вовсе не предполагает релятивизма в смысле отказа от оценки этих форм и перехода к «методологическому анархизму»³³⁶. Вполне возможно признавать и объяснять плюрализм исторического знания, не принимая тезисы о равной ценности его элементов и форм.

Историческая наука относится именно к научному знанию, обладая разработанной методологией исследований, имея развернутый и обоснованный инструментарий познания прошлого, структурированный научный аппарат и язык описания полученных результатов. Функции исторической науки вполне укладываются в структуру функций научного познания, вплоть до признания за ней возможности истинного описания действительности и наличия прогностической функции. К исторической лженауке соответственно относятся

³³⁶ Вархотов Т. А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 35.

тексты, претендующие на научность, однако, таковыми не являющиеся, так как, соответственно, игнорируют методологию исторического исследования, научный аппарат и инструменты познания истории, такие как критика исторических источников, изучение историографии, текстологический анализ и др. и на этом основании отрицают установленные исторические факты.

К исторической лженауке можно с полным основанием отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный псевдоисторическими теориями, претендующими на истинность, которые пересматривают исторические концепции на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации либо произвольной интерпретации исторических источников.

В наше время накопилось уже достаточно большое количество примеров лженаучных теорий, которые были записаны в этот разряд благодаря усилиям научного сообщества историков³³⁷. Сюда можно отнести «Новую хронологию» А. Т. Фоменко³³⁸, «Ледокол» В. Суворова³³⁹, псевдоисторические сочинения

³³⁷ Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59.

³³⁸ Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А. История древнего мира и "новые методики" // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 70-82; Голубцова Е. С., Смирин В. М. О попытках применения "новых методов статистического анализа" к материалу древней истории // Вестник древней истории. 1982. № 1. С. 171-195; Голубцова Е. С., Завенягин Ю. А. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 63-83; Вассович А. Л. По поводу статьи М. М. Постникова и "культурно-исторических" публикаций его последователей // Вопросы истории, естествознания и техники. 1984. №2. С. 114-125; Мифы «новой хронологии»: Материалы конференции на историческом факультете МГУ, 21.12.1999 (серия "Антифоменко") / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Русская панорама, 2000. 298 с.; Мифы «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 3-97; История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 619 с.; Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151): "Антифоменко" / Под ред. И. А. Настенко. М.: Русская панорама, 2000. 335 с.; Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М.: Наука, 2005. 71 с.

³³⁹ Городецкий Г. «Миф Ледокола»: Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.; Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 608 с.

М. Аджи³⁴⁰, М. Кремо³⁴¹, Э. Мулдашева³⁴², А. Асова³⁴³, А. Бушкова³⁴⁴, А. А. Арутюнова³⁴⁵ и др.

Критические исследования лженаучных исторических построений позволяют выявить и описать основные приемы, которыми пользуются лже-историки. Со всей очевидностью их можно отнести к манипулятивным технологиям влияния на массовое сознание³⁴⁶. Лженаука действует в коммуникативном поле медиасферы, поэтому приемы, которые она использует, также с успехом применяются на телевидении, радио, в печатных СМИ, сети Интернет, книгоиздании.

Безусловно самый распространенный манипулятивный прием, используемый лженаукой это манипуляция посредством актуализации ценностных представлений аудитории. Научное знание бесспорно является одной из важнейших общественных ценностей, ни у кого не вызывает сомнений, что именно наука призвана дать человечеству ответы на все его вопросы. Отличие научного знания от ненаучного для простого обывателя видится в языке, используемом наукой и обыденным сознанием в описании действительности. Употребление специальных слов и символов наукой отличает

³⁴⁰ Никитин Н. Феномен Мурада Аджи // Литературная Россия. 2005. № 15. Юрченко И. Ю. Казаки - тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 65-69.

³⁴¹ Белоусов Е. В. Так сколько же лет человечеству? Опыт расследования одного аномального археологического факта // Вестник РАН. 2007. № 1. С. 43-49.

³⁴² Балашевич Л. И. Трансгималайский сказочник с точки зрения ученого-офтальмолога // В защиту науки. 2008. № 3. С. 92-93; Образцов П. А. АнтиМулдашев. От кого произошёл уфимский офтальмолог? М.: Язуа; Эксмо, 2004. 256 с.; Образцов П. А. Азбука шамбалоидов. Мулдашев и все-все-все. М.: Язуа, Пресском, 2005. 288 с.

³⁴³ Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб.: Наука, 2004. 108 с.

³⁴⁴ Елисеев Г. А. Историк России, которого не было // Русское Средневековье. 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 94-109.

³⁴⁵ Ваксберг А. И. Из ада в рай и обратно. М.: ОЛИМП, 2003. 494 с.; Случ С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113-139.; Соболев Г. Л. Тайный союзник: Русская революция и Германия 1914-1918. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. С. 46-50; Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. 512 с.

³⁴⁶ Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 29-55, № 2. С. 56-76.

ее в глазах простого человека от всех других форм знания. Авторы лженаучных проектов активно используют терминологию и внешний антураж научных исследований и тем самым, мимикрируя под науку, вводят в заблуждение своих читателей.

Другим распространенным приемом лжеученых является метод «забрасывания грязью», он заключается в используемой ими негативно окрашенной фразеологии, направленной против официальной науки, которой навешивается ярлык лживой, скрывающей от широких слоев общества известную ей истину с определенными целями. Это один из самых грубых пропагандистских приемов, однако, тем не менее он широко используется лженаукой.

Лжеученые активно используют метод упрощения проблемы. Историческая наука призвана ответить на два важных вопроса, относящихся к изучению прошлого: как было? и почему так было? Ответить на оба эти вопроса чрезвычайно сложно, что и составляет основную работу историков. В лжеисторических сочинениях, действительность как правило предельно упрощается, и с этой исходной позиции им легче ответить, а читателю воспринять как было и почему так было?

Само построение лжеисторических сочинений содержит в себе интригу, что тоже можно отнести к техникам манипуляции, однако, этим лжеистория и история, как и литература не сильно отличаются друг от друга.

Погоня лжеученых за сенсациями и стремление раскрыть и раскрасить «белые пятна» истории является сугубо манипулятивным приемом. Следует отметить, что история как наука ставит перед собой точно такие же цели, однако, они не становятся главными и определяющими методологию исследования, как это делается у авторов лжеисторических сочинений.

Лжеученые часто используют трюизмы — общеизвестные, избитые истины, выдавая их за свои научные открытия. Этот прием можно часто видеть и исторических телефильмах или передачах, где ведущий или рассказчик обращается к старинным книгам или архивам, открывает широкой аудитории

ранее не известные факты, а на самом деле говорит банальные вещи, давно известные специалистам.

Метод использования авторитетов применяется как манипулятивный прием. В исторической науке ссылки на историков, уже изучавших какую-либо тему, являются необходимым элементом любого научного исследования и составляет историографию проблемы, в лженауке, ссылки на авторитетов преследуют цель, подтвердить их именем шаткие научные построения и недостоверные сведения.

Кроме того, в лжеисторических сочинениях используются такие манипулятивные методы как: применение псевдологических выводов; допущение возможности чего бы то ни было; утвердительные заявления; подбор аргументов, в том числе, аргументированное опровержение; псевдообъяснение; превентивные ответы (ответы на не заданные вопросы, когда автор сам ставит вопрос и сам же на него отвечает); недосказанность, с намеками на какие-либо обстоятельства и др.

Ко всему сказанному следует добавить, что лжеисторические концепции ориентированы на скандал³⁴⁷. Авторы лжеисторических трудов изначально в своих сочинениях закладывают сценарий скандала, который необратимым образом возникает при их публикации. «Открытия» лжеисториков, становится сенсацией, если есть общественный резонанс. В лжеисторических сочинениях всегда два адресата: широкая аудитория и ученые, профессиональные историки, и вот если последними они будут не замечены и не раскритикованы, то трудно рассчитывать и на массового читателя.

Массового читателя такие историки привлекают, делая объектом своих исследований и разоблачений ключевые события истории. Эти события сами по себе несут важный для общества информационный потенциал, формирующий его идентичность, поэтому «переосмысление» и «переоткрытие» с такими событиями происходит постоянно. Находясь в пространстве коллективной

³⁴⁷ Дмитриев А. В., Сычев А. А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. С. 257-290.

памяти и являясь инструментом политического манипулирования массами, они естественным образом мифологизируются, а миф становится самым удобным объектом «разоблачения».

Мифологизация истории происходит на трех уровнях. Первый уровень — это обыденное сознание, для которого восприятие действительности в форме мифов вполне естественно. Миф — историческая первая форма мировоззрения, однако, она не заменена сегодня в полной мере религиозной или научной картиной мира, она продолжает сосуществовать рядом с ними. Миф представляет собой в сознании человека упрощенную форму восприятия действительности в виде определенного нарративного текста, способного давать простые ответы, на сложные вопросы. Образы исторического прошлого также упрощаются и низводятся до уровня мифов. Примером здесь может служить легенда о призвании варягов, где сложный процесс создания древнерусского государства приобретает упрощенную форму: призвали Рюрика — он и заложил основу русского государства. Другой характерный пример — сложный и многообразный процесс преобразований эпохи Петра Великого, который в большинстве случаев сводится в исторической памяти современного россиянина к трем сюжетам в вариациях, персонифицированным в образе самого императора: Петр I «прорубил окно» в Европу, построил флот и обстригал бороды и полы кафтанов боярам. История становится мифом, чтобы быть понятной рядовому обывателю.

Представления о прошлом в обыденном сознании могут быть хронологически не последовательными, события могут быть смещены во времени, спутаны, герои и факты из разных эпох могут слиться в одно целое, но в то же время структура коллективной памяти очень проста и в высшей степени оценочна. Причем оценки сводятся к простой дихотомии добро-зло, хороший-плохой, наши-чужие и т.д. Оценивая факты прошлого, человек рассматривает их в бинарной оппозиции, поэтому манипулирование историческими представлениями достигается очень просто путем простой смены оценок тех или

иных событий и героев, оценочные характеристики меняются с отрицательных на положительные и наоборот.

Эффективность этого приема хорошо иллюстрирует история восприятия революционных событий и гражданской войны начала XX в, если во времена социалистического строительства они воспринимались со знаком плюс, то после распада Советского союза знак меняется на противоположный. В специальной исторической литературе, а главное в СМИ происходит реабилитация белого движения, возвеличивание высокого офицерского подвига по защите страны от большевизма, «очернение» героев революции и описание преступлений «красных бандитов».

Большое распространение получают конспирологические теории, в которых происхождение революционных и в целом оппозиционных движений приписывается деятельности специальных служб и разведывательных подразделений иностранных государств. В «документальных» телевизионных фильмах и печатных СМИ можно найти массу примеров такого освещения событий. Теория заговора, поддержанного иностранными государствами, является универсальным инструментом объяснения возникновения всех революционных и оппозиционных движений. Представление о чуждости обществу революционных идей и навязывание их извне эксплуатируется государственной властью достаточно давно (с начала XIX в.), и поэтому находит сочувственный отклик в массовом сознании.

Второй уровень мифологизации истории — это пространство медиасферы, включающей в себя не только СМИ, но и сферу искусства. Здесь история мифологизируется с вполне очевидной целью, чтобы быть понятной и интересной тому же рядовому обывателю, на которого искусство ориентировано, а СМИ прямо работает. Анализ современного состояния медиасферы позволяет определить основные актуальные исторические концепты и мифологемы массового сознания.

Одним из них стал концепт: «Россия, которую мы потеряли», он ярче всего представлен в творчестве режиссера Никиты Михалкова в фильмах «Сибирский

цирюльник», «Статский советник», «Сонечный удар» и др., а также телевизионных документальных фильмах (например, «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе). В основе его представление о Российской империи до революционных событий 1917 г. как о государстве, основанием которого является социальный консенсус, общественное благополучие и особый жизненный уклад. Разрушен этот идеальный мир был при помощи чуждых иностранных идей и их носителей — внутренних и внешних врагов.

Этому идеальному миру соответствовали идеальные герои: дворяне, офицеры, государственные мужи, радеющие за Россию и защищающие ее от врагов. Это вписывается в концепцию реабилитации «белого движения» и ярче всего отразилось в коммеморации столетия Первой мировой войны 2014 г. В СМИ этот период истории был представлен как незаслуженно «забытая война», где было место геройским подвигам, имевшим не меньшее значение, чем подвиги российского народа других войн.

Юбилейные торжества по поводу Первой мировой войны совпали с началом международного кризиса, государственным переворотом в Украине, воссоединением Крыма с Россией, войной в Новороссии и обострением отношений с европейскими государствами и США, выразившемся во введении санкций в отношении России, тем самым данное событие было актуализировано в общественном сознании.

Наряду с этим обострилась проблема пересмотра итогов Второй мировой войны. Высказывания премьер-министра Украины Арсения Яценюка и министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны были направлены на дезавуацию роли Советского Союза в победе над фашизмом³⁴⁸. В данном случае эти высказывания были рассчитаны на западную аудиторию, но вызвали бурную

³⁴⁸ Яценюк поведал миру о «вторжении СССР в Германию» // Официальный сайт "Вести" интернет-газета" ("VESTI.RU") [М., 2015]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2262213>. (дата обращения: 17.11.2022); Провокация по-польски. Польский министр считает, что концлагерь в Освенциме был освобожден украинцами // Официальный сайт Российской газеты. [М., 2015]. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (дата обращения: 17.11.2022).

реакцию именно российской общественности. Победа Советского Союза во Второй мировой войне является наиболее устойчивым концептом в коллективной памяти российского народа. Изменить его или поколебать вряд ли получится в ближайшие десятилетия, но показывая, что эта тема не так однозначно воспринимается политиками и обществом целого ряда западных стран, можно достичь двух целей: сплотить общество вокруг Великого символа «День победы», настроить более лояльно к существующей власти и показать, что Россия находится, все еще, в небезопасности среди мирового сообщества.

Введение экономических санкций в отношении Российской Федерации позволили возродить, казалось бы, уже ушедший концепт «Холодная война». Хотя на официальном уровне всячески подчеркивается, что возврат к реалиям противостояния двух сверхдержав уже не будет, в СМИ можно очень часто встретить данную идеологему. Восприятие современной России через концепцию «холодной войны» и противостояния с США позволяет позиционировать ее как Великую державу и, по меньшей мере, государства, препятствующего построению однополярного мира. С одной стороны такое восприятие наполняет общество чувством гордости за свою страну, а с другой настраивает на долговременное противостояние сильному и опасному врагу.

Воссоединение Крыма с Россией сделало полуостров настоящим «местом памяти» современного российского общества. Появление хэштега «крымнаш» стало очевидным свидетельством объединения и солидарности россиян вокруг этого символического события. Крым в коллективной памяти начинает связываться с двумя важными концептами. Прежде всего, он становится символом цивилизационного выбора России, так как именно на крымском полуострове в древнем Херсонесе князь Владимир принял православное христианство и в дальнейшем способствовал его распространению по Руси. А во-вторых, Крым связывается с Севастополем, как символом воинской славы России (Крымская войны, Великая Отечественная война). Такое понимание истории Крыма также способствует восприятию истории России, как страны, противостоящей иноземным захватчикам.

Таким образом, в коллективной памяти современных россиян бытуют простейшие идеологемы и мифологемы, связанные с военной историей России, истории противостояния западным державам, наряду с включением в эту череду представлений о внутренних врагах России, с которыми связывается так называемая внесистемная оппозиция (А. Навальный и др.), «революционеры майдана». В этой системе медиапамяти трудно не увидеть проявление всех элементов идеологии «осажденной крепости» (страна окружена врагами, а внутри страны присутствует «пятая колонна»), ставшей одним из важнейших инструментов мифологизации истории.

Третий уровень — мифологизации истории представлен самой исторической наукой. Историки не свободны от влияния мифов, определяющих общественное сознание, они имеют политические убеждения, им не всегда удается избегать заблуждений. Ошибки исторических исследований допущенные непреднамеренно или с умыслом могут стать источником мифов. Поиск исторических мифов и их разоблачение происходит в научной среде постоянно, самые яркие открытия попадают в СМИ, литературу, искусство — они и наука создают мифы, но они же и призваны их разрушить. Все это будоражит общественное сознание, привлекает внимание к актуальным проблемам современности, объясняет сложные социально-политические процессы и оседает в памяти.

Для того, чтобы стать частью медиапамяти представление о прошлом должно быть достаточно упрощено и мифологизировано, сведено до простой идеологической конструкции. Представлению о прошлом совсем не обязательно быть развернутым и содержательным, чем оно будет проще, тем лучше оно будет усвоено. Таким образом, медиапамять остается идеальным инструментом политического и социального манипулирования, чем успешно пользуется историческая лженаука.

Осознание историками невозможности полной победы над историческими мифами привело к развороту в сторону их изучения. Это предопределило внимание историков к коллективной памяти. Она создается из напряженного

переплетения воспоминаний, стереотипов и воображения. Элемент воображения привносят в структуру коллективной памяти носители культурной памяти человеческого общества. В разные эпохи человечества и в разных культурах это были шаманы, жрецы, барды, учителя, писатели, ученые, они являются носителями знания, в том числе знания о прошлом, которое никогда не передавалось ими в неизменном виде. Всегда при передаче знания о прошлом, оно претерпевало изменения, обусловленные воображением человека его передающего. Это касается не только устных текстов, но и письменных.

Если говорить о коллективной памяти, то она необходимым образом менялась под воздействием воображения профессиональных историков. Для исторического знания достоверность очень важный фактор, так как оно претендует на воссоздание реального прошлого, но в тоже время оно не может быть свободно от воображения историка, которое и создает в этом прошлом разночтения. В то же время, именно труды историков создают каркас медиапамяти, их работы влияют на формирование представлений о прошлом писателей, художников, политиков, учителей, которые в свою очередь передают эти представления обществу в сильно измененном виде, привнося в них свой элемент воображения.

Наличие элемента воображения в профессиональных исторических исследованиях делают их крайне уязвимыми со стороны критики лжеученых историков и различного рода манипуляторов коллективной памятью, чем они активно пользуются. Таким образом, бытие медиапамяти зависит от активности как исторической науки, так и исторической лженауки.

Вывод: если исходить из характерной для современного цифрового мира объективации коллективной памяти в медиасфере, а также масштабы включенности населения планеты в эти процессы, роль исторической лженауки в воспроизводстве медиапамяти (что в соответствии с постулатами социального конструктивизма равнозначно воспроизводству социальной реальности) представляется если не триумфальной, то фундаментальной. Интеллектуальные процедуры ее производства чаще опираются на воображение нежели на чистое

познание; «творцы» тратят много усилий на собственную медийность, узнаваемость и известность; язык близок к маскульту, концептуальное содержание в силу примитивности пригодно для трансляции современными медиа. Знание, создаваемое исторической лженаукой – это знание, созданное для масс, на языке масс, представителями масс. Именно поэтому оно пригодно для манипулирования массами и по той же причине так востребовано. Однако эта мрачная картина построена на невольном сгущении красок, забвении того обстоятельства, что лженаука существует только потому, что есть наука, она глубоко вторична по отношению к науке и без нее существовать не может. Многообразие форм знания отнюдь не означает их когнитивной равноценности. За массой всегда скрываются люди, экзистенциальные ситуации которых не разрешимы манипулятивными технологиями. Мировоззренческие функции лженауки реализуются после того, как наука уже выполнила свою роль, создала исходную картину прошлого и систему его оценок. Более того, чаще всего они реализуются там, где наука не способна дать ответы вопрошающим умам.

3.3. Цифровая мифология медиапамяти³⁴⁹

Современное научно-технологичное общество продолжает обращаться к социальным мифам для объяснения действительности также как оно это делало в предыдущие исторические периоды. Использование сложнейших информационных технологий и цифровой техники, осуществление значительной части социальной жизни в виртуальном пространстве и цифровизация повседневной реальности позволяет говорить о современном обществе как цифровом. Цифровое общество перестраивает коммуникационные процессы,

³⁴⁹ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С., Тихонова С. В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 3. С. 234-239. DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-3-234-239; Artamonov D. S., Medvedeva E. N., Tikhonova S. V., Slivnaia Z. A. Digital Mythology: A New Direction In The Study Of Social Myths // Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, Russian Federation, 22–23 ноября 2021 года / Eds. by D. Ye. Krapchunov, S. A. Malenko, V. O. Shipulin, E. F. Zhukova, A. G. Nekita, O. A. Fikhtner. Veliky Novgorod, Russian Federation: European Publisher, 2021. P. 1-7. DOI 10.15405/epsbs.2021.12.03.1.

переводя их в сетевой формат, который направлен на создание устойчивых социальных связей при помощи цифровых технологий. Миф способствует укреплению и обоснованию этих связей, а также связывает индивида с действительностью, подвергающейся тотальной цифровизации. Цифровизация человеческого бытия неизбежно приводит к появлению цифрового сознания, частью которого является миф. Сегодня изучение и осмысление мифологии цифрового общества происходит в парадигме цифрового поворота, который затронул все сферы гуманитарных исследований.

На протяжении всего XX в. складывалась традиция понимания под социальным мифом мировоззренческих взглядов, представляющих собой систему контекстуально условно истинных и аксиологически нагруженных доверительных высказываний. По мнению большинства западных (К. Леви-Стросс, Э. Кассирер, Р. Барт) и российских (Е. М. Мелетинский, А. Ф. Лосев, П. С. Гуревич) исследователей, социальный миф является основанием мировоззрения индивидов и побуждением их к социальным действиям, а также выражает определенные групповые, классовые, государственные или национальные интересы³⁵⁰. Современные исследователи социальной мифологии А. Г. Иванов и И. П. Полякова рассматривают ее как «аксиологически нагруженный феномен» и выделяют два уровня «архаический», содержащий «устойчивые архетипические образы, мифологемы, ритуалы, выработанные коллективно», и «инструментальный» («конъюнктурный»), который «предстает в качестве «мифологии идей» и содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев»³⁵¹. Цифровизация социального мифа позволяет говорить о цифровой мифологии как феномене, характеризуемом цифровым способом производства и существования

³⁵⁰ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2008. С. 56-67.

³⁵¹ Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 6. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

современного мифа в медиасреде. О возможности возникновения цифровых мифологий еще в самом начале XXI в. говорил Т. Валович. Исследуя основные социальные и политические последствия распространения сети Интернет, он пришел к выводу о существовании цифровых мифов, описывающих скрытые сложности взаимодействия человека с виртуальной реальностью³⁵². Однако, термин цифровая мифология еще очень редко используется в научном дискурсе и подразумевает влияние Интернета и социальных медиа на формирование мировоззренческих основ современного человека³⁵³.

По мнению исследователей Ж. Лосада и А. Липскомба цифровая революция привела к тому, что потребление огромного количества информации непосредственно влияет на миф, заставляя мутировать его в новые формы. Фильмы, сериалы, комиксы или видеоигры, производимые в жанре научной фантастики или фэнтези об искусственном интеллекте, подвергаются социальному или индивидуальному потреблению в беспрецедентных объемах. Вторжение цифровых медиа в повседневный быт индивидов вызвало большое напряжение в обществе, и мифологизации подвергаются сами цифровые технологии, так как миф остается наиболее подходящим инструментом познания мира³⁵⁴. Новые способы цифрового бытия индивида такие как цифровая память, троллинг и цифровая смерть, цифровые ритуалы и кибернетический анимизм, онлайн-траур и многое другое³⁵⁵ осмысляются именно через мифы, описывающие электронную реальность. В этой связи и ставится проблема изучения трансформации социальной мифологии в цифровую, происходящей в контексте цифрового поворота.

³⁵² Valovic T. S. *Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet*. New Brunswick, N.J., London: Rutgers University Press. 2000. 242 p.

³⁵³ Соловей В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 123. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.09

³⁵⁴ Losada J. M., Lipscomb A. *Myth and Audiovisual Creation*. Berlin: Logos Verlag. 2019. 215 p.

³⁵⁵ Касавина Н. А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. № 3(4). С. 85. DOI: 10.5840/dspl20203441

Цифровые технологии и медиа создают и тиражируют социальные мифы, выступая равноакторными субъектами их воспроизводства, наравне с массами и отдельными индивидами, включенными в процессы мифологизации действительности. В процессы мифотворчества активно включаются просьюмеры, являющиеся создателями и потребителями информационных продуктов, создаваемых при помощи цифровых технологий. Миф стимулирует просьюмеров активно включаться процесс производства товаров и услуг, потребляемых ими самими. Мифологизации подвергаются используемые цифровые технологии, так как это популяризирует и облегчает их использование. Они же становятся инструментом, посредством которого формируются современные мифологии, и средой их распространения, отражая вовлеченность медиа в язык, практику и организационную логику сетевых сообществ³⁵⁶. В них циркулируют мифологические нарративы, направленные на конструирование коллективной идентичности, героизацию, осмысление повседневной реальности. Мифические конструкты выступают в качестве строительного материала, формирующего комьюнити.

Участники сетевых сообществ, создавая различный контент, становятся творцами цифровых мифов, черпая из цифровой среды наборы архетипических историй, позволяющих им осмыслять мир и конструировать собственную мифологизированную реальность. Эта реальность создается и существует в пространстве социальных медиа, которые транслируют мифонарратив об онлайн-пространстве как естественном месте встречи и взаимодействия пользователей. Будучи неоднородными (социотехническими) по составу, социальные медиа являются полем для сбора данных о сетевых сообществах³⁵⁷ и площадками мифоконструирования, вовлеченными в различные формы дискурсивной работы.

³⁵⁶ Плотичкина Н. В. Медийная мифология социального в современном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 20(2). С. 249. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-239-251

³⁵⁷ Marres N., Weltevrede E. Scraping the social? // Journal of Cultural Economy. 2013. Vol. 6. Issue 3. P. 313-335. DOI: 10.1080/17530350.2013.772070

В социальных медиа под влиянием появления новых мифотехнологий и мифотворцев трансформируется логика мифотворчества. Она все более приобретает глобальный характер, определяющий способы взаимодействия человека с действительностью. Можно наблюдать как сообщение в социальных сетях влияет на фондовые рынки, направляет поведение компьютерных игроков, изменяет практики использования цифровых гаджетов. Сетевой контент, формируемый инструментально-коммуникативными навыками частных блогеров, способен определять главную повестку дня в СМИ за счет содержания в нем мифоэлементов.

Рынок цифрового контента представляет собой постоянно растущую воронку потребительского интереса, что предполагает перманентное применение инновационных решений, порождающих новые витки количественных и качественных изменений. Каждый отдельно взятый шаг в производстве новых культурных агентов способен оказывать глобальное влияние на развитие цифровой цивилизации. Колоссальность и быстрота цивилизационных сдвигов, произведенных одним инновационным решением или интернет-сообщением (возможно даже фейкового содержания), зачастую воспринимается в мифологическом контексте. Масштабность производимых перемен не всегда поддается рациональному объяснению и заставляет общество прибегать к мифологии для осмысления происходящего. Древние и сущностные мифологические образы сегодня наиболее востребованы в Интернете и медиасреде, становясь частью современной цифровой культуры. Архетипы и иные мифологические конструкции выступают аттрактором пользовательского контента, направленного на описание окружающего мира. В архетипических конструктах, создаваемых пользователями, находят отражение симулякры современной массовой культуры, привлекаемые для «интерпретации действительности с помощью инструментов цифровой реальности»³⁵⁸.

³⁵⁸ Шкаев Д. Г. Мифологические аспекты цифровой культуры на примере современной игровой индустрии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 128.

Конвергенция симулякров цифровой культуры и архетипических образов является субстратом мифологической реальности современного мира.

Цифровой миф возникает через новый визуальный коллективный опыт, отличный от восприятия мифа, имеющего материальное воплощение в виде изображений на утвари, одежде, артефактах, напоминая о смыслах в печатных текстах, которые создавали определенные барьеры между миром мифа и действительностью³⁵⁹. Цифровые коммуникации стирают эти барьеры, погружая человека в виртуальное пространство, настоятельно требующее визуализации мифологических мотивов.

Проявлением цифровизации процессов индивидуального мифотворчества является эволюция философии брендинга. Бренд представляет собой социальный миф эпохи общества потребления, обеспечивающий инкорпорирование компании, ее товаров и услуг в повседневность человека. Сегодня бренд «не просто социальный миф, а миф индивидуализированный»³⁶⁰ и его наполняемость в цифровом обществе постоянно меняется. Если на заре появления персонального брендинга мифологизации подвергалось социальное положение человека, в котором акцент делался на его достижения и успехи в общественной сфере деятельности, то с распространением социальных медиа появляются технологии личного брендинга, обращающие внимание на личность человека, его мировоззрение и богатый внутренний мир. Сегодня стратегии индивидуального брендинга реализуются в формате селфбрендинга, делающего упор на демонстрацию чувств и эмоций, поэтому внимание медийную популярность приобретает любой человек открыто их проявляющий.

В этой связи естественным выглядит появление такого феномена как постправда (post-truth), определяемого как информационный поток, в котором обращение к эмоциям и личным убеждениям является более значимым фактором

³⁵⁹ Лисенкова А. А., Тульчинский Г. Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 4 (26). С. 26.

³⁶⁰ Тульчинский Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 51.

при формировании общественного мнения, чем апеллирование к объективным фактам. Экосистему постправды составляют фейки, которые называют мифами нашего времени³⁶¹, подразумевая не только то, что они выполняют их функцию по конструированию и объяснению реальности, но и включение мифологических элементов в структуру фейковых сообщений.

Наличие мифоэлементов обнаруживается и в таком феномене цифровой культуры как интернет-мем³⁶². Интернет-мемы появляются в качестве эмоционального отклика на новостные события и почти всегда связаны с повесткой дня. Они экономят пользователям усилия по формулированию собственной позиции, предлагая удобную и понятную интерпретацию информационного сообщения, одновременно переосмысляя сюжеты и образы массовой культуры, упаковывая мифы в визуализированную форму креализованного текста. Задача интернет-мема заключается не в трансляции объективной информации, а в ускоренной передаче эмоционально окрашенных сообщений при помощи создания коммуникационного эффекта вовлечения пользователей в обсуждение злободневных событий³⁶³. Данного коммуникационного эффекта интернет-мем добивается благодаря интерпретации ключевого сообщения, включая в него элементы мифа.

Цифровая мифология находит свое воплощение в компьютерных играх, визуализирующих мифологические мотивы и создающих новые мифы. Сюжетные линии компьютерных игр зачастую заимствованы из фольклора, фантастики, фэнтези, страниц истории, классической мифологии, а приемы и методы их организации подвержены социальной мифологизации. Игровое пространство формируется целой системой мифогенеза, которая включает мифы о свободе игроков, независимости, отсутствии контроля извне,

³⁶¹ Ruzicka V., Kang E., Gordon D., Patel A., Fashimpaur J., Zaheer, M. The Myths of Our Time: Fake News. 2019. ArXiv, abs/1908.01760.

³⁶² Shifman L. Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. Vol. 18. Iss. 3. P. 363. DOI: 10.1111/jcc4.12013

³⁶³ Johann M., Bülov L. One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes. International // Journal of Communication. 2019. № 13. P. 1722–1724.

представляя его как территорию, на которой созданы все условия для реализации творческого потенциала геймеров³⁶⁴. Компьютерная игра создается в пространстве мифа, на основе мифологических элементов и сама становится мифом, создаваемым производителями и сообществом игроков с целью ее успешной репрезентации в медиасреде.

Социальные медиа и цифровые технологии, выступая посредником между человеком и внешним миром, активно создают новую мифологию, опираясь на прошлое и трансформируя черты и границы будущего. Они создают виртуальную иллюзию социальной действительности, в которой реальные события отодвигаются на второй план, уступая натиску мифологизированных образов. Возможности новых цифровых коммуникаций позволяют создавать любую мифореальность, которая воспринимается индивидами в качестве объективной истины и распространяется с огромной скоростью, включая в процессы мифологизации неограниченное количество людей. В цифровых условиях знаки и образы привычного человеческого мира стали частью мира новых медиа, превратив реальность в медиареальность, наполненную цифровыми мифами. Повседневный культурный контекст наполняется мифонаративами, порождаемыми пользователями, ставшими мифозависимыми. Мифозависимость является одной из важнейших черт современного быстроизменяющегося мира, строящегося на ярких эмоциональных образах, заполнивших массовую экранную культуру, репрезентирующую цифровой миф через новости, рекламу, кино, интернет-мемы, компьютерные игры и т. д.

Как указал Ю. М. Лотман, естественным переводом мифа в привычные формы нашего сознания является метафора³⁶⁵. Мифологический текст, переведенный в категории немифологического сознания, порождает метафорические конструкции, с помощью которых производится репрезентация

³⁶⁴ Сидоров В. А. Игры как институт культуры «цифрового» пространства // Гуманитарный вектор. 2020. № 15 (5). С. 182. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185

³⁶⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб. 2010. С. 535.

исторической реальности в памяти культуры. Механизмами культурной памяти, по его мнению, фиксируются исключительные события, эксцессы, случаи и происшествия³⁶⁶, они приобретают форму метафоры и сохраняются в пространстве культуры.

Метафоричность описания прошлого характерна не только для коллективной памяти, но и исторического знания. Ф. Анкерсмит подчеркивал, что в исторической работе метафорическое измерение всегда более сильно, чем буквальное или фактографическое. Историк, описывая прошлое, использует метафору как «наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека»³⁶⁷. Метафора позволяет сделать прошлое узнаваемым и актуализировать его в памяти.

Концептуально история и память противостоят друг другу. Я. Ассман считал, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей»³⁶⁸, а П. Нора, что «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее»³⁶⁹. Однако, следует признать, что историческое знание выполняет роль каркаса исторического сознания и массовых представлений о прошлом. Исторические исследования определенным образом влияют на конструирование коллективной памяти, становясь неотъемлемой ее частью. Применение историками метафор при описании прошлого облегчает восприятие их трудов обществом и обеспечивает внедрение исторического знания в массовое сознание. Метафора воспринимается как символ, отсылающий к определенному мифу, через который объясняется действительность и историческое прошлое.

³⁶⁶ Там же С. 364.

³⁶⁷ Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция. 2003. С. 85.

³⁶⁸ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 81.

³⁶⁹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. С. 20.

Как верно отметила Л. П. Репина, «мифические структуры в закодированной форме регистрируют реальные события или кардинальные перемены в жизни общности»³⁷⁰. Исторический миф она определила как «представления о прошлом, воспринимаемые в данном социуме как достоверные «воспоминания» (как «история»), составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей»³⁷¹.

Как отмечал Я. Ассман, культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, которое не сохраняется в ней как таковое, а сворачивается в символические фигуры, с прикрепленным к ним воспоминанием³⁷². Фигуры воспоминания создают мифы, обосновывающие прошлое и объясняющие настоящее из его происхождения. Миф можно определить как «словесное выражение такого объяснения (апперцепции), при котором объясняющему образу, имеющему только субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом»³⁷³. При метафорической интерпретации реальности особое значение приобретает ассоциативно-образная символическая связь между двумя объектами, которая позволяет «выявить внутренние категориальные значения, субъективно-семантический контекст, сопровождающий познание окружающей человека действительности»³⁷⁴.

Метафору часто называют свернутым мифом, в концентрированном виде представляющем информацию о мире, она является «не только способом мышления, но и механизмом познания и трансляции национально-культурной

³⁷⁰ Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) // Гуманитарные исследования. WP6. Высшая школа экономики. 2003. № 07. С. 22.

³⁷¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 453.

³⁷² Ассман Я. Указ. соч. С. 54

³⁷³ Потебня А. А. Слово и миф. Москва: Правда, 1989. С. 259.

³⁷⁴ Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. Санкт-Петербург: Фил. фак. СПбГУ, 2000. С. 77-78.

специфики мировидения и мировосприятия»³⁷⁵. Передаваемые из поколения в поколение культурные стереотипы позволяют при помощи метафоры соизмерять познаваемое новое с выработанными исторически определенными эталонами. В ходе этого процесса метафора порождает культурные смыслы, формой трансляции и актуализации которых становится культурная память. По мнению Ю. М. Лотмана «смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут»³⁷⁶. Тексты, составляющие коллективную память, не только служат средством дешифровки смыслов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые. Таким образом, метафора в разные исторические эпохи постоянно воспроизводится, трансформируясь под влиянием новых обстоятельств, в которых она оказывается востребована.

Трансформация метафоры не приводит к забвению ее первоначального смысла, так как она сохраняет свой культурный код, обеспеченный наличием некоторых константных текстов, их инвариантностью или непрерывностью и закономерным характером изменений. Смысловая устойчивость метафоры делает ее эффективным инструментом познания прошлого. Как полагал Ф. Р. Анкерсмит, исторические миры являются приоритетной сферой метафоры, а метафоричность является характерной чертой исторического сознания, так как ее сущностью является проникновение в истину. Метафора позволяет превращать незнакомую действительность в знакомую и всегда предоставляет возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной³⁷⁷. Однако одновременно метафора упрощает и мифологизирует историческую реальность, адаптируя ее под социальные и политические цели общества.

Мифы о прошлом играют роль опорных структур мифопространства, формируя его пространственно-временной континуум. В современной

³⁷⁵ Стоянова Е. От ритуала и мифа к метафоре // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2008. № 4. С. 34.

³⁷⁶ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 675.

³⁷⁷ Анкерсмит Ф. Р. Указ. соч. С. 85.

социальной мифологии они задают хронографию мифа, обеспечивая взаимодействие и синхронизацию циклического времени сакрального мифа и линейного времени научной картины мира, характерного для технологической рациональности современного капитализма. Совмещение разных планов времени является важным условием воспроизводства социальной мифологии, актуализирующим те или иные мифокомплексы в контексте наличной повестки дня. Весь массив последовательности исторических событий, установленных и зафиксированных профессиональными историками под контролем государства, является строительным материалом образа прошлого.

Логика совмещения социальных модусов времени исторически подвижна. В период Модерна она работает следующим образом. Линейная схема истории делится на отрезки относительно «сакрального» времени истоков, обладающего повышенной мифогенной плотностью. Эти отрезки наделяются полярной аксиологической окрашенностью, необходимой для эмоциональной конфликтности между «темными» временами, героической борьбой за возвращение света и относительно непротиворечивым настоящим. Конструирование коммеморативных практик позволяет поддерживать связь с периодом «истоков», символически реактуализируя его через символические практики – ритуалы, церемонии, мемориалы. Отметим, что практики структурирования прошлого в Новейшее время вынуждены опираться на однозначно зафиксированные ключевые даты (архаичные мифологии такой роскоши/обременения не знали, поскольку реальное прошлое ограничивалось памятью трех – максимум пяти поколений), считаясь с мощной традицией исторических исследований. Однако они легко наделяют границы отрезков подвижностью, динамично выстраивая исторические дистанции и сближения, заставляя линейную периодизацию пульсировать, придавая ей ритмичный рисунок проявленности подлинного смысла истории.

Дрейф «линейки прошлого» детерминирован конфигурацией коммуникационного пространства, определяющей механику ее сборки. Например, для советской мифологии точкой альфа была Великая Октябрьская

социалистическая революция, сменившая «темную эру» царизма. Время истоков, связанное с революционным движением и его победой, по мере линейного продвижения вперед постепенно поглощало время героической борьбы, расширяясь и включая историю Гражданской войны, индустриализацию, а затем и Великую Отечественную войну, когда «наши отцы и деды кровь проливали», чтобы здесь и сейчас современники жили хорошо. «Хорошо» настоящего в обозримой перспективе сменится еще более прекрасным светлым будущим. Эту связку «позавчера, сегодня, завтра» мы легко обнаружим дрейфующей, если обратимся к историческим источникам: в газетах, стенограммах, протоколах заседаний текущий момент (за исключением страшных лет Великой Отечественной войны) никогда не оценивается как более тяжелый (или хотя бы равный по степени тяжести), чем время истоков, а наступление эры коммунизма сдвигается на все более поздние сроки.

В периоды господства тотальных государственных идеологий историческая мифология культивировалась по государственному заказу. Советское государство создало мощнейшую идеологическую машину, в рамках которой были сформированы, во-первых, через тщательную селекцию привилегированный слой «творческой интеллигенции» – писателей, поэтов, актеров, режиссеров и сопутствующих профессий, во-вторых, система цензуры, позволяющая государству включаться в производство культурного продукта, выстраивая его в нужном идеологическом ключе, делая пригодным для решения вполне конкретных прагматических задач мировоззренческого и педагогического характера, в-третьих, вертикальная система массовой информации, позволяющую управлять низовым культурным потреблением.

Тиражируемый в советское время мифологический образ Прошлого отнюдь не канул в лету с началом перестройки и распадом СССР. Борьба за гласность, рассекречивание архивов, деидеологизация не смогли его уничтожить, хотя и вызвали к жизни мощнейшие процессы по его пересмотру. Понижение в мифологическом статусе Октябрьской революции, смягчение негативных оценок имперского периода, нейтрализация оценок роли

Коммунистической партии и коммунистической идеологии, культивирование памяти о Великой Отечественной войне привели к появлению нового советского мифа о прошлом, который по-прежнему воспроизводится на правах мифологического макронарратива, отражаясь не только в государственной политике памяти, но и в массовом бытовании так называемой «ностальгии по СССР». В этом мифе максимально сглажены канонические отрезки линейки прошлого, «сбита» политико-правовая калибровка их маркирования, точка «альфа» смещена от революционных событий к 1917 г. к периоду ВОВ. Подвиг народа стал основой памяти народа, объединяющей в консолидационной риторике многонациональное и многоконфессиональное население РФ в единое целое.

С точки зрения старых объяснительных схем создалась парадоксальная ситуация: при отсутствии идеологической преемственности с советским политическим режимом и пропагандистской монополии государство готово насаждать советский миф старыми средствами, а общество само его успешно воспроизводит, опираясь на новые коммуникативные возможности цифрового общества потребления. Со второй половины нулевых годов нынешнего столетия началось возрождение моды на советскую атрибутику, сначала активно эксплуатировавшуюся маркетингом в квазиаутентичных «советских» брендах. Потребительская мода быстро перешла во все сферы культуры, снижая негативные оценки тоталитаризма, репрессий, культа личности. Научная рефлексия на первых порах отреагировала на нее с позиций примата централизованного идеологического влияния, видя в советском ренессансе результат стремления руководства страны реструктуризировать советскую систему³⁷⁸. Тем не менее, советская ностальгия набирала обороты настолько быстро и масштабно, захватывая когорты молодежи, родившейся после распада СССР, что государственными усилиями объяснить ее было уже нельзя. В последние годы феномен советской ностальгии пытаются интерпретировать на

³⁷⁸ Гудков Л. Время и история в сознании россиян. Часть II // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (104). С. 18.

основе теории гибридной постпамяти Марианны Хирш, согласно которой возможна передача травматического опыта, заданного конкретным событием, последующим поколениям³⁷⁹. Социологические исследования показывают не только перманентные сожаления россиян о распаде СССР, устойчивость памяти о Великой Отечественной войне, но и рост ностальгических эмоций к позднему советскому периоду – брежневской эпохе застоя³⁸⁰. При этом материалы, демонстрирующие противоречия и темную сторону советской истории, по-прежнему находятся в открытом доступе. Россияне прекрасно знают об их существовании, как минимум, благодаря системе образования, но не используют для собственных мемориальных практик. На сегодняшний день очевидно, что государственная политика памяти использует социальное настроение россиян, но она его не формирует и не обгоняет.

Большинство концепций *memory studies* рассматривают работу коллективной памяти в ключе лассуэлловской парадигмы прямого влияния – политика памяти насаждает мифы, которые легко приживаются в том случае, если не вступают в конфликт с личным опытом и семейной историей. Конфликт выступает барьером, за которым формируется пространство альтернативного образа прошлого. Феномен советской ностальгии демонстрирует границы применимости такого подхода – если устойчивости памяти о ВОВ можно попытаться объяснить работой постпамяти, то симпатии к эпохе застоя, не включающей массового травматического опыта, не позволяют ни верифицировать эту модель, ни показать ее пригодность для конкретного периода (почему популярен именно брежневский застой, а не хрущевская оттепель с расцветом культуры и полетом Гагарина в космос?).

³⁷⁹ См., например: Бараш Р. Э. О некоторых причинах "советской" ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4(20). С. 129. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523.

³⁸⁰ Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 108-120. DOI: 10.31857/S086904990006566-4

Обоснованное социально-философское объяснение возможно при учете революционного сдвига коммуникационного уклада. Архитектоника возрожденной советской мифологии задана принципиально новой конфигурацией коммуникационного пространства, сделавшей возможным раскрепощение исторического воображения масс. Сетевое общество (М. Кастельс) позволяет индивиду не просто развивать горизонтальные сети социальных связей, оно смягчает давление вертикальных ансамблей массовой информации и открывает двери в массовую коммуникацию для ее восходящих потоков. Личная и семейная история долго были «заперты» на территории приватности, откуда в публичную сферу их могли извлечь лишь усилия профессиональных историков и журналистов. Миф о советском прошлом задан личным опытом: наиболее активным носителем «советской ностальгии» является последнее советское поколение 1976-1982 гг. рождения, и этот субъективный опыт становится основой пересборки советского прошлого. Важно, что новая мифологизация прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда в первые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении.

Важным обстоятельством является осевая структура пересборки: ее фундаментом является не классическая модерновая мифологизация прошлого, но цифровая мифологизация времени. Отметим, что время долго оставалось слабо доступным для мифологизации объектом. Экзистенциальный опыт трансформации последовательности «прошлое-настоящее-будущее» жестко детерминирован фундаментальностью онтологического характера времени. Ментальные, «воображаемые» возможности такой трансформации, связанные с художественным осмыслением реальности, опираются на социальный опыт, включающий данные о качественно различной исторической динамике. Сюжет о волшебном сне, позволяющем заглянуть в будущее, встречается, например, у

Диогена Лаэртского, описывающего «любимца богов» критянина Эпименида, прославшего 57 лет³⁸¹. Однако широко хождения этот сюжет не имел. Стартом мифологизации времени можно считать новеллу «Рип ван Винкль» В. Ирвинга о человеке, в энigmatическом сне прославшем время своего поколения, и проснувшемся в разгар Войны за независимость. С появлением Рипа ван Винкля начинается длительная разработка идеи путешествий во времени в литературе, в первую очередь, в научной фантастике. К настоящему времени она представляет собой богатую традицию общеизвестных литературных и кинематографических сюжетов.

Отметим, что фантастические путешествия во времени не меняют саму концепцию линейности истории, в эвклидовой геометрии, проектирующей устремленность в будущее. Ее радикально перекраивает постмодерн. Как показывает В. Г. Косыхин, постмодерн формирует новое представление об истории, понимая ее «нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская обратимость исторической герменевтики, возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала и необходимости возвращения к этому началу»³⁸². Работа со временем была начата уже режиссерами Новой французской волны в авторском кино 60-х гг. XX века, перемешивавшими периоды повествования в «неправильном» порядке. Широкую известность и влияние в массовой культуре этот прием получил благодаря фильмам К. Тарантино в конце минувшего столетия.

Эстетические и идеологические эксперименты массового искусства наложились на новый коммуникативный цифровой опыт. Во-первых, рост индустрии компьютерных игр привел к тотальному включению в их практики молодых поколений. Предоставляя геймеру неограниченное число попыток

³⁸¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Под общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 99-100.

³⁸² Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика 2017. Т. 17. № 4. С. 394. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397

прохождения сюжета с разными точками входа, game-пространство сформировало новое восприятие времени, в котором оно трансформировано в управляемую субстанцию, локализуемую в различных циклических комбинациях. Компьютерные игры активно эксплуатируют как исторические, так и научно-фантастические сюжеты, в которых прошлое может быть не только возвращено, но обжито, перекроено, модернизировано и декорировано по вкусу игрока. Современные игры все сложнее зависят от вкусов геймеров, как через опосредованные каналы маркетинговых исследований, так и через прямое участие конечных потребителей в разработке игр (инди-проекты) и их модификаций (моды).

Во-вторых, распространение цифровой мобилографии, благодаря которому фотография перестала быть элитарной техникой и превратилась в массовый способ «захвата Настоящего». Феномены селфи и инстаграм-фото демонстрируют новые способы фиксации текущего момента, семиотизации контекста (заднего плана), превращение фотографии в сообщение о времени, себе, мире и людях. Цифровая фотография, выгруженная в социальные сети, становится важным элементом практики самопрезентации и самопознания, выстраивания пространства личности и ее наличного самоощущения. Момент, однажды пережитый, растягивается через демонстрацию, разглядывание и комментарий, расширяя Настоящее.

В-третьих, активное включение огромного числа людей в производство цифрового контента с текстовыми элементами, имеющего отношение к образам прошлого. Это и развитие сетературы, включающей развитие нового жанра альтернативно-исторической фантастики, появившегося в 90-е гг. минувшего века; создание фанфиков по мотивам историко-фантастических произведений; создание тематических исторических пабликов и фейковых профилей исторических личностей в социальных сетях. Наглядно эволюцию исторического цифрового контента демонстрирует жанр интернет-мемов,

ставшей неотъемлемой чертой современного общества³⁸³. В социальных сетях изображения с ироничной подписью стали базовой лаконичной формой выражения субъективного отношения к сложным или негативным явлениям³⁸⁴. Авторы мемов активно используют исторические события, персонажей, цитаты. С темпоральной точки зрения характерна когерентностная функция мема, сопрягающая разные временные пласты, прошлое, настоящее или будущее, для передачи конкретной идеи. Иногда эстетическая техника мемов заимствует кинематографические приемы постмодернистской работы со временем, но возможны и чисто цифровые рекурсии. Примером может быть история мема с котиками «Наташ, ты спишь? Уже 6 часов утра. Вставай, мы там все уронили. Мы уронили вообще все, Наташ, честно». Мем появился в феврале 2020 года и отражал утренние особенности быта типичного котовладельца. Яркость его эмоционального сообщения стала основой «наложения» мема на повестку дня. На протяжении марта 2020 года в модификациях мема котики принимали конституцию, «роняли» цены на нефть, обнуляли президентские сроки, закрывали хозяйку на самоизоляцию, продлевали карантин по COVID-19, доедали гречку, дичали до состояния львиного прайда, переходили на онлайн-обучение надевали маски, пытались вернуться в Россию на самолете, сражались с печенегам. В апреле 2020 г. котики окончательно превратились в «котов-летописцев», набрав за сутки 1734 репоста и продолжив победное шествие по социальным сетям. Таким образом, интернет-мем, отражающий повестку дня, превратился в живую летопись, коллекционирующую собственные модификации.

Психологически обыватель давно готов к путешествиям во времени и явно расстроен отсутствием их технической возможности. Цифровая среда создала

³⁸³ Seiffert-Brockmann J., Diehl T., Dobusch L. Memes as games: The evolution of a digital discourse online // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. Iss. 8. P. 2864. DOI:10.1177/1461444817735334

³⁸⁴ Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2018. Vol. 23. P. 294–310.

условия для небывалой визуализации прошлого, возможности погружения в ушедшие эпохи и совместного действия в их цифровых симулякрах. Массы не просто активно осваивают эту призрачную территорию, но непрерывно генерируют цифровые следы своего восприятия, объективируют и транслируют их. Образы прошлого благодаря цифре обрели невероятную плотность присутствия в Настоящем и открыли шлюзы для мифологической экспансии во Время. Вовлечение массовой аудитории в конструирование медиапамяти неизбежно приводит к ее мифологизации и миф становится одним из основных элементов исторического сознания общества.

Вывод: цифровой поворот социальной мифологии характеризуется использованием цифровых технологий и социальных медиа в конструировании мифов и их изучением цифровой гуманитарной наукой. Цифровая мифология формируется в контексте цифрового поворота как научное направление и развивающаяся система социальных цифровых мифов, воспроизводимых в виртуальном пространстве. Цифровые мифы создаются усилиями индивидов, репрезентирующих себя в сетевых сообществах, массами интернет-пользователей, осуществляющих конвергенцию образов массовой культуры и мифов при помощи цифровых технологий, распространяя их в социальных медиа. Новые медиа позволяют любому интернет-пользователю стать мифотворцем, создателем мифологических нарративов, которые служат конструктами повседневной реальности. Условием создания цифровых мифов является визуализация мифообразов и смыслов массовой культуры, в которые облекаются новостные, культурные или политические сообщения. Интернет-пользователи упаковывают цифровые мифы в распространяемые по сети информационные сообщения, транслируя с их помощью свою эмоциональную оценку действительности и свой взгляд на мир. Цифровые мифы находят свое воплощение в селфбрендинге, феномене постправды и фейках, интернет-мемах, компьютерных играх и т. д. Цифровая мифология стала неотъемлемой частью цифрового мира, и в ней работают механизмы сопряжения сакрального прошлого истоков, героического времени борьбы, стабильного

«преднастоящего», настоящего и будущего. Мифологическая «линейка времени» зависит от опыта художественного осмысления времени и коммуникационного уклада. Если для модерна характерен синтез мифологического циклического времени с линейным временем исторической науки, постмодерн открывает возможности для эстетических экспериментов с временной последовательностью прошлого, настоящего и будущего. Становится очевидной готовность цифровых масс к применению эстетических приемов постмодерна в низовом создании образов прошлого. Новая мифологизация прошлого не является внутренним делом субъекта. Она не сводится к согласию с тиражируемыми образами или отказу от них. Интернет-среда впервые в истории сделала возможным коммуникативное освобождение масс, позволив им активно транслировать собственную версию прошлого, создавая цифровой контент, востребованный в массовом же потреблении. На примере феномена советской ностальгии можно проследить переход к цифровой мифологизации исторической реальности, свободно перекраивающей образы прошлого и будущего и произвольно устанавливающей отношения между ними.

Заключение по 3 главе: главной характеристикой медиасферы как пространства памяти является тотальная цифровизация следов прошлого, когда сам след доступен для познания субъектом только при условии, что он объективирован в цифровой форме, и инструменты его познания опираются на цифровые медиа, поэтому приходит время писать историю цифрового общества и создавать цифровую философию истории. Представления о прошлом в цифровой истории можно рассматривать в рамках концепции социального времени, имея в виду, что последовательность событий, насыщающих определенные отрезки времени, может быть как реальной, так и виртуальной. Виртуализация истории предоставляет индивиду возможность «погружения» в прошлое и создает иллюзию управления временем. Будущее представляется как конец истории, апокалипсис, что объясняет повышенный интерес индивидов к прошлому, которое в цифровой истории имеет характер известной, а, следовательно, безопасной реальности. Поскольку общество перестает

воспроизводиться в чистых офлайновых формах навыки нецифрового восприятия прошлого (через печатные тексты и аналитический контакт с артефактами), как минимум, упрощаются, а медиаграмотность развивается, пределы цифровизации Прошлого представляются бэконнианскими идолами рода. Индивиды не просто играют в историю в медиасреде, они устанавливают новый онтологический статус событий и производят их темпоральное осмысление.

Цифровой поворот превратил Интернет в среду памяти и ее инструмент, сплавив их в медиапамять, обеспечивающую непрерывное воспроизводство цифрового прошлого. Присвоение информации статуса свидетельства прошлого сегодня происходит через цифровую объективацию, и не важно идет ли речь о результатах научного исследования или об онлайн-исповеди в блоге. Медиапамять обеспечивает транспоколенческую, диахроническую целостность медиaprостранства, она позволяет использовать прошлое для проектирования будущего, формируя коллективную идентичность как фундамент социальной солидарности. Особенностью медиапамяти является потеря монополии на производство исторического знания академическими историками, перевод исторического знания в форму цифрового контента, его мифологизация и широкое распространение участия пользователей-обывателей в создании такого контента.

Работа с прошлым в цифровом обществе оказывается тем «местом силы», в котором различные социальные процессы объединяются в единое целое, и социальная реальность начинает воспроизводиться, включая уникальных индивидов и события в социальные структуры, превращая их в преемников друг друга. Социальная диахрония возможна там, где узнавание и признание подпитаны воспоминанием, обеспечивающим их когерентность. Общность прошлого задается сложной сетью институтов и агентов медиапамяти, которая в цифровую эпоху все интенсивнее разворачивается в коммуникационном пространстве через горизонтальные связи между индивидами. Накопленные историческим процессом многомерные социальные ансамбли памяти,

включающие библиотеки и архивы, жрецов, писцов, летописцев, историков, открываются и демократизируются; мифы о прошлом теряют рубежи между сакральным и профанным, элитарным и массовым, публичным и частным. Развитие цифровых технологий делает голос личной памяти громким и влиятельным. Медиапамять как полифоническое многоголосое целое сегодня разворачивается силами цифровых медиа от институтов к приватизирующему, обживающему и осваивающему прошлое индивиду. Эта приватизация и персонализация осуществляется цифровыми способами, переводит коллективную память в новую форму, производящую соответствующий продукт – цифровое прошлое.

Глава 4. Медиапамять в эпоху постправды

4.1. Исторический фейк в структуре медиапамяти

Слово «фейк», широко распространенное среди пользователей интернета, прочно вошло в современный словарь медиаисследований, но как научный термин оно еще не сформировано. На сегодняшний день фейк представляет собой американизм, произведенный от английского слова *fake*, означающего «плутовство», «подделку», «фальшивку». Семантическое поле слова задается категориями «мистификация» и «фальсификация». Первая фиксирует богатую традицию введения массовой аудитории в заблуждение, сформировавшуюся в области искусства. Плеяда вымышленных авторов («покойный» Белкин, Козьма Прутков, Черубина де Габриак и др.) захватывала умы своих современников, воспринимавших литературные маски в качестве достоверных личностей. Вторая также включает в себя подделку вещей и персональных данных, но отличается от мистификации намерениями (как правило, преступными) и последствиями (причиненный вред). Грань между мистификацией и фальсификацией весьма тонка и имеет исключительно юридический характер, т.е. определяется на основании действующего законодательства. В медиасфере мистификация и фальсификация не разграничиваются, ложные сенсации в СМИ больше двух сотен лет обозначались единым термином «газетная утка». Именно он и сдает позиции моде на «фейки».

Содержательно фейки от газетных уток не отличаются, принципиальную новизну им обеспечивают именно технологии производства информации, включающие интернет-системы создания и распределения обыденного, повседневного знания и провоцирующие сетевых акторов на коллективные действия. Исторические фейки интегрируют технологии воспроизводства сетевых фейков, исторические интерпретации и историческую лженауку в оперативных локальных форматах сетевого контента, производимого для того, чтобы наносить эмоциональный и репутационный урон противнику, разрушая систему аргументации его исторической идентичности. Реализуясь в соответствии с идеологией информационных гибридных войн, исторические

фейки становятся мощным оружием войн мемориальных. Будучи новым коммуникационным явлением, исторические фейки требуют новых междисциплинарных подходов к изучению. В рамках данного исследования для прояснения сущности, структуры и мемориальной функции исторических фейков необходимо методологически синтезировать социальную эпистемологию, социометрию социальных сетей и медиа-анализ.

Основные подходы к определению интернет-фейков формируются в русле анализа новостного контента. Новости отражают события, структурируемые по следующим тематическим блокам – ожидаемые запланированные события (выборы, чемпионаты, фестивали, ...), неожиданные происшествия (погодные катаклизмы, чрезвычайные происшествия, преступления, ...), открытия (в науке и технике). Классический новостной дискурс обслуживает функцию информирования, реализуя три взаимосвязанные характеристики сообщения – аттрактивность (привлекательная форма подачи материала), точность (высокая степень релевантности отражения события) и достоверность (подлинность события, подтвержденная заслуживающими доверия источниками) текста³⁸⁵. Новости крайне важны для своевременного обновления когнитивной картины мира индивида, поэтому они являются неизменным элементом социальной коммуникации.

Важно отметить, что новости социальных медиа отличаются от новостей в классическом смысле. В новостные ленты сервисов попадает любой новый контент пользователя, независимо от его соотнесенности с традиционным жанром новостей. Поэтому сетевые новости всегда шире по содержанию, чем классические новостные тематизмы. Именно ложные сообщения сетевых новостных лент получили название фейк-ньюс, дав название новому типу информации.

³⁸⁵ Мельникова Е. А. Когнитивно-дискурсивные особенности медиапрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения: автореф. дис.... к. филол. н. Волгоград, 2016. С. 9-10.

К наиболее типичным дефинициям можно отнести определение Э. Хант, согласно которому фейк-ньюс представляют собой «информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение для того, чтобы получить финансовую или политическую выгоду»³⁸⁶. Исследователи подчеркивают развлекательный характер нового жанра и вариативность степени недостоверности фейковых сообщений³⁸⁷; манипулятивный, маскарадный, постановочный характер фейковых сообщений³⁸⁸, их гротескность, неожиданность, способность соединять реальное и фантастическое³⁸⁹; трактуют фейк как антиисточник информации, разрушающий профессиональные стандарты журналистики³⁹⁰. Но в целом конструкции определений следуют дефиниции Э. Хант или прямо его воспроизводят³⁹¹. Ключевым руслом модернизации определения является полемика о значимости целей коммуникатора при производстве фейк-ньюс. Все большую влияние получает позиция, в соответствии с которой фейком является любой ложный контент независимо от намерений автора³⁹². Не только халатность, но даже случаи добросовестного заблуждения трактуются как фейк.

³⁸⁶ Hunt E. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it // URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (дата обращения: 11.11.2022)

³⁸⁷ Панченко Н. Н. Фейк-новость в аспекте достоверности // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. № 1. С. 169.

³⁸⁸ Шестак Л. А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс // Cross – cultural studies: education and science. 2018. № 3. С. 195.

³⁸⁹ Панченко Н. Н. Особенности гибридных жанровых форм современных массмедиа // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. Т. 11. С. 181.

³⁹⁰ Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, Востоковедение. 2018. Т. 13. № 5. С. 70-76. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76. С. 71.

³⁹¹ См.: Малюкова О. В. Фейк как явление современной риторики // Философский текст в современной текстовой культуре. Материалы всероссийской конференции / Под ред. О.В. Зарапина. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 168.

³⁹² См.: Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиaprостранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143-169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169. С. 155.

Рассмотрим основания коммуникационной эффективности фейк-ньюс. Фейк строится на имитации медиа-форматов, используемых для оформления стабильно достоверного контента. В случае фальшивых новостей речь идет о жанровых клише новостных изданий. Реципиенты воспринимают фейковое сообщение как частный случай в ряду типовых кейсов, исходя из собственного медиа-опыта. Соответствие дизайна сообщения имплицитным для данной сети нормам построения медиатекста свидетельствует о медиакомпетентности автора контента и выступает условной гарантией качества содержания. С одной стороны, новостной формат легко подделать. С другой, правдивые новости временами бывают действительно невероятными.

Однако фейк – это не просто дефектная новость, у него есть две принципиальные особенности – визуализация смысла и сенсационность текста. Визуализация предполагает иллюстрирование сообщения фото- и видеоизображением, всегда повышающим его аттрактивность. Наглядное сообщение отличается интенсивностью воздействия, однако достигается наглядность не через практики документализации, а через манипулятивную комбинаторику изображений: «аудитория оказывается во власти визуальных впечатлений, организуемых соответствующим способом с использованием неаутентичных, постановочных кадров или подобранных по принципу визуального соответствия фрагментов частных записей, записей с камер наружного наблюдения, видеорегистраторов, а то и просто взятых из видеархивов»³⁹³.

Определение специфики такой манипулятивности дискуссионно. Интернет-контент чаще всего становится предметом исследования именно как текст. Во многом это объясняется историческим развитием Интернета, поскольку большинство ресурсов WWW организовано как гипертекст, т.е. система текстовых страниц, связанных перекрестными гиперссылками. Кроме

³⁹³ Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22. № 3 (153). С. 16.

того, методологический инструментарий гуманитарных наук сформирован в текстовой культуре и ориентирован на текст, методы визуальной антропологии имеют ограниченное хождение. При этом технологии социальных сетей, ориентированные на мобильную телефонию, повсеместно предоставляют пользователям бюджетные возможности по работе с визуальным контентом. Айфонография и автоматизация процессов обработки/загрузки снимков и видео сделали навыки работы с визуальным рядом медиатекста массовыми, изменив способы создания, распространения, разглядывания и оценки визуального контента. Вклад социальных медиа, ориентированных на изображение и обеспечивающих визуальным рядом большинство сетевых медиатекстов, остается недооцененным или откровенно демонизируется в духе «Социальные медиа – это одна большая подделка реальности!». Действительно, неотредактированные фотографии в сетях встречаются редко, а видео-редакторы позволяют пользователям акцентировать смысл видеозаписей. Но видео-фейком является не косметическое декорирование, а прямое несовпадение места, времени, характера и содержания события, достигаемое редактированием неаутентичных фото и видеоматериалов.

Сенсационность – неожиданность и необычность события, обеспечивающая повышения интереса к нему и готовности к ответу. По определению В.А. Ройко, сенсация – это своего рода модель, которая вводит новое значение, в силах которого изменить картину мира и классические представления о способностях человека³⁹⁴. Медийные сенсации чаще всего имеют негативный характер, поскольку связаны с освещением инцидентов аморального и противоправного характера, ошеломляющих читателей. Наиболее часто используются такие способы создания сенсационности, как персонификация (связь с известной личностью), гиперболизация, драматизация, фамильярность, радикализм, дезориентация и обращение к табуированной

³⁹⁴ Ройко В. А. Медиаскандал как резонансное событие: механизмы развития // Academy Journal. 2018. № 6 (8). С. 43.

тематике (секс, смерть, насилие)³⁹⁵. Сенсационность текста становится эмоционально-интеллектуальным ударом, обрушивающим мировосприятие индивида и заставляющего его тратить усилия на восстановление собственной картины мира через оценку сенсации.

Однако интернет-фейки – куда более широкое понятие, чем новости. Фейковую информацию в социальных сетях можно подразделить на два типа – ложные сообщения (контент) и ложные профили (узлы сетей).

Ложные сообщения (контент) создаются пользователями в формате медиатекста, т.е. сообщения, интегрирующего собственно текст, графику, аудио- и видео-файлы в единое целое. В различных социальных сетях варьируются предельно допустимые объемы элементов медиатекста (число знаков, шрифты, вики-разметка, количество и качество иллюстраций...), поэтому сообщения в разных сетях имеют узнаваемые типовые особенности. Фальсифицироваться в сообщении может любой элемент или все они в совокупности, но чаще всего производство фейк-контента связывают с двумя элементами – визуальным рядом и текстами.

Ложные профили могут быть классифицированы на два больших вида – боты и страницы вымышленных личностей. Боты – это компьютерные программы, имитирующие действия человека. Н.А. Вавилов различает автоматических и управляемых ботов. Автоматические способны выполнять простейшие действия, такие как ставить лайки, делать репосты, вступать в сообщества, набирать друзей. Все действия управляемого бота контролируются оператором, и основное отличие – это более развитая активность³⁹⁶. Используют ботов для продвижения коммерческого или политического контента, а также для

³⁹⁵ Сабурова Н. В., Федорова О. Е. Способы формирования и реализации категории сенсационности в таблоидном медиатексте (на примере анализа текста британского онлайн-таблоида) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1 (79). С. 165.

³⁹⁶ Вавилов Н. А. Виртуальные пользователи в социальных сетях // Информационные технологии в современном мире – 2016. Материалы XIII Всероссийской студенческой конференции / Под науч. ред. Н. В. Хмельковой. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. С. 21.

снижения активностей конкурентов. В каждой социальной сети есть собственные сервисы по определению ботов в списках друзей.

Страницы вымышленных личностей составляют существенную часть аудиторий социальных сетей. К ним относятся профили, декларирующие недостоверную персональную информацию. Они создаются по разным причинам – в криминальных целях (чтобы скрыть намерения мошенников), для обеспечения анонимности пользователя (в этом случае пользователь присутствует в сети под псевдонимом, скрывая некоторую часть личных данных), для развлечения (создание популярных виртуальных личностей, близкое литературным мистификациям) и просвещения (страницы известных исторических личностей). Вымышленность или анонимность фейковых профилей вне криминального сегмента, как правило, очевидна для пользователей и поддерживается длительными традициями карнавальных практик интернет-субкультуры.

В целом фейки представляют собой гибридные формы узлов и контента, объединяющих трансжанровые игры с медиатекстом и трансляцию манипулятивного содержания.

Убедительность фейков подтверждается благодаря социометрическим исследованиям контента в Twitter в период президентской кампании Д. Трампа. Во-первых, необходимо отметить исследование С. Восоги и соавторов, согласно которому наиболее популярные ложные новости распространялись в интервале от 1000 до 100 000 пользователей, тогда как правдивые новости редко превышают порог в 1000 пользователей (проверялось 126 000 историй, опубликованных 3 миллионами людей более 4,5 миллионов раз в Твиттере с 2006 по 2017 гг.)³⁹⁷. Полученные данные свидетельствуют о том, что ложь распространяется быстрее чем правда, благодаря своей новизне и способности провоцировать сильные эмоциональные реакции. Ложные новости ассоциированы с более сильными эмоциями реципиентов (страх, отвращение, и

³⁹⁷ Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Vol. 359. Iss. 6380. P. 1146-1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.

удивление), тогда как правдивые – с менее интенсивными (предвкушение, грусть, радость и доверие). Именно поэтому люди всегда охотнее распространяют ложь, обеспечивая ей быстрое, широкое и глубокое проникновение в социальных сетях.

Во-вторых, эти данные корректирует более масштабное исследование Ч. Шао и соавторов, показавшее роль ботов в распространении контента (проверялось 14 миллионов сообщений, распространяющих 400 тысяч статей в Twitter за десять месяцев 2016 и 2017 гг.). Исследователи идентифицировали в качестве ботов 6% учетных записей Twitter. Их было достаточно, чтобы распространить 31% информации с низким уровнем доверия в сети³⁹⁸. Для распространения сообщения боту необходимо от 2 до 6 секунд. Первые минуты существования фейковой новости – критический для нее момент, ее распространение примет вирусный характер только в том случае, если пользователи получат несколько сигналов о ее существовании. Скорость работы ботов обеспечивает преодоление этого порога.

Доказательства убедительности фейков, однако, не исчерпывают проблему. Недостаточно сказать, что фейкам верят, необходимо вскрыть социально-эпистемологические механизмы этой веры.

Исследование, проведенное Высшей школой образования Стэнфорда, проанализировало более 7800 ответов учащихся средней школы, колледжа и первых курсов университета в 12 штатах США с точки зрения способности респондентов оценивать источники информации. Его результаты демонстрируют неутешительную ситуацию. Способность молодых людей рассуждать об информации в интернете оценивается одним прилагательным – унылый³⁹⁹. Обмануть их очень легко. Дифференциация сайтов-подделок требует

³⁹⁸ Shao Ch., Ciampaglia G. L., Varol O., Yang K.-Ch., Flammini A., Menczer F. The spread of low-credibility content by social bots // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. № 4787. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-06930-7> (дата обращения: 11.11.2022).

³⁹⁹ Evaluating information: The cornerstone of civil online reasoning. Executive summary Stanford history education group. 2016. P. 4. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:fv751yt5934/SHEG%20Evaluating%20Information%20Online.pdf>. (дата обращения: 11.11.2022)

сложных аналитических компетенций, тогда как американская молодежь неспособна отличить новости от нативной рекламы, ученики и студенты не анализируют результаты поисковых запросов, не сравнивают сайты, не оценивают их реквизиты. Результаты Стэнфордской группы по изучению истории образования показывают, что студенты существенно нуждаются в дальнейших инструкциях о том, как лучше ориентироваться в контенте социальных сетей, учитывая его реальные источники и их мотивы.

Рассмотренное исследование, на первый взгляд, вскрывает когнитивные основания веры в фейки, демонстрируя дефицит критического мышления у юных респондентов. Возможно, к последнему приводят дефекты современной системы образования, однако мы далеки от идеи о том, что причина – низкий уровень IQ испытуемых. К сожалению, у нас нет более ранних данных аналогичных исследований для простого сравнения, но мы можем опираться на гипотезу об изменении социальных оснований познавательной деятельности молодежи в социальных сетях. Во-первых, исследователи сами подчеркивают легкость, с которой опрашиваемые пользуются сетевыми сервисами: «"цифровые аборигены" могут летать между сервисами социальных сетей, одновременно загружая селфи и отправляя текстовые сообщения другу»⁴⁰⁰. Во-вторых, навыки такого использования стали массовыми, они формируются очень быстро, нередко в младшем школьном возрасте.

Выдвинем предположение о падении естественной, «фоновой», чувствительности к качеству источников информации, вызванной изменением типового социального опыта пользователя. Длительное время переход к цифровому обществу вынуждал пользователей интернета жить параллельно в разных институциональных мирах производства информации – печатных и электронных СМИ. Возможно, это ослабляло формирование технических навыков по оперированию контентом. Но «двойной» опыт пребывания усиливал интуитивную понятность разнообразия игроков информационного пространства

⁴⁰⁰ Evaluating information: The cornerstone...

и форм их ангажированности. Вовлеченность в практики потребления печатной информации, прошедшей различные фильтры цензуры (от прямой предварительной до отсроченной карательной) позволяла пользователям легче фиксировать конфликты интересов, спонсируемую информацию и прямые заказы на контент. По мере смены поколений в тотально расширяющемся информационном обществе и вымывании культуры печатной книги из пространства повседневности эти навыки утрачиваются. Их ядром становится почти исключительно рационально-аналитическое поле высшей школы и научной деятельности.

Наше предположение подкрепляется данными теоретиков медиа о повсеместности кризисе доверия к СМИ. Этот кризис связан, в основном, с так называемой гибридизацией медиа-жанров, когда каналы ради роста аудитории легко заимствуют друг у друга форматы⁴⁰¹. Жанр в медиасфере – это не только стилистическая и дискурсивная конструкция, это особый нормативный строй, обеспечивающей производство признаваемой в качестве достоверной информации. Все основные каналы неэлектронных СМИ давно превратились в самостоятельные институциональные миры, где производство контента предполагает четкое распределение профессиональных ролей и основано на презумпции императивных норм. В итоге достоверность сообщения коррелирует с качеством производственного процесса и репутацией производителей. Смещение жанров подрывает работу этой системы.

Однако гибридизация жанров не является результатом волюнтаризма и простой корысти СМИ. Каналы идут на поводу у потребителей, подчиняясь общему тренду диктата неформального знания в социальных медиа. Контент социальных сетей создается бесчисленной армией непрофессиональных коммуникаторов, подчиняющих жанровые нормы своим потребностям выражения личного мнения. Топовые блогеры популярны благодаря своим умениям ярко демонстрировать в сетях себя и свою позицию. В условиях

⁴⁰¹ Ильченко С. Н. Эстетика обмана в медийном масскульте // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 81.

переизбытка информации (а каждый день интернет обрушивает на индивидов лавину контента) пользователь не может анализировать рационально каждое сообщение. Принцип экономии мышления заставляет его опираться на эмоциональное восприятие и антитезу «Мы-Они», «свои-чужие», присоединяясь к позиции тех коммуникаторов, которые манифестируют наиболее сходное отношение к реальности. Если эмоции и оценки поста близки к аналогичным читателя, если автор осуждает тех же, кого осуждает читатель за те же самые поступки, которые читатель находит возмутительными, читатель легко поверит в реальность утверждаемых автором фактов, не утруждая себя их проверкой (навыков которой, как показали американские школьники, часто просто нет).

На этом основании можно сделать следующий принципиальный вывод. Интернет-фейки – это не побочный негативный результат функционирования социальных медиа. Фейк – это сложная массовая экосистема, в которую включены боты и пользователи социальных сетей, занятые производством и тиражированием «канонически» жанрово оформленного эмоционально окрашенного контента. В этой системе вырабатываются новые процедуры верификации и легитимации социального знания, и именно эти новые функции и осуществляют фейки. В ближайшее время в ней придется находить новые основания для презентации рациональной документалистики и строгих доказательств.

Разновидностью интернет-фейка является исторический фейк, представляющий собой фальсификацию исторического факта либо исторического источника в сети Интернет. Фальсификация исторических источников имеет давнюю традицию, прочно вписанную в систему исторических исследований и практическую политику, в которой фальшивки служили обоснованием тех или иных притязаний в борьбе за власть. Создание никогда не существовавших документов либо правка подлинных документов связана с целой системой различных приемов и способов, которыми с помощью полностью выдуманных фактов прошлого или искажения реально произошедших событий история дополняется несуществовавшими деталями

либо изменяется. Подделка исторического источника – это сложный процесс, включающий в себя не только создание материального носителя либо его «исправление», но и работу над содержанием документа⁴⁰².

Фальсификация исторического факта представляет собой ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее. Целями и мотивами исторической фальсификации может быть желание закрепить за тем или иным народом историческое право на определенную территорию, обосновать легитимность власти или правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику, «облагородить» процесс этногенеза, подкрепить политическую аргументацию⁴⁰³.

Искажение истории в случае традиционной фальсификации всегда рассчитано на общественное внимание и производится умышленно, в сетевом формате исторический фейк может распространяться без сознательного умысла, спонтанно и неподконтрольно. В основе исторического фейка сетевого формата может лежать фальсификация исторического источника, служащего «неоспоримым» доказательством какого-либо исторического события или теоретического положения. Распространение фальшивок, давно разоблаченных историками, происходит в сети постоянно: «Завещание Петра Великого», «Влесова книга», «Дневник А.А. Вырубовой», свидетельство И. П. Мейера «Как погибла царская семья», «Постановления кремлевских мудрецов», «Протоколы сионских мудрецов», Форосский «Дневник» Анатолия Черняева и др. упоминаются в интернет-статьях пользователей и комментариях. Несмотря на доступность исторических исследований, анализирующих эти поддельные документы, а также на наличие популярных обзоров фальсификации истории, исторические фейки используются для обоснования какой-либо позиции в интернет-спорах. Наиболее распространенной исторической подделкой в

⁴⁰² Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII - XIX веков. М.: Издательство Аспект-Пресс, 1996. С. 4, 9.

⁴⁰³ Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2011. С. 5-14.

социальных сетях остается «Влесова книга», вокруг которой создано целое культурное сообщество, активно продвигающее свои взгляды в Интернете.

Армию своих почитателей имеет также «Новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, поклонники которых ведут web-сайт <http://chronologia.org/> и сообщество в социальной сети «ВКонтакте» <https://vk.com/newchronology> с числом подписчиков более 8000. Кроме этого, в социальных сетях представлено достаточно большое количество примеров лженаучных теорий, рассмотренных выше⁴⁰⁴. Эти работы относятся к историческим фейкам, так как перейдя из книжной культуры в пространство цифровой среды, они обрели вторую жизнь и распространяются пользователями в качестве «исторических» исследований.

Известны случаи не только переноса фейковой истории в цифровую среду, но и создания исторических фейков непосредственно в сети Интернет. Например, на площадке китайской «Википедии» с 2010 г. домохозяйка, используя четыре ложных аккаунта, создавала свою версию истории России. За 10 лет она написала и разместила более 200 статей, принятых модераторами сайта. В них фигурировали Московское и Тверское княжества, которые с 1305 по 1485 годы воевали за несуществующий серебряный рудник с 30 тысячами рабов. Вымышленные события автор умело комбинировала с реальными фактами и описывала их «энциклопедическим» языком, из-за чего ее тексты долгое время не вызывали подозрений⁴⁰⁵.

Разновидностью исторического фейка являются фейковые (ложные) аккаунты исторических деятелей. В социальных сетях можно найти личные странички великих людей прошлого Ивана Грозного, Григория Распутина, Василия Чапаева, Иосифа Сталина и многих других. Как правило, они ведутся анонимами от имени героев истории, соединяя в себе историческую

⁴⁰⁴ Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59.

⁴⁰⁵ Маевская О. Домохозяйка из Китая 10 лет сочиняла в «Википедии» альтернативную историю России // URL: https://news.mail.ru/society/51991721/?frommail=10&utm_partner_id=951 (дата обращения: 11.09.2022)

информацию и отклики на злободневную повестку дня. Ложность таких профилей очевидна для пользователей, но их героическая мифология используется как мощный аппарат легитимации тиражируемого от имени исторических личностей контента.

Фейковые (поддельные) исторические фотографии часто встречающийся вариант исторической фальсификации. Обладая силой документального свидетельства, фотография представляет визуальные доказательства сфабрикованных событий. То же исследование Высшей школы образования Стенфорда показывает, что 40 % студентов не смогли распознать фейковую фотографию, так как наглядная демонстрация имеет большую степень доверия в их системе ценностей⁴⁰⁶.

К историческим фейкам можно отнести также высказывания политиков и авторитетных ньюсмейкеров, искажающих историческую действительность. Достаточно вспомнить приводимые выше примеры высказываний премьер-министра Украины Арсения Яценюка⁴⁰⁷ и министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны⁴⁰⁸, а также высказывание Д. Быкова в интерпретации О. Кашина о генерале Власове и Великой Отечественной войне, как «второй гражданской»⁴⁰⁹.

Таким образом, исторический фейк можно охарактеризовать как интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память исторического знания, искажающего представления об истории (по отношению к научным данным) и содержащего недостоверную информацию. В политике постправды фейки получили определение как «альтернативные

⁴⁰⁶ Evaluating information: The cornerstone...

⁴⁰⁷ Яценюк поведал миру о «вторжении СССР в Германию» // Официальный сайт «Вести интернет-газета» (VESTI.RU) [М., 2015] // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2262213>. (дата обращения: 11.11.2022)

⁴⁰⁸ МИД Польши - Освенцим освобождали украинцы // URL: <https://versia.ru/gzhegozh-sxetyna-podelilsya-istoricheskimi-poznaniyami>. (дата обращения: 11.11.2022)

⁴⁰⁹ Кашин О. Быков и Гитлер. Наши «карикатуры на пророка» — про войну // URL: <https://republic.ru/posts/92830?code=593103b386bd0e0f4c97f65f705c2b55>. (дата обращения: 11.11.2022); Быков Д. Как можно было там увидеть реабилитацию фашизма? // URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2355047-echo/>. (дата обращения: 11.11.2022)

факты», обозначающие фальшивые данные. Исторический фейк напрямую связан с фальсификацией фактов истории и представлен в современном медиaprостранстве во всех доступных форматах.

В условиях постправды для запуска фейковой исторической информации достаточно только имитации открытия нового исторического источника, создание и фальсификация материального памятника становятся избыточными. Недавним примером является публикация новости о находке и издании «Русского Летописца 1649 г.», которое якобы является первоисточником «Повести временных лет».

Сообщение о неизвестном ранее историческом источнике появилось 11 марта 2019 г. на сайте «Русская вера», позиционирующим себя как информационный портал о старообрядчестве⁴¹⁰. Огромную роль в распространении новости о фейковом историческом источнике сыграли средства массовой информации. Среди СМИ, опубликовавших фейковую новость, можно выделить РИА Новости, Lenta.ru, Национальная служба новостей, Pravda.ru, Взгляд.ру, Царьград.TB, CredoPpress и др. Причем комментарии специалистов, которые призывали осторожно относиться к сенсационной публикации, взяли только Царьград.TB и РИА Новости, а стилистические наиболее нейтрально новость представлена Лентой.ру. Остальные СМИ представляли находку как сенсационное открытие российскими старообрядцами первоисточника «Повести временных лет».

Ньюсмейкер сайта настаивал на том, что ПВЛ, составлялась «не в XV, а в XVII в. путем целенаправленного редактирования именно Русского Летописца», а автор ПВЛ редактировал «Русский Летописец», «выбрасывая одни части и вставляя другие, с четко поставленной целью: представить Киев «матерью городов русских», колыбелью русской государственности». Исходная же картина древнейшей русской истории в «Русском летописце» представлена сенсационно иной: Киев появляется в рукописи в середине летописного

⁴¹⁰ Русский летописец // URL: https://ruvera.ru/news/russkij_letopisec. (дата обращения: 11.11.2022)

повествования как город, завоеванный новгородцами и ростовцами уже после основания Москвы, и присоединяется новгородско-ростовскими князьями к их огромному, уже охватившему Западную Сибирь, государству; при этом столица находится в городе Владимире.

Также с претензией на сенсационность сообщалось, что «Русский Летописец» не просто рассказывает о посещении Руси апостолом Андреем, но и упоминает имя одного из первых русских епископов — Антипатра, присутствовавшего на Антиохийском соборе. На этом основании формируется идея о том, что, якобы, апостол Андрей создал русскую церковную иерархию и «это было полноценное апостольское крещение».

Публикация фальшивки, совпавшая по времени с расколом Православной церкви на Украине, преследовала несколько целей. Во-первых, утверждение преимущества в мемориальном противостоянии с Украиной (в «Русском летописце» явно выражено стремление вести начало русской государственности не от Киева, а от Новгорода и даже Ростова с Владимиром). Во-вторых, циркуляция фейка отражает конфессиональную борьбу среди представителей старообрядческих церквей и Русской православной церкви. Сайт «Русская вера» является прямым конкурентом официального сайта «Русской православной старообрядческой церкви», который заметно потерял в посещаемости в период публикации. В-третьих, вполне возможно, что целью публикации сенсационной новости было увеличение интернет-трафика на сайте «Русская вера».

Из интернет-СМИ новость перешла в пространство социальных сетей, где была опубликована как рядовыми пользователями, так и официальными сообществами исторической, религиозной и политической направленности. Анализ новостной публикации и пользовательских комментариев в социальных сетях показывает, что обсуждение сенсационной находки разворачивалось по двум направлениям: выяснение подлинности исторического источника и обоснование мемориальной войны с Украиной.

Такое мемориальное противостояние имеет политические корни и прочно привязано к повестке дня. 29 мая 2017 г. на пресс-конференции по итогам

переговоров с президентом Франции Эммануэлем Макроном, Владимир Путин отметил, что история российско-французских отношений имеет глубокие корни, в частности, он рассказал о «русской Анне», королеве Франции, младшей дочери великого князя Ярослава Мудрого, которая была женой Генриха I и внесла существенный вклад в развитие Франции, на что президент Украины Петр Порошенко публично ответил, что «Путин пытался на глазах всей Европы похитить (Анну Ярославну — Д. А., С. В.) в российскую историю»⁴¹¹. 1 декабря 2017 г. тот же Петр Порошенко заявил, что «Русская правда», свод законов Ярослава Мудрого «к России не имеет никакого отношения, потому что России тогда не существовало»⁴¹².

Дальше мемориальную битву продолжил глава Института национальной памяти Украины Владимир Вятрович. В августе 2018 г. в интервью интернет-изданию «Украинская правда» он заявил, что Россия пытается «приватизировать» украинскую историю, вместо того чтобы «искать собственные корни»⁴¹³. Попыткой найти собственные корни российской истории и стало создание новости о находке «Русского летописца», умаляющего значение Киева для русской истории. Независимо от того, какие цели преследовали создатели фейка, для пользователей социальных сетей он стал актуальным рабочим аргументом в мемориальной войне с Украиной, которая началась на уровне двух президентов и спустилась в массы рядовых обывателей.

Исторические фейки являются частью фейковых экосистем социальных сетей, активизирующей различные пласты медиапамяти, включая интерпретации исторических явлений и историческую лженауку, в малых формах интернет-контента. Благодаря встроенности в мифологию массовой культуры, исторические фейки отличаются длительным жизненным циклом. В

⁴¹¹ Битва украинцев за Ярославну: как Россия и Украина не поделили княжну // URL: <https://ria.ru/20170531/1495444588.html>. (дата обращения: 11.11.2022)

⁴¹² Свод законов Киевской Руси не имеет отношения к России, заявил Порошенко // URL: <https://ria.ru/20171201/1510012643.html?in=t>. (дата обращения: 11.11.2022)

⁴¹³ На Украине вновь обвинили Россию в попытке «приватизировать» историю // URL: <https://ria.ru/20180814/1526515046.html?in=t>. (дата обращения: 11.11.2022)

отличие от типовых интернет-фейков, разоблачаемых в среднем в течение суток, исторические фейки продолжают сохранять информационное влияние даже после опровержения научным сообществом и компетентными инстанциями. Производство исторических фейков подчинено цели подкрепления собственной исторической самоидентификации и разрушению исторической самоидентификации противника. Эксплуатируя коллективные эмоции, в первую очередь патриотического толка, и гибридируя аттрактивные сетевые форматы, исторические фейки становятся частью медиапамяти.

Вывод: в социальных медиа фейки представляют собой гибридные формы узлов (фейковых профилей) и контента (фейковых сообщений), объединяющих трансжанровые игры с медиатекстом и трансляцию манипулятивного содержания. Интернет-фейки являются сложной системой, включающей в себя ботов и пользователей социальных сетей, которые производят и тиражируют эмоционально окрашенный контент определенного жанра. Производство и распространение фейков обеспечивает функционирование новых процедур верификации и легитимации социального знания, применяемых для широкого спектра целей (установление влияния, манипуляция, развлечение, повышение популярности). Исторический фейк является разновидностью интернет-фейка, содержащего информацию, сконструированную при помощи фальсификации исторических фактов или исторических источников. В условиях постправды для запуска волны фейков создание материального памятника становится избыточным, достаточно имитации открытия нового исторического источника или интерпретации исторических событий, значимых для повестки дня. Исторические фейки включают в гибридные сетевые форматы различные пласты медиапамяти, что позволяет малым по объему сообщениям эффективно воздействовать на коллективные эмоции. Опора на историческую мифологию обеспечивает длительность жизненного цикла исторического фейка и его устойчивость к опровержениям и разоблачениям. Интернет-контент, эксплуатирующий образы прошлого в целях внедрения в коллективную память искаженных по отношению к научным данным представлений о прошлом,

представлен в современном медиапространстве во всех доступных форматах. Он представляет собой новое коммуникационное явление, нуждающееся в изучении на основе междисциплинарных подходов. Материалы кейса о находке и публикации «Русского летописца 1649 г.», якобы являющемся первоисточником «Повести временных лет», показывают способность исторического фейка подкреплять историческую самоидентификацию его создателей и наносить урон исторической самоидентификации их оппонентов, благодаря которой исторические фейки становятся мощным гибридным оружием современных мемориальных войн медиапамяти.

4.2. Визуализация образов прошлого в сетевой коммуникации⁴¹⁴

В процессе трансформации исторического знания в медиапамять большую роль приобретает визуализация истории. Образное визуальное восприятие исторической информации облегчает пользователям ее усвоение и принятие, в этой связи визуализацию можно рассматривать в качестве исследовательского средства. Она представляет собой процесс создания образов, с максимальной степенью эффективности воздействующих на сознание, трансформируя и (или) символически перекодируя социальные практики индивидов⁴¹⁵, являясь одним из наиболее действенных способов репрезентации смыслов и идей.

Визуальные образы выполняют важные социальные функции в современной культуре, так как ее интегральную часть составляют исторически

⁴¹⁴ В данном параграфе использованы материалы статей: Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Меминг в политике памяти России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 4. С. 450-456. – DOI 10.18500/1818-9601-2018-18-4-450-456; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Визуализация исторической памяти в интернет-мемах // Изотекст - 2020: Материалы V Российской международной конференции исследователей рисованных историй, Москва, 06–07 ноября 2020 года. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. С. 195-203; Артамонов Д. С., Фролова С. М. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 13-17. DOI 10.24158/fik.2020.11.1; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Мемориальные войны в отражении интернет-мемов // Конфликтология. 2020. Т. 15, № 3. С. 28-40. DOI 10.31312/2310-6085-2020-15-3-28-40; Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75-87. DOI 10.17976/jpps/2022.05.06.

⁴¹⁵ Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007. С. 7.

унаследованная иконическая инфраструктура и система иконических практик. Эта идея характерна для философии эпохи «иконического поворота», осмысляющего смысловое и визуальное содержание образа в тесной связи с его материальной и социальной средой⁴¹⁶. Исследования У. Митчелла, Дж. Элкинса, Г. Бойма, Г. Бельтинга, Х. Бредкампа, К. Мокси показывают, что в историческом визуальном объекте, как правило, сталкиваются несколько времен, раздваивающихся, переплетающихся друг с другом или основывающихся себя друг на друге⁴¹⁷. С наступлением цифровой эпохи возникают условия для беспрепятственного распространения визуальных образов и, вместе с тем, создаются предпосылки для пролонгации их влияния за пределами отдельной исторической эпохи и для циркуляции образов в медиасреде. Цифровые способы воплощения и циркуляции социального и культурного воображаемого порождают непредвиденные метаморфозы и эффекты культурной памяти, следуя собственной медийной, экономической и политической логике⁴¹⁸. Новейшие визуальные образы, создаваемые в рамках коммуникативных практик интернет-пользователями, приобретают самостоятельное значение и независимость от магистральных и традиционных моделей культуры, в то же время, не теряя своей связи с ними. Визуальные образы медиапамяти амбивалентны, с одной стороны, они являются элементами современных визуальных репрезентаций, функционирующих в обществе на данном этапе его развития, а с другой, выступают логическим следствием предшествующих образов, и одновременно источником для продуцирования новых. Эта амбивалентность детерминирована применением цифровых технологий.

⁴¹⁶ Инишев И. Н. "Иконический поворот" в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1 (85). С. 196.

⁴¹⁷ Круткин В. Л. Кит Мокси: о визуальных исследованиях и иконическом повороте // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 33.

⁴¹⁸ Инишев И. Н., Бедаш Ю. А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1 (7). С. 20.

По мнению Д. А. Аникина, основными механизмами трансформации практик визуализации коллективной памяти в цифровом обществе являются плюрализация, полиморфизация и виртуализация⁴¹⁹. Эти характеристики обеспечивают невозможность однозначной интерпретации визуальных знаков, значения исторического контекста, инстанций автора (адресанта) и зрителя (адресата) в процессе семиозиса. Полисеманτικότητα визуальных образов обладает своей собственной, только ей принадлежащей логикой истолкования, которую трудно выразить вербальной формой по модели предложения, так как она не проговаривается, а реализуется в восприятии⁴²⁰.

Развитие современных медиа демонстрирует безграничную трансгрессию визуального, создавая условия замещения повседневности виртуальными способами бытия. Неотъемлемым атрибутом повседневного существования человека становится огромное множество визуальных образов, мгновенно воспроизводимых в медиапространстве в самых разнообразных форматах, из которых фото и видео являются самыми распространенными. Простота и скорость порождения визуальных образов, а также «вирусный» характер распространения и полисеманτικότητα значений, являются теми факторами, которые ведут к размыванию границ, установленных культурой, между прошлым и настоящим, дозволенным и неприемлемым, красивым и безобразным⁴²¹. Повышенная экспансивность медиа становится знаком времени, трансформируя эмоциональные стороны восприятия современного человека.

Как уже отмечалось, эмоциональная составляющая является атрибутивной характеристикой практик конструирования медиапамяти. Визуальные образы обладают чувственным характером, они направлены на «провоцирование» сильных эмоций в воспринимающем и становятся своеобразным вызовом к их

⁴¹⁹ Аникин Д. А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: методологические основания исследования // *Logos et praxis*. 2017. Т. 16. № 3. С. 37.

⁴²⁰ Böhm G. *Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens*. Berlin: Berlin University Press, 2007. P. 34.

⁴²¹ Ищенко Е. Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Философия. 2016. № 2 (20). С. 23-24.

прояснению с помощью вербальных уточнений. Между характеристиками изображения и его эмоциональным содержанием существуют устойчивые корреляционные связи, поэтому визуализация истории воспринимается человеком на уровне эмоций.

Эмоциональность медиапамяти связана с возможностями комфортного пребывания индивида в воображаемой реальности с предметами или субъектами, отсутствующими непосредственно в реальности физической. Процесс конструирования медиапамяти на основе визуальных образов приводит к нарастанию тоски по чему-то безвозвратно утраченному во времени и желанию человека «присутствовать» в прошлом, преодолевая исторические разрывы⁴²². Феноменология «присутствия» связана с отчетливыми и вместе с тем несколько иллюзорными ощущениями пребывания где-то в ином месте, погружения в новую среду, мгновенного перемещения в непривычное пространство. «Присутствие» делает возможным чувственную, наглядную связь человека с событиями, вещами, людьми прошедших эпох. Фотографии, кинофильмы, художественные произведения, компьютерные игры, интернет-мемы, создавая виртуальные исторические образы, обеспечивают этот эффект присутствия.

Тотальная виртуализация бытия современного человека и связанная с ним «тоска» по прошлому вызвана его погружением в медиaprостранство. В массовом сознании прошлое воспринимается как ушедшая реальность, поэтому ностальгия – это всегда ностальгия по реальному. С. Бойм выделяла два типа ностальгии: реставрирующую и рефлектирующую. Первая проявляет себя в «тотальной реконструкции монументов прошлого», а вторая тяготеет к руинированию, патине времени, что выражается в мечтах о других эпохах и их идеализации⁴²³. Реставрирующая ностальгия характерна в большей степени для официальной политики памяти, а рефлектирующая, нацеленная на

⁴²² Жарчинская К. А. Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С. 97.

⁴²³ Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 120.

восстановление некоего мифологизированного прошлого, проявляет себя в различных медиапрактиках, объединяющих индивидуальный, коллективный и социетальный уровни ностальгических настроений⁴²⁴. Тем самым, медиа выступают питательной средой появления тоски по прошлому, репрезентуемой в визуальных образах.

Феномен популярности визуальных исторических образов, претендующих на историческую объективность и достоверность, – это проявление ностальгии по реальности как утраченному референту. В современной медиасреде происходит «фетишизация» прошлого, которая выражается в тяге к визуальному реализму и реконструкции ушедших эпох, вниманию к истории повседневности. Тоска по прошлому связана с тем, что человек все более утрачивает историческое измерение⁴²⁵. Она является не только индикатором «конца истории», превращения исторической реальности в гиперреальность, она является также одним из способов симуляции и семиотизации бытия.

Структуру симуляции исторической реальности, показал Ж. Бодрийяр. Историю он рассматривает как утраченный референт, т. е. миф. Визуализация заставляет оживать утраченные мифы, вызывая агонию сильных референтов, агонию реального и рационального, открывая эру симуляции. Вместо исторической реальности возникают «фантазмы прошлого, коллекция из событий, идеологий, течений моды в стиле ретро»⁴²⁶. Люди верят в них, строят на причастности к ним свои надежды и проекты будущего потому, что в бесконечном потоке изменяющейся информации и на фоне перманентной трансформации реальности, а также моральных ценностей, моделей поведения и жизненных ориентиров в истории они видят что-то постоянное. В погоне за стабильной реальностью люди «вспоминают вперемешку любой контент, беспорядочно воскрешают всю предыдущую историю — ни одна идея не

⁴²⁴ Целыковский А., Суслов И., Иванов А., Сидоров С. Проект «НМДНИ» // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. № 5(1). С. 139. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.330>

⁴²⁵ Дёмин И. В. Кино как симуляция исторической реальности в концепции Жана Бодрийяра // *Вояджер: мир и человек*. 2018. № 10. С. 108-109.

⁴²⁶ Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляции*. М.: Постум, 2015. С. 63.

проходит больше квалификационного отбора, одна лишь ностальгия накапливается без конца»⁴²⁷.

Визуальные образы медиапамяти воспринимаются человеком как воссоздание в настоящем прошлого, того, что было. Между тем, как отмечал основоположник теории «мест памяти» П. Нора: «История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет», а «память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим»⁴²⁸. Стирание границы между историей и памятью в медиасфере превращает реальность прошлого в иллюзию. Визуальные образы, более не репрезентируют «историческую реальность», они производят эффект реальности. Как точно замечает В. В. Савчук: «Образы подменяют реальность, что в свою очередь ведет к утрате подлинности, рождая феномен симуляции реальности. Образы переходят в нас, мы начинаем видеть образами, симулируя; они заменяют непосредственный опыт»⁴²⁹. Ни история, ни память уже не могут быть надежными хранителями прошлого. Оно разбивается на фрагменты, которые актуализируются в силу тех или иных обстоятельств, испытывая на себе глобальное влияние повестки дня и сиюминутных интересов публики.

Вольные отношения с историей, с событийным прошлым, выражаемые в множественности оценок и интерпретаций исторических событий, превратили историю в бесконечные «ремейки» самой себя. История стала «собранием мифов», самым ярким симулякром постмодернистского общества симулякров, «связанным с «историческим реальным» не больше, чем современная живопись связана с классическим изображением реального»⁴³⁰. Отметим, что визуальные исторические образы воспроизводят не реальную действительность, а желаемое положение вещей. Формируя социальные предпочтения и ожидания, поддерживая идентичность и целостность группы, т. е. конструируя прошлое,

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Нора П. Указ. соч. С. 20.

⁴²⁹ Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2012. С. 277.

⁴³⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 65.

они создают настоящее. Специфика исторической памяти позволяет использовать реальные исторические образы как инструмент для отображения и изменения реалий сегодняшнего дня⁴³¹. Визуализация истории отражает не столько проблемы прошлого, представленные в интерпретируемых событиях, сколько проблемы наличного времени; они референтны не истории, а современности. Перманентная «дешифровка» визуальных артефактов в современном медиaprостранстве ведется не с целью получения информации об исчезнувших культурах, а для семантической реконструкции исторических образов, которые прочитываются как элементы системы коммуникативных связей своей эпохи⁴³². Различные формы самоидентификации и репрезентации истории не случайно имеют визуальный характер. Именно визуализация позволяет вписать прошлое в контекст современности, создавая простор для интерпретаций и мгновенного распространения представлений о нем. Тем самым визуализация служит средством трансформации коллективной памяти, так как произвольное соединение образов настоящего и прошлого не может не влиять на представления о реальности.

Визуальные компоненты медиапамяти являются ее неотъемлемым элементом. Изображения, мемориальные комплексы, церемонии выступают опорными структурами практик коммеморации, делая фигуры прошлого зримыми и наглядными. Особая роль в этом ряду принадлежит фотографии. Реалистическая позиция в гуманитарных исследованиях фотографии рубежа XIX-XX вв. не случайно абсолютизировала способность фотографии как технического средства создавать объективную репрезентацию реальности⁴³³. Фотография как документальное свидетельство доказывала существование объекта изображения и обеспечивала сохранение памяти о нем. Мемориальная

⁴³¹ Худякова Е. В., Путилова Е. В. «Воплощенная» история: власть визуального образа на пересечении истории памяти и истории повседневности // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 744.

⁴³² Аванесов С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1 (1). С. 15.

⁴³³ Савчук В. В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 20-22.

функция фотографических изображений сохраняет свое значение по сей день, несмотря на все симулятивные мутации, произошедшие с изображением в гиперреальном семиотическом пространстве общества потребления.

Однако именно цифровые технологии существенно повысили плотность потоков визуализации медиапамяти, освободив ее от строгих контекстных форм социального взаимодействия, позволив образу стать симультантным, включающим в себя действия, протекающие параллельно в разных средах. Видение и власть переплетены в визуальной политике цифровой повседневности, помещающей реципиента в центр событий. Пользователи социальных сетей активно взаимодействуют с медиaprостранством, не только потребляя, но и создавая изображения. При этом медиасреда «человекоразмерна», поскольку система фильтров в социальных медиа настраивает потоки информации таким образом, чтобы сделать его существование комфортным, предлагая ему то, что релевантно его предыдущим запросам. Атомарность, аномия, солидарность, пассивность и активность приобретают новые формы в цифровом медиaprостранстве, вступая в сложные отношения синергии, интерференции и аберрации.

Визуальное восприятие происходит намного быстрее и приводит к увеличению ассоциативности, а также упрощению знаковых образов передачи информации. Пиктограммы, иероглифы, идеограммы в новом формате (эмодзи, стикеры, смайлики, мемы) расширили свое присутствие в коммуникационных процессах. Уровень абстрактного восприятия современного человека вырос, так как информация становится виртуальной, и вместе с тем серьезно расширился спектр эстетического восприятия, низкая эстетика массового софта на равных конкурирует с продуктом высоких цифровых технологий. Культурные табу перестают существовать, они подвергаются визуализации и составляют значительную часть медиаконтента современного виртуального пространства, в котором сосуществуют «нарочито «глянцевые», «гламурные» картины повседневного быта и картины, десакрализирующие экзистенциалы человеческого

бытия, – болезнь, смерть»⁴³⁴. Это накладывает отпечаток на восприятие и репрезентацию исторического знания.

История как знание, представляет собой воссоздание прошлого, выполненное путем интеллектуальных операций, она опирается на рациональный анализ и критический дискурс. История абстрактна и универсальна, в том смысле, что она, не будучи прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей, принадлежит одновременно всем и никому, в то же время, не являясь свободной от субъективного восприятия. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. Носителями памяти всегда выступают социальные группы, поэтому она подвержена постоянной эволюции и подчинена диалектике запоминания и амнезии, направленной на обеспечение стабильности сообществ. В силу чего, память открыта для изменений, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. Постоянные деформации памяти не ощущаются сообществом, так как она «в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны»⁴³⁵. Память чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям, какими бы туманными, многоплановыми, глобальными, текучими, частичными или символическими они не были.

Визуализация медиапамяти открывает «окна возможностей» в понимании событий прошлого, появляется бесконечное множество интерпретаций истории, зависящих от семантических значений визуальных образов. Поскольку доступ к включению визуальных исторических образов в коммуникативные практики получает достаточно широкий круг акторов, их значения перестают опираться на относительно устойчивые интерпретативные техники. Вследствие чего визуальные образы лишаются привычных коннотаций, взамен приобретая новые

⁴³⁴ Ищенко Е. Н. Указ. соч. С. 24.

⁴³⁵ Нора П. Указ. соч. С. 20

значения, зачастую диктуемые ситуативным порядком социальных взаимодействий.

Ф. И. Шарков определяет визуализацию как средство ориентирования в окружающем мире, с одной стороны, и как средство представления мира в других измерениях и плоскостях⁴³⁶. Визуализируя память, пользователи создают собственное представление Истории, погружаясь в нее и приближая ее к себе. Формирование наглядных образов прошлого, версий истории и даже историческая рефлексия легко тиражируются в формате цифровых изображений, персонализируя отношения индивидов к историческим событиям, вырабатывая их клишированные формы. Однако цифровая медиапамять не просто воспроизводит формы визуализации, созданные в офлайновом социальном пространстве. Визуальная среда социальных сетей принципиально отличается от предыдущих медиа. Во-первых, ее основой выступает медиатекст, интегрирующий текстовый, графический, фото-, аудио- и видеоформат в любых комбинациях. Особенностью медиатекста является пригодность для поверхностного восприятия (пролистывания) при сохранении постоянной возможности углубления в содержание сообщения. Кроме того, тегирование, вики-элементы и гиперссылки связывают медиатексты в гипертекст.

Во-вторых, массовой доступностью производства и тиражирования изображения. Долгое время фотография опиралась на сложную технологию производства изображения, применение которой требовало профессиональных навыков. Появление и совершенствование любительских фотоаппаратов, переход к цифровым способам получения изображения способствовало депрофессионализации фотографии. Но настоящую революцию произвело появление мобилографии, т.е. встраивание цифровых камер в электронные приборы, изначально не предназначенные для фотосъемки.

В-третьих, переходом от реализма фотографии к реалистичности. Айфонография как направление мобилографии почти автоматически

⁴³⁶ Шарков Ф. И. Визуализация политического медиапространства // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 98. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.08.

предполагает использование программных средств художественной обработки изображения до его тиражирования. Наложение фильтров, коррекция, прямая постановка и режиссура кадра, дополнение в графических редакторах, достигающие сегодня своего апофеоза в инстаграм-фото, позволили У. Митчеллу обозначить практики современной пользовательской фотографии как постфотографию⁴³⁷. Этим термином он фиксирует изменения культурной сущности фотографии цифровыми технологиями в сторону перехода изображения от репрезентации реальности к ее подлогу или реконструкции.

Указанные новации обеспечили экспоненциальный рост визуального контента в социальных сетях, в том числе такого, который продолжает выполнять функции памяти и свидетельства. Оцифровка изображений обеспечила медиаприсутствие всех традиционных для офлайна жанров и привело к появлению новых. Наиболее значимые для нашего исследования – селфи и мемы, отражающие два полюса интернет-коммуникации – Я и Другого, представленных в ситуативном контексте.

Селфи представляет собой цифровую «сборку» создания изображения фотографа, его корректировки, снабжения хештегами, связывающими изображения с конкретным контекстом и фотографиями других пользователей, и публикацию изображения в социальных сетях. Фотографическая грамматика селфи как совокупность правил построения смысла в изображении позволяет пользователям с помощью селфи осуществлять свободу слова, практиковать саморефлексию, выражать свои эмоции, участвовать в политической и культурной жизни, улучшать межличностные связи, документировать свою жизнь и сообщать о наличии/отсутствии угроз своей безопасности⁴³⁸. Однако чаще всего селфи публикуется для самовыражения и привлечения внимания к актуальным событиям частной жизни.

⁴³⁷ Mitchell W. J. *The Reconfigured Eye: Visual Truth in the Post-Photographic Era*. Cambridge (Massachusetts): The MIT Press, 1992. 283 p.

⁴³⁸ Senft T. M., Baym N. K. *What Does the Selfie Say? Investigating a Global Phenomenon*. Introduction // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 1588–1606.

Весь этот корпус коннективных и вовлекающих изображений, дрейфующих от документальных фотографий к рисованным комиксам, можно охарактеризовать как визуальный цифровой контент непродуктивного характера (т.е. не предназначенный для выполнения профессиональных функций), выражающий мировоззрение и самоидентичность пользователей. Подчиняясь общим жанровым интернет-нормам, визуальный непродуктивный контент связывает публичный и приватный мир, встраивая индивида в социальность цифрового мира и провоцируя его ответную реакцию. И, конечно, он концентрирует индивидуальные и групповые представления о прошлом.

Гибрид изображения и текста представляют собой интернет-мемы. Текст в них часто субкультурно окрашен и предполагает использование сниженной или ненормативной лексики, изображение мифологизирует персонажа, превращая его в стереотипную фигуру социальной роли «Проницательного Психолога», «Типичного Программиста», «Злой Училки», «Филологической Девы», «Провинциального мэна». Интернет-мемы предлагают пользователю готовую реакцию на повестку дня, в связи с событиями которой они и создаются. Между полюсами селфи и интернет-мемов есть множество промежуточных форм, например имитация селфи персонажей, которые в принципе не способны их сделать (исторические личности, животные, персонажи массовой культуры), или селфи, превращенные при помощи подписей в интернет-мемы.

Р. Барт отмечал, что у визуализации существуют два значения: денотативное, отражающее реальность, и коннотативное, показывающее как эта реальность воспринимается человеком и обществом. Причем, коннотативное значение не менее исторично, чем денотативное, т. е. оно отображает историческую реальность, но в том виде, в какой она представлена в восприятии индивида⁴³⁹. Одним из приемов коннотации визуальных образов служит добавление к ним текстового комментария, который расширяет возможности понимания и интерпретации визуального сообщения. Сегодня самым

⁴³⁹ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 378-392.

распространенным визуальным образом с текстовым комментарием является интернет-мем, который в современной медиасфере приобретает все большее значение как конструкт и репрезентатор исторической памяти.

Интернет-мемы являются неотъемлемой частью современной цифровой культуры. Как правило, они представляют собой графическое изображение, сопровождаемое текстовым комментарием, основным каналом распространения которого становятся социальные сети. Мемы представляют собой креолизованные тексты, сочетающие вербальные и невербальные компоненты, с целью визуализации информационного сообщения. Визуальный элемент креолизованного текста служит для того, чтобы полнее раскрыть вербальное сообщение или же придать ему новое значение⁴⁴⁰. М. Б. Ворошилова связывает креолизацию с повсеместным распространением в сетевом дискурсе стремления к визуализации информации⁴⁴¹.

Как известно, понятие «мем» в качестве обозначения единицы передачи культурной информации было введено Р. Докинзом. Данным термином стали обозначать все, что составляло содержание сознания: идеи, образы, знаки, символы, стереотипы и т. д. Популярность теории способствовала организации исследований мемов в особое научное направление — меметику⁴⁴². Однако, абсолютизация мема как конструкта сознания способствовала быстрой дискредитации меметики как науки, и уже в 2000-е годы его стали рассматривать в более узком значении в качестве медиамема или интернет-мема⁴⁴³. Л. Шифман

⁴⁴⁰ Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. № 5 (360). Вып. 94. С. 136.

⁴⁴¹ Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. С. 26-29.

⁴⁴² Hofstadter D. R. *Metamagical Themas. Questing for the Essence of Mind and Pattern*. New York: Basic Books, 1986. 853 p.; Brodie R. *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. Seattle, WA: Integral Press, 1996. 260 p.; Blackmore S. *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 264 p.

⁴⁴³ Davison P. *The Language of Internet Memes // The Social Media Reader / Ed. by M. Mandiberg*. New York, London: New York University Press, 2009. P. 120–134.; Piata A. *When Metaphor Becomes a Joke: Metaphor Journeys from Political Ads to Internet Memes // Journal of Pragmatics*. 2016. №. 106. P. 39-56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003; Johann M., Bülov L. *One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes // International Journal*

определила интернет-мем как «группу цифровых элементов, имеющих общие характеристики содержания, формы и/или выражаемой позиции, которые созданы с осознанием соответствия друг другу, и были распространены, имитированы и/или преобразованы через Интернет многими пользователями»⁴⁴⁴.

Интернет-мем представляет собой визуализацию информационного сообщения. Вынужденные в условиях информационной перегрузки и дефицита времени быстро реагировать на изменения повестки дня, интернет-пользователи применяют интернет-мемы в различных коммуникативных целях. Мемы метафорически выражают эмоциональное отношение интернет-пользователей к значимым для них сведениям, связанным с удовлетворением когнитивных, семантических и аксиологических потребностей⁴⁴⁵. Они репрезентируют определенную точку зрения социальных акторов на общественные события, а также являются инструментом публичного действия в коммуникационных процессах.

В результате возникает феномен «ремедиализации», состоящий в последовательном воспроизведении композиционных и жанровых характеристик одного медиасообщения в другом, вследствие чего всякий раз заново воспроизводится впечатление «непосредственного» доступа к медийно опосредованному визуальному содержанию. В то же время, теряется институциональный и рефлексивный контроль над социальными эффектами визуальных изображений, генерируемых и распространяемых в цифровых средах, так как появляется асинхронность глобальных образов и их локальных визуальных воплощений⁴⁴⁶.

of Communication. 2019. Vol. 13. P. 1721–1722; Шомова С. А. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 157-173. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.10

⁴⁴⁴ Shifman L. Memes in Digital Culture. Massachusetts: MIT Press, 2014. P. 41.

⁴⁴⁵ Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23. P. 297-298. DOI: 10.1093/jcmc/zmy016

⁴⁴⁶ Инишев И. Н., Бедаш Ю. А. Указ. соч. С. 20.

М. Макортых, основываясь на определении Л. Шифман, которая выделяла в отдельную категорию веб-контента политические интернет-мемы, предложил ввести понятие исторического мема, под которым он понимал группы единиц цифрового контента, имеющих общие черты, и использующихся для конструирования групповой идентичности. По его мнению, исторические мемы «явно связаны с конкретным историческим событием или личностью и часто ссылаются на существующие практики памяти, высмеивая, усиливая или распространяя их в Интернете»⁴⁴⁷. Не ставя под сомнение данную характеристику исторического мема, следует отметить, что приводимые им в пример мемы «миллиард расстрелянных лично Сталиным», «приковать к пулемету», «Тонька-пулеметчица», «Танк Тигр», «Гитлер», «бандеровцы» и т. п. более соответствуют характеристике мема в традициях меметического подхода, восходящего к Р. Докинзу. Такое понимание мема запутывает ситуацию и затрудняет изучение феномена, так как нельзя проследить разницу между ним и крылатым выражением/словом или именем нарицательным. Эти слова и выражения могут стать частью интернет-мема, усилив его узнаваемость аудиторией, вписывая сообщение в определенный контекст, но сами они им не являются, так как одна из важнейших черт данного феномена стремление к постоянной трансформации одного или сразу нескольких элементов. Интернет-мемы могут пересылаться в неизменном виде, но чаще всего пользователи создают его вариации, чтобы продемонстрировать свое личное отношение к отражаемому объекту. Под историческим интернет-мемом следует понимать сложносоставной цифровой продукт творчества масс интернет-пользователей, использующих его в процессе коммуникации с целью передать свое представление о Прошлом.

Интернет-мемы на историческую тематику встречаются в виде фотожаб, комиксов, демотиваторов в черных рамках, gif-формате, крылатых фраз,

⁴⁴⁷ Makhortykh M. Everything for the Lulz: Historical Memes and World War II Memory on Lurkomor'e // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2015. Vol. 13. P. 64.

картинок и видео, но чаще всего они представляет собой графическое изображение, сопровождаемое текстовым комментарием. Существуют три основных принципа создания исторического мема: первый — когда графическое изображение, иллюстрирующее исторический факт, соответствует означаемому времени и событию, и текст также строго соотносится с описываемым прошлым. В пример можно привести мем с изображением царевича Дмитрия и подписью: «А я все чаще замечаю, что меня как будто кто-то подменил» или мем, где размещены портреты Наполеона и Александра I, а надписи воспроизводят их воображаемый разговор, в котором французский император говорит: «Сашунь, я к тебе скоро приеду в Москву», а русский царь ему отвечает: «Давай, пригоняй, у нас тут вообще огонь». Несмотря на то, что мы здесь имеем дело с явной модернизацией исторического факта (исторические события описываются при помощи строчки песни из известного мультфильма и молодежного слэнга), в целом мем соответствует картине прошлого, в то же время, сильно упрощая ее, низводя до уровня обывательского представления об истории с ироничным оттенком.

Второй способ — это когда прошлое описывается при помощи текста, отражающего исторический факт, а в основу мема берется узнаваемая популярная картинка, которая не имеет, казалось бы, к нему отношения и связывается с прошлым при помощи ассоциаций. Например мем, иллюстрирующий воображаемый разговор Петра I и Карла XII, где российский император «самоутверждается» за счет шведского короля, настаивая, что он победил в Северной войне потому что «Первый», а Карл всего лишь двенадцатый и до него уже было таких же одиннадцать Карлов, в основе своей имеет известную картинку разговора отца и сына из сериала «Ходячие мертвецы». Также известен мем «Смеющийся Том Круз», где изображен популярный американский актер, с надписью: «Реакция новгородца, когда киевляне говорят, что они основатели Руси».

Третий способ, соответственно, когда историческая картинка, сопровождается текстом, описывающим современную действительность или

отсылающим к актуальной повестке дня. Здесь можно вспомнить мем «Компьютерные игры делают людей жесткими», где используются изображения Гитлера, говорящего: «Меня сделали жестокими компьютерные игры», Ивана Грозного, утверждающего: «И меня тоже» и Влада III Дракулы, резюмирующего: «Все из-за игр, ага, я без них вообще лапочка был». Сюда же можно отнести мем с изображением Александра II и текстом: «Я отменил крепостное право не для того, чтобы ты брал микрокредит под 300 % годовых. Впрочем, решай сам. В XXI веке рабство – дело добровольное». Как правило, в исторических интернет-мемах отражаются ключевые события истории, подверженные крайней мифологизации. Мем представляет собой удобную форму визуального воплощения мифов о прошлом, которые непосредственным образом связаны с настоящим.

Формат интернет-мема позволяет пользователям давать любую интерпретацию событий, проводя аналогии с прошлым, либо используя визуальные исторические образы. История в мемах представляет собой воплощение идеологизированного восприятия исторического события. Наряду с конкретным знанием о прошлом исторический мем обязательно содержит в себе элементы мифа, поскольку он не ограничен необходимостью следовать исторической достоверности, сведениям исторических источников и научной литературы. Вирусное распространение мема предполагает его частичное видоизменение и постоянную модификацию. В силу этого интернет-мем определенным образом искажает прошлое уже в силу самой своей природы. Даже если намеренное искажение или фальсификация истории не предполагается, оно происходит неосознанно, так как интернет-мем конструируется путем совмещения нескольких фрагментов информации, не имеющих прямого отношения друг к другу, что закономерно уводит его от исторической достоверности. Мемы, превращая исторический факт в эмоциональное послание и придавая историческим событиям новые смыслы, способны влиять на их восприятие аудиторией. Используя юмор, иронию, сарказм, гротеск интернет-пользователи демонстрируют при помощи мемов свое

отношение к прошлому, одновременно формируя определенное представление об истории. Данный тезис может быть доказан вирусным распространением интернет-мемов, так как каждый коммуникант трансформировал сообщение, либо переслав его или просто одобряя в социальных медиа, тем самым принимает предлагаемую точку зрения.

Эмоциональность интернет-мемов вытесняет достоверность, поскольку информация, распространяемая ими, воспринимается пользователями на эмоциональном уровне, вынося за рамки вопросы о ее надежности. В эпоху постправды для интернет-пользователя любые факты и истина перестают иметь значение, а конкретные альтернативные понятия – “да/нет”, “истинное/ложное” – становятся условными, и по выражению С.В. Чугрова, «поглощаются “черной дырой” массового сознания»⁴⁴⁸, уступая место интернет-мемам. Постправда понимается им как «постмодернистская девиация, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов»⁴⁴⁹. Политика постправды «конструирует различные версии действительности, многие из которых противоречат друг другу, поскольку все они – результат получения и передачи информации, а не объективное и абсолютное отражение истины»⁴⁵⁰. В условиях постправды, когда фейк становится значимой частью информационного пространства, интернет-мем можно рассматривать не только как инструмент, способствующий распространению фальшивых новостей, но и его идеальное воплощение. Исторический интернет-мем таким образом представляет собой фейк, выступающий способом репрезентации представлений о прошлом при помощи визуализации образов медиапамяти.

⁴⁴⁸ Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 47. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04

⁴⁴⁹ Там же. С. 46.

⁴⁵⁰ Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 94. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.07

В этом смысле показательна история интернет-мема «Иван Грозный убивает» для которого характерно юмористическое восприятие фигуры Ивана IV. Этот интернет-мем имеет большее число вариаций, созданных интернет-пользователями, которые при помощи графических редакторов помещали Ивана Грозного с холста Ильи Репина в другие картины и самые разнообразные обстоятельства, не имеющие к исторической действительности никакого отношения. Этот мем пережил несколько волн массового распространения. Первая волна возникла в октябре 2013 г. и была связана письмом на имя министра культуры В. Р. Мединского и директора государственной Третьяковской галереи И. В. Лебедевой представителей православных организаций и некоторых историков с просьбой убрать картину И. Е. Репина из экспозиции Третьяковской галереи, так как, по их мнению, полотно является клеветой на русского царя, не убивавшего своего сына, и оскорбляет патриотические чувства людей. Вторая волна возникла в июле 2016 г. после оговорки Вадима Потомского, губернатора Орловской области, в которой на тот момент еще только собирались ставить царю памятник. В. Потомский сказал, что царевич Иван заболел во время путешествия с отцом из Москвы в Петербург; волна мемов не остановилась даже после извинений губернатора. В начале 2017 г. вокруг мема разразился медийный скандал после публикации его новогодней вариации в издании «Брянск Today», где царю приписаны слова: «Вставай, там еще оливье и крабовый остались, нужно докушать», а царевичу слова — «Дай мне умереть». В июле того же года в преддверии Дня металлурга президент Владимир Путин посетил Лебединский горно-обогатительный комбинат и, отвечая на вопрос о противодействии фальсификации истории, вновь поднял тему достоверности свидетельств об убийстве царем своего сына, чем всколыхнул новую волну мемов. В мае 2018 г. некий Игорь Подпорин повредил полотно И. Репина, нанеся по картине несколько ударов стойкой ограждения, что также широко освещалось в СМИ и вновь привлекло внимание к артефакту и связанным с ним мемам.

В мем-цикле «Иван Грозный убивает» интернет-пользователи никак не акцентируют факт сыноубийства. Более того, чаще всего царевич Иван вообще убирается с картины, а используется только изображение Ивана Грозного, который из отчаявшегося отца, совершившего непоправимый поступок, каким его изобразил И. Репин, превращается в маньяка, образ которого органично вписывается в массовую культуру, имеющую огромную традицию изображения маниакального поведения. Даже используя картину, рассказывающую об убийстве Иваном Грозным своего сына, интернет-пользователи умудряются забывать об этом и включают в свой медиатекст аллюзии на совершенно другие сюжеты, навеянные повесткой дня.

Современный мир переориентировался на визуальный способ представления информации, который заложен в основу цифровых средств коммуникации. В этом мире сочетание визуальных образов и текстовых сообщений становится источником бесконечного количества интерпретаций информации, в том числе, и о прошлом. Спекулятивное понимание истории, опирающееся не на научное знание, а на способы его репрезентации, приводит к политизации медиапамяти. История превращается в политический инструмент, используемый для манипулирования общественным мнением при помощи медиа. Политизация медиапамяти направлена на нивелирование различий между историей и памятью, историческое знание, попав в медиасреду, оказывается только представлением о прошлом, подчас очень далеким от истины. Интернет-мем как часть медиа можно рассматривать как инструмент этой политизации, способный достаточно эффективно конструировать представления о прошлом. Субъектом конструирования здесь выступает как сам индивид, так и те, кто продуцирует интернет-контент, что характерно для современной эпохи просьюмеризма, когда производитель информационного продукта в то же время является его потребителем. Визуализация истории, представленная в мемах, подвергающихся постоянной трансформации, является иллюзией исторического знания и содействует дальнейшей интерпретации прошлого. Интернет-мемы

способны полностью поменять отношение к исторической реальности, что может быть использовано в политических целях.

Иллюстрацией данного процесса могут служить интернет-мемы о Петре I, традиционно представляемого в политической мифологии историческим героем, заложившим своими военными и государственными реформами основы современной России. Один из главных мифов о Петре I связан с его политикой европеизации, которая в коллективной памяти выражена метафорой А. С. Пушкина «В Европу прорубить окно». Образ Петра I, прорубившего «окно в Европу», стал часто обыгрываться в интернет-мемах после 2014 г., когда в массовом сознании актуализировался стереотип противостояния России западной цивилизации и ее ценностям. В пример можно привести красноречивый мем с портретным изображением императора, созданным Полем Деларош в 1838 г., и подписью «окно в Европу срочно заколотить! Нынче вид из него ужасный!». Различные вариации мемов на эту тему имеют прямо империалистический характер: «А Нарва то русский город!!! Пора ему возвращаться!!! Хватит болтаться по европомойкам» или иронизируют над «несовершенством» российского народа: «Прорубил окно. Чувствую кривовато вышло!». Примечателен в этом отношении мем, сравнивающий Петра Великого и украинского президента Петра Порошенко: «Оба Петра хотели в Европу. Один для этого поднял страну, а другой ее разрушил». Эти мемы показывают как визуализация мифологизированного образа императора-строителя и стереотипное восприятие актуальной повестки дня меняют сложившееся в политическом сознании представление о благотворности европоориентированной политики на прямо противоположное.

В медиапамяти символом государственного строительства и политики европеизации Петра I выступает основанный им г. Санкт-Петербург. В то же время, частью мифологии этого города является строительство Северной столицы на болотах. Этот миф обыгрывался в интернет-меме, сравнивающим российского императора и персонажа популярного анимационного фильма «Шрек». Мем с портретным изображением Петра I и надписью: «Осел! Нет

никаких «мы», нет никакого «наше». Есть только я и мое болото! – Шрек» появился в январе 2017 г. и стал массово распространяться через несколько месяцев, порождая большое количество визуальных вариаций сюжета Петр I, болото, Шрек. В итоге стали появляться мемы, в которых пользователи не только проводили параллели между историческим и анимационным персонажем, а предполагали, что это одно и то же лицо. Самым красноречивым здесь можно назвать мем «Ой, извини, две одинаковых фотки скинул», с портретом Петра I и Шрека. Отождествление исторического деятеля и героя массовой культуры из сказки-«перевертыш» указывает на то, что массами интернет-пользователей первый российский император перестает восприниматься в качестве символического образа основателя государства, и успешность этого основания ставится под сомнение ассоциативным рядом с болотом. Политическим последствием этого процесса становится нивелирование усилий по проведению политики памяти, основанной на коммеморации Петра I как исторической личности.

Аналогично происходила трансформация образа В. И. Ленина, когда в 2010-х гг. стали чрезвычайно популярны интернет-мемы с его изображением. В них он появляется не как основатель советского государства или революционный лидер, а как антропоморфный персонаж. Имеется в виду мем «Ленин-гриб», возникший благодаря републикации в сети Интернет телевизионного сюжета 1991 г. из передачи «Пятое колесо», где ее ведущие с серьезным видом подали как истину некий миф, согласно которому Ленин в больших количествах употреблял галлюциногенные грибы и сам в результате превратился в гриб. Этот эксперимент-шутка стал символом того, что с помощью телевидения можно внушить все, что угодно, а мем «Ленин-гриб» вспоминают, когда появляются новости, построенные на фейках или домыслах. Следует отметить, что абсурдная ассоциация Ленина с грибом, также как и в случае мема о Петре I и Шреке, привела к трансформации образа исторического героя в фейковую форму, который невозможно эффективно использовать в конструировании политической идеологии или политической агитации.

Попытки российских коммунистов превратить имя В. И. Ленина в бренд не увенчались особым успехом, возможно именно из-за наличия в политическом сознании современных интернет-пользователей этого мема, который делает образ «вождя мирового пролетариата» несерьезным.

Своеобразно отражена в мемах и коммеморативная политика в отношении памятников В. И. Ленину. Интернет-мем «Ленин за углом», созданный на основе фотографии монумента В. И. Ленину, снятому со своего постамента и поставленному за угол, появился благодаря массовому сносу памятников на Украине, получившему неофициальное название «ленинопад». Самый первый и распространенный вариант мема содержал подпись «Псс, парень, не хочешь немного коммунизма?». Это мем обыгрывал стереотип о заговорщиках, спекулянтах, наркоторговцах, сформированный художественными фильмами, где такие люди прятались за углом и предлагали прохожим что-то запретное или неприличное. Несмотря на то, что «выглядывающий из-за угла» памятник Ленину в бесконечных вариациях мема перестал непосредственно ассоциироваться с украинской политикой декоммунизации, его основа все время отсылает интернет-пользователей к коммеморативной практике сноса памятников. Сам же образ В. И. Ленина как исторического героя остался в массовом сознании связанным с революцией и коммунизмом как идеологическими конструктами, получившими в этом меме негативный оттенок.

Интернет-мемы на историческую тематику, как правило, актуализированы современностью. Яркий пример — мем «Привет, потомки! Как вы там?», впервые появившейся весной 2015 г. Изначально он представлял собой микрокомикс из четырех панелей, где был изображен Юрий Гагарин с телефонной трубкой, спрашивающий: «Высадились на Марс?», ответ «потомков» — «Юра, мы всё потеряли» и плачущий космонавт. В дальнейшем появилось большое количество модификаций данного мема. Как иллюстрация того, что «все потеряно», пользователи размещали фотофакты не лучшим образом характеризующие сегодняшний день, абсурдные и шокирующие заголовки новостей, фотографии бессмысленных достижений и нелепых

поступков, любой визуальный материал, демонстрирующий «как все плохо». В многочисленных вариациях мема Ю. Гагарин менялся на других исторических персонажей: Петра I, А. С. Пушкина, Наполеона, В. Ленина, И. Сталина, А. Гитлера, Б. Ельцина. Каждый из них задавал потомкам вопрос, соответствующий их мифологизированному образу. Мем стал своеобразной «машиной времени», позволяющей вписать любого исторического героя в современную повестку дня и с его помощью дать эмоциональную оценку социально-политической ситуации в стране.

В современном медийном пространстве наибольшее количество исторических фейков возникает на тему истории Второй мировой войны, что находит свое отражение в интернет-мемах. Они очень хорошо показывают, что в коллективной памяти Вторая мировая война представлена как непримиримое противостояние двух ключевых фигур А. Гитлера и И. В. Сталина. Ярким подтверждением этому является мем «Гитлер против Сталина» 2016 г., изображающий физическое противостояние двух исторических персонажей в стилистике комиксов про супергероев на фоне танкового сражения. Однако, супергеройские образы Сталина и Гитлера скорее исключение, чем правило в практике создания мемов про них. Наоборот, мемы подчеркивают именно человеческие стороны двух вождей, низводя их образы до бытового уровня. Смеховая культура мемов предполагает юмористическое описание представляемых социальных объектов, и в данном случае Гитлер и Сталин предстают скорее как комедийные актеры, чем как руководители государств, участвующих в самой страшной войне XX в. В пример можно привести мем про Сталина «Расстрелять», где он с улыбкой отдает это приказание в самых нелепых ситуациях; мем символизирующий обобществление, где фотография серьезного Сталина соответствует обозначению «мое», а улыбающегося — «наше»; мем в виде пикселизированной картинки, где смеющийся Сталин говорит: «Ахаха! Отличный пост! Теперь вали в ГУЛАГ» и мем, где Сталин показывает сердечко сложенное ладонями. Про Гитлера также очень много подобных мемов, самые известные из которых «Гитлер – кемпер», компьютерный игрок, безжалостно

убивающий своих противников; Гитлер, направляющий в газовую камеру или печь; «Гитлер под амфитамином», видео-мем, изображающий его как бы под воздействием наркотиков. В этих мемах Гитлер и Сталин предстают в образах улыбчивых, милых и обаятельных людей, которые скорее могут вызвать симпатию, чем наименование жестоких деспотов. Гитлера даже сравнивают с кошками, безусловными «звездами» Интернета и героями мемов. Мем «Heil Kitleg», за основу которого взята фотография кошки с черными отметиной на носу и пятном на голове, напоминающими усы и прическу немецкого диктатора, переносит на него умиление, которое у интернет-пользователей вызывают изображения кошачьих. Так образы исторических личностей превращаются в фейк в угоду развлекательным интересам интернет-пользователей, что сказывается на их восприятии как политических деятелей истории и проведении по отношению к ним соответствующей политики памяти.

Исторический образ является продуктом общественного сознания, отражающим индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных феноменах прошлого. Он формируется как результат чувственного восприятия объекта/события, с опорой на эмпирический материал, и как результат обобщения, достигнутый через использование логических и эстетических приемов анализа. Важнейшими свойствами любого, в том числе исторического, образа выступают его метафоричность, узнаваемость и эмоциональность, лежащие в основе его коммуникативных функций. Структуру и содержание образа составляют такие категории, как целостное представление, идеальный тип, стереотип, исторический миф. В интернет-мемах основные характеристики образа соответствуют его структуре и содержанию, включенному в медиапамять.

Интернет-мемы на историческую тематику оказывают огромное влияние на политику памяти, так как помимо информационной и коммуникационной они выполняют социально-психологические и политику-психологические функции, выражаемые в формировании определенного отношения к предлагаемым властью политическим символам. Это отношение заключается в эмоциональной

оценке символической политики и носит, зачастую, юмористический характер. Политическая карикатура, политический анекдот, афоризмы или шуточные высказывания политиков традиционно являются значимыми формами политического юмора и сохраняют свое значение до сегодняшнего дня, в то же время, можно наблюдать возрастающую роль интернет-мемов в репрезентации политик. Это объясняется тем, что мемы могут сочетать в себе силу визуального образа и значимость текстового высказывания, соединение которых позволяет создавать информационные политические сообщения, адаптированные под пространство социальных медиа.

Интернет-мемы как тип контента не претендуют на то, чтобы быть источником верифицированной информации, они подвергаются бесконечным модификациям и интерпретациям, что, в конечном счете, уводит их не только от истинности, но и фактографичности. Меняясь сами, они меняют восприятие политического факта, а в случае с политикой памяти – Истории. Интернет-мем настолько глубоко может преобразовать представление об историческом событии или историческом герое, что порождает совершенно новые представления о прошлом, в то же время, основа его остается узнаваемой и соответствующей мифологизированному восприятию Истории массами. Таким образом, мемы влияют на политику памяти государств, так как не только являются откликом на политическую повестку дня, но могут задавать рамки осмысления образов прошлого. Медиапамять конструируется и государством, и массами, «умными толпами», создающими ту историческую картину мира, которая отвечает интересам их сообществ.

Вывод: В цифровую эпоху массовое производство визуальных исторических образов в медиапространстве усилиями интернет-пользователей становится одним из главных способов конструирования социальных мифов. Последние прочно входят в структуру медиапамяти. Визуализация медиапамяти повышает эмоциональную составляющую восприятия феноменов прошлого, порождая тоску по ушедшей исторической реальности. Ностальгия стирает грань между историей и памятью, делая историческое знание формой репрезентации

представлений о прошлом. Бесконечное производство и воспроизводство визуальных исторических образов ведет к их полисемантической и определяет плюрализацию стратегий репрезентации исторических событий. Множественность исторических интерпретаций и семантических значений образов памяти приводит к симуляции исторической реальности в виртуальном пространстве.

В эпоху постправды симуляция истории и ее мифологизация создают платформу для появления исторических фейков, идеальным воплощением которого является интернет-мем. Он представляет собой эффективную форму участия интернет-пользователей в создании цифровой культуры, а отражение в нем образов прошлого способствует визуализации медиапамяти. Однако, интернет-мем всегда соединяет представления о прошлом с элементами современной массовой культуры и актуальной повесткой дня. Объединение различных фрагментов медийного контента и исторического эмпирического материала способствует появлению нового медийного продукта, который оказывает определяющее влияние на медиапамять. В основе данного влияния лежат такие свойства мема, как востребованность массами интернет-пользователей, мгновенное распространение и сильное эмоциональное воздействие. Визуализация медиапамяти в интернет-мемах демонстрирует динамичность, подвижность и модифицируемость представлений о прошлом в популярной культуре. История, сохраняя свою ценность, перестает быть только жизненным ориентиром. Она превращается в развлекательный контент, где служит выражению мировоззренческих установок интернет-пользователей и отражает их взгляды на происходящие события.

4.3. Стратегии конструирования воображаемых исторических миров в игровой индустрии

Представления о прошлом являются ключевым ресурсом социального конструирования настоящего, обеспечивая основания социальной коммуникации на всех ее уровнях, формируя индивидуальную и коллективную идентичность, задавая векторы интеграции и дезинтеграции вокруг групп и

лидеров, обеспечивая когнитивную платформу социальных оценок и решений. Представления о прошлом качественно разнородны в силу многообразия типов познания. Их социальный потенциал неравноценен, а отношения между разными историческими дискурсами не нейтральны. Коллективная память общества сегодня зависит главным образом не от научных исследований и работ популяризаторов исторической науки, а от идеологических установок, произведений массовой культуры, которые транслируются по разным каналам, в том числе и по цифровым.

Цифровая революция освободила реципиента, дала ему доступ ко всем видам групповой и массовой коммуникации, открыв новые возможности для горизонтальных интеракций независимо от установления личных социальных связей. Сегодня коллективную память общества формирует огромный сегмент медиа, в котором сами пользователи играют первостепенную роль. Среди относительно новых медийных явлений — компьютерные игры на историческую тематику, захватывающие внимание большого количества людей и в определенной мере способные изменять представления о прошлом. Разработчики компьютерных игр — среди которых могут быть как сотрудники крупных корпораций, так и независимые геймдизайнеры — предлагают свою интерпретацию исторического процесса и тем самым влияют на медиапамять, что может провоцировать как мемориальные конфликты и войны памяти, так и пересмотр фактографии ряда исторических событий.

Когнитивное значение исторических игр, их способность реалистично воспроизводить ландшафт, климат, этнические и социальные реалии ушедшего времени, а также транслировать интерпретацию исторических фактов и событий неоднократно фиксировались исследователями⁴⁵¹. Синтетическая аффектация анимированным изображением высокого качества, движение, звук, общение в многопользовательских играх, а главное — интерактивность игровой среды

⁴⁵¹ См., например: Карякин П. П. Историческая память в компьютерных играх // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. С. 24–27.

обеспечивают беспрецедентную в развитии культуры степень вовлечения участника в процесс коммуникации. Свобода пользователя в играх ограничивается канонами жанра и программными алгоритмами, но игровое удовольствие базируется на (пусть даже иллюзорной) возможности действовать по собственному произволу, преодолевая препятствия. Субъективно переживаемая достоверность игры, особенно в условиях максимального визуального реализма, накладывает отпечаток на опыт играющего: условность характеристик игрового мира очевидна пользователям, тем не менее, визионерский опыт игрового погружения вполне может сказываться на мировоззрении индивида. Игра как арт-продукт открывает игроку ирреальные горизонты, которые касаются как его собственного жизненного проекта, так и социальной реальности.

Истоки и перспективы существования человечества, судьбы народов, межпоколенческие миссии и роль личности в истории — все эти темы, стабильно привлекательные для массового сознания, активно эксплуатируются игровой индустрией. Сегодня можно наблюдать процесс геймификации истории, когда прошлое репрезентируется в виде компьютерной игры, что накладывает отпечаток на производство исторических фильмов и практику движения исторической реконструкции. Включение в этот процесс независимых разработчиков, создающих собственные компьютерные игры исторической тематики, приводит к появлению нового интересного явления — хисторихакинга. Личные воспоминания и частные мировоззрения обычных людей, раньше влиявшие только на ближний круг, сегодня активно включаются в процессы формирования культуры благодаря интерактивным медиа, подрывая классические модели стандартизации исторических представлений.

Глобальная и локальная повестка дня, новые сервисы и функции социальных сетей, знаковые кинематографические премьеры, политические скандалы, влияющие на массовую культуру в целом, отражаются и на коллективной памяти социума. Как справедливо отмечает культуролог Н. А. Масленкова, Интернет становится способом материализации

коллективной и индивидуальной памяти, а наиболее современная, популярная и зрелищная сегодня культурная форма — компьютерная игра — вызывает интерес как способ моделирования прошлого, исторических событий и, соответственно, получение участниками некоего личного опыта, который в то же время связан с общекультурными, социальными моделями памяти⁴⁵². Важно отметить, что смысловые тренды в развитии исторических игровых жанров не формируются в вакууме: основой для игровых миров становится весь массив всемирной истории и историй различных государств, при этом влияние игры как агента медиапамяти фрагментарно и ограничено личными интересами пользователя. Иначе говоря, под воздействием игровой мифологии находится только тот сегмент исторических представлений индивида, который уже сформировался по другим источникам. Игры со средневековым колоритом влияют на представления об истории Средних веков, не затрагивая знания индивида, например, о Древней Греции или Великой Отечественной войне. Разумеется, игровая мифология может активно подкрепляться мифологией кинематографической или литературной, включаясь в комплексное взаимодействие с ними, кроме того, представления о прошлом могут формироваться под воздействием других, вполне традиционных агентов медиапамяти, от школьных учебников и уроков истории до научных монографий и научно-популярных передач.

Исторический материал очень часто становится содержанием компьютерных игр. Способ организации исторической действительности в них может быть разным, одни игры полностью основываются на документальных источниках, в других история выступает в роли мотивного образца⁴⁵³. Несмотря

⁴⁵² Масленкова Н. А. Компьютерная игра как механизм конструирования культурной памяти (на примере World of Tanks) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 118; Она же. Масленкова Н. А. Метаморфозы культурной памяти в World of Tanks // Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 197–210

⁴⁵³ Кириченко В. В. «Энциклопедические игры» как способ исторической рефлексии // Галактика медиа: журнал медиа исследований. 2019. № 4. С. 147. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10040

на то, что игры обычно рассматриваются как вымышленные артефакты, часть области развлечения, все исторические или околоисторические игры влияют на формирование представлений о прошлом, даже если игроки не отдают себе отчета в этом. Компьютерные игры эксплуатируют стереотипы и образы прошлого, отсылают к культурной памяти, откликаются на политику памяти, что неизбежно приводит к символической редукции исторического знания. В играх нет размышлений об историческом процессе, рефлексии прошлого, в них история представлена как набор образов, которые определяют историческое сознание.

Компьютерная игра представляет собой компьютерную программу, используемую не для решения функциональных задач, но для развлечения путем игриания. Компьютерная программа имеет широкие возможности для реконструкции исторических событий и погружения игроков в исторические миры, создавая путем имитации игровых ситуаций иллюзию участия в исторических процессах⁴⁵⁴. История может быть представлена в играх не только в тексте, но и в изображениях, звуках, именах персонажей, исторических картах, национальной одежде, архитектуре и т. п. Компьютерная игра позволяет ввести игрока в пространство повседневности той или иной исторической эпохи, путем воспроизведения ее условий, обстоятельств и антуража, т. е. создания виртуального пространства исторического.

Компьютерные игры обладают колоссальным потенциалом для верного и точного отображения исторических событий, показа материальной и социальной культуры, наиболее полного погружения игрока в атмосферу прошедших веков⁴⁵⁵. Кроме того, игровое пространство позволяет игрокам принимать активное участие в изменении мира игры и ее сюжета. Воссоздание

⁴⁵⁴ Иванов П. В. Компьютерные игры как средство визуализации познавательной активности на уроках // Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров). Сборник материалов III международной научно-практической конференции 20 ноября 2018 г. Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 257.

⁴⁵⁵ Могилина М. В. Цифровые миражи: представление истории в компьютерных играх // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сб. тез. докл. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 53-54.

исторических процессов в ходе игры позволяет игрокам почувствовать свою причастность к прошедшим событиям, запомнить их как факты собственной биографии и получить опыт переживания исторических ситуаций. В результате чего у них формируются определенные представления о прошлом, заданные компьютерной игрой, которые глубоко укореняются в сознании и влияют на медиапамять⁴⁵⁶.

Коллективная память является важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Конструирование памяти о прошлом имеет особое значение для интеграции социальных групп в настоящем⁴⁵⁷. Компьютерные игры объединяют интернет-пользователей, которые в онлайн-играх и в социальных медиа создают тематические сообщества, где происходит репрезентация истории. Объединение достигается на основе принятия какого-либо образа прошлого, разделяемого всеми участниками локального сетевого сообщества. В процессе коммуникации между ними происходит визуализация исторических образов, выражаемая через компьютерные игры и медиаконтент, создающийся вокруг них: интернет-мемы, графические изображения, фанфики, посты, комментарии и т. п.

По глубине локального воздействия на коллективную память можно выделить две принципиально различные группы игр: игры о далеком прошлом и игры о прошлом недавнем. Исторические события, если они не являются ключевыми для государственной политики памяти и слишком далеки во времени, чтобы затрагивать мнения очевидцев, более пластичны как материал для комбинаторики, эклектики и творческих стратегий разработчиков игр. Именно эти игры восприимчивы к историческим экспериментам и альтернативным сюжетам. Игры о недавнем прошлом больше ориентируются на поддержание исторической достоверности. Кроме того, они так или иначе

⁴⁵⁶ Грибан О. Н. Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // Педагогическое образование в России. 2017. Вып. 2. С. 38.

⁴⁵⁷ Симбирцева Н. А. Метаморфозы памяти: культурологическая интерпретация // European Social Science Journal. 2011. № 8. С. 20–27.

соотносятся с актуальной политикой того или иного государства в отношении истории, задевают живые элементы дискурса о ней и потому тоже обладают большой привлекательностью для разработчиков игр.

Примером игр, посвященных далекому прошлому, являются игры о Средневековье. Интерес к этому периоду легко объясним, если исходить из его общей популярности в массовой культуре, начиная с влияния рыцарских романов на художественную историческую литературу, позднее — кинематограф, и заканчивая тотальным расцветом жанра фэнтези. Сегодня наблюдается очередной всплеск интереса к Средневековью, о чем свидетельствует, например, огромная популярность сериала «Игра престолов». Романтизация Средневековья давно стала трендом медиапамяти, захватившим и компьютерные игры.

Неудивительно, что одной из самых популярных в этом контексте является серия стратегических игр *Total War* (2000–2018). Первая в этой серии игра *Shogun: Total War* (2000) была создана по мотивам истории противостояния правящих домов Японии XVI века. Однако наиболее популярными играми серии стали *Medieval: Total War* (2002) и *Rome: Total War* (2004), в которых пользователям предлагалось проигрывать сражения и военные кампании Раннего Средневековья и эпохи поздней Римской империи. В этих игровых мирах «каноническая» историческая реальность создавала только канву событий, игроки же могли самостоятельно менять ход истории, конструируя новую реальность на карте Европы и Ближнего Востока.

Не менее популярными стали игровые глобальные стратегии серии *Europa Universalis* (2000-2013), где события разворачиваются со времен позднего средневековья до наполеоновских войн, и игры *Crusader Kings* (2004), *Crusader Kings II* (2012), моделирующие процессы средневековой истории. Ранние издания данных игр отличались жесткой привязкой к реальной истории, в них существовали predetermined заранее для каждой страны исторические правители, каждый из которых обладал заданными способностями, влияющими на игру, кроме того, игроку было заблаговременно известно, что в определенный

момент в стране, за которую он играет наступит конкретное историческое событие, что позволяло планировать свои действия. Однако, в последующих играх игрокам предоставлялась большая свобода, в игре *Europa Universalis III* (2007) разработчики убрали исторических деятелей, заменив их случайными, и сделали систему событий менее предопределенной, а в игре *Crusader Kings II* появился даже редактор персонажей, позволяющий игрокам создавать собственных игровых героев.

В серии игр *Assassin's Creed* (2007–2018) также используется принцип открытых миров, где игроки, могут перемещаться по разным историческим городам, сохраняя свободу действий. Большинство игр серии созданы в жанре приключенческого боевика и в основе своей имеют псевдоисторический сюжет противостояния средневекового ордена тамплиеров и ассасинов, перенесенный в разные исторические эпохи: Крестовые походы, Ренессанс в Италии, Война за независимость в Америке, Великая Французская революция и др. Разработчики очень тщательно воссоздают антураж эпохи, благодаря чему игрок знакомится с исторической эпохой. Игровые события никакого отношения к исторической реальности не имеют и являются плодом фантазии разработчиков.

Вокруг серии игр *Assassin's Creed* сложилась целая индустрия развлечений, вышла в свет серия романов по ее мотивам, были выпущены комиксы и снят полнометражный фильм «Кредо убийцы» (2016). Таким образом, вымышленный мир получил свою прописку в современной медиапамяти. Тех, кто не играл в саму игру, штампы и реалии мира *Assassin's Creed* захватывают через совершенно другие источники масскульта, поддержанные широкими рекламными кампаниями.

Любопытна также игра *Stronghold* (2001–2014), которая создана в жанре стратегии в реальном времени. Игрок симулирует строительство, штурм или оборону средневекового замка, а также развитие средневекового поселения. Согласно задумке разработчиков, действие происходит в средневековой Англии и начинается, согласно календарным данным, в 1066 году. Игровой опыт

предоставляет пользователю возможность прожить жизнь средневекового человека, примеряя ее на себя.

Как и в рассмотренных играх от компаний-разработчиков в инди-играх игроки могут получить опыт погружения в исторические события. В инди-игре *Age of Chivalry* (2007) игрок имеет возможность от первого лица поучаствовать в рыцарских сражениях, имитирующих реальные средневековые битвы. В игре *Wars and Warriors: Joan of Arc* (2004) пользователям предлагается воссоздать историю сражений Жанны д'Арк и других полководцев, а действие игры *The Black Death* (2016) происходит во время эпидемий чумы, выкосивших чуть ли не половину населения средневековой Европы⁴⁵⁸.

Наибольшим реализмом отличается игра *Kingdom Come: Deliverance* (2018), основанная на событиях истории средневековой Чехии. В ней детально воспроизведены одежда, вооружение, архитектура и общественное устройство в королевстве Богемия, где события разворачиваются на фоне конфликта между королём Вацлавом IV и его братом Сигизмундом в 1403 г. Действие игры начинается в г. Скалице и ведется от имени главного героя Индржиха, сына кузнеца. Игра предоставляет возможность пользователям прожить жизнь средневекового человека и поучаствовать в симуляции исторических событий, боевых сражениях, уличных драках, политических переговорах. Повседневность средневекового обывателя воссоздана в данной игре очень точно. Мир в этой игре представлен через видение простого ремесленника, и хотя история его жизни является вымышленной, по форме это, наверное, лучший пример переноса в компьютерную игру микроисторического подхода.

В игре *Catmaze* (2018) славянская мифология соединена с жанром аниме. Фантастические создания древних славянских мифов и главная героиня игры юная волшебница Алеста изображены в стилистике японской анимации. В этой игре образы массовой культуры гармонично переплетены с представлениями о славянском прошлом и фольклорными элементами, создав совершенно новый

⁴⁵⁸ Шым. Лучшие игры про Средневековье // Cubiq.ru [Сайт]. URL: <https://cubiq.ru/luchshie-igry-pro-srednevekove> (дата обращения: 08.10.2022).

воображаемый мир, в то же время, воспринимаемый пользователями как соответствующий национальному культурному коду. Игры *Аллоды Онлайн* (2010) и *Thea: The Awakening* (2015) представляют собой причудливую смесь фантастических образов прошлого и будущего с добавлением элементов славянского фольклора. Например, в «Аллодах» вымышленные миры построены на соединении стереотипных представлений о Новгородском княжестве и коммунистическом государстве, а в *Thea: The Awakening* рисуется постапокалиптический славянский мир, полный мифических чудовищ.

Приведенные примеры показывают, что игры по средневековой исторической тематике тяготеют к частичному, но достаточно детальному воссозданию социокультурного контекста эпохи, вольно относясь к реальным событиям, чтобы позволить пользователю менять их, а значит, переживать как свои собственные, случившиеся лично с ним.

Примером игр второй группы, посвященных недавнему прошлому, может служить *World of Tanks* (2010), которая получила множество призов и с момента создания пользуется популярностью у огромной аудитории игроков по всему миру. *World of Tanks* относится разработчиками к жанру ММО-экшн с элементами танковой симуляции, которая сводится к реалистичным боям на различных картах / в различных локациях, и, главное, довольно реалистичному (с рядом условностей) воспроизведению физических особенностей машинной боевой техники времен Второй мировой войны и более поздних исторических периодов. Машины и ландшафт, воспроизводящие документальные подробности исторических танковых театров военных действий, обеспечивают погружение в реалистичный открытый образ битвы. Открытость в данном случае связана со свободой пользовательских стратегий. Игровой континуум ММО (массовая многопользовательская онлайн игра) всегда вариативен: в рамках заданных игрой условий игроки самостоятельно управляют боевыми машинами, коллективно участвуя в создании собственного индивидуального опыта погружения в игру.

Игра *Steel Division: Normandy 44* (2017), позиционируется как самое исторически достоверное воспроизведение тактических действий в ходе Второй мировой войны. Каждая карта из *Steel Division* смоделирована в соответствии с реальными аэрофотоснимками, сделанными во время вторжения в Нормандию, вплоть до расположения деревень. Здесь также представлены реалистичные дистанции выстрелов и урон, наносимый военной техникой и оружием, то же касается скорости и маневренности показанного в игре транспорта. Например, более тяжелая техника появляется в бою позднее, и это объясняется тем, что ей требуется больше времени, чтобы добраться до нужной точки.

В серии игр-авиасимуляторов *Ил-2 Штурмовик* (2001-2017) моделируется ведение боевых действий в небе с 1938–1946 гг. Игры позволяют игрокам принять активное участие в самых масштабных сражениях времен Второй мировой войны в качестве летчиков-асов. Игрок может поучаствовать в боях над Киевом, Берлином, Парижем, Британией и т. д. В игре реализованы все тонкости полета, включая выполнение фигур высшего пилотажа; доступно более двухсот видов техники, каждый самолет обладает своими особенностями, преимуществами, недостатками и по-разному ведет себя в небе. Все это создает иллюзию реальности, которая захватывает пользователей.

Реалистичность игрового пространства и действия создает у игроков убеждение, что они, играя, получают опыт, который получали участники реальных исторических событий. Однако этот опыт является всего лишь личным опытом игры, который некоторым образом связан с представлениями о прошлом. Тем самым компьютерная игра, если она связана с историческим контекстом, может повлиять на формирование исторических представлений индивида или в отдельных случаях некоторой группы людей, поклонников той или иной игры.

Основной принцип исторической геймификации — погружение пользователя в процесс создания истории, что способствует появлению у него ощущения сопричастности, вклада в общее дело, интереса к достижению каких-

либо вымышленных или виртуальных целей. Поэтому неудивительно, что геймификация истории становится тесно связанной с политикой памяти.

World of Tanks является ярким примером геймификации истории. Одна из карт *WoT* — окрестности станции Прохоровка — стала основой экспериментальных реконструкций одноименного танкового сражения. 23 февраля 2014 г. компания Wargaming.net открыла специализированный компьютерный класс в военно-историческом музее-заповеднике «Прохоровское поле», в котором с пресс-аккаунтов был открыт доступ к виртуальным полям и всем игровым машинам *World of Tanks* и *World of Warplanes*. По свидетельству белгородских журналистов, под кураторством местных историков, воспроизводивших Прохоровское сражение в сеттинге *WoT* в ландшафте и исходных календарных климатических условиях, выиграть сражение на советской «стороне» крайне непросто, цель достигается не с первого раза и не на всех типах реально применявшихся танков⁴⁵⁹.

Танковая симуляция в *WoT*, ставшая визитной карточкой и основным конкурентным преимуществом игры, привлекательна для пользователей не только точностью, весьма, нужно отметить, условной. Она дает игрокам те же преимущества, что и практики исторической реконструкции в целом, т. е. возможность погружения в реальность исторического прошлого с ощущениями своей причастности к значимому историческому событию и переживаниям, симулирующим эмоции участника боя.

На период рождения идеи и выхода *WoT* (2008 и 2010 гг. соответственно) все массовые многопользовательские игры конструировались на основе космического и фэнтезийного сеттингов, предлагая вселенные далекого будущего или магически модернизированного средневековья. Популярность игры опирается на востребованность ее тематики: в нулевые годы зарождается тоска по соцреализму, во второй половине десятилетия явственно ощущается

⁴⁵⁹ Кумейко В. Тридцатьчетверки против «тигров». 75 лет спустя под Прохоровкой вновь жарко // БелПресса. 06.05.2018. URL: <https://belpressa.ru/news/news/tridcatchetvyorki-protiv-tigrov-75-let-spustya-pod-prohorovkoj-vnov-zharko21104> (дата обращения: 06.10.2022).

вакуум официальной политики памяти в сфере героической мифологии⁴⁶⁰, сыгравший роль катализатора общей ностальгии по СССР, ядром которой стал ренессанс тематики Великой Отечественной войны. Последний отчетливо фиксируется и в смежных областях массовой культуры: жанр исторической фантастики первым отреагировал на новый социальный заказ фильмами «Мы из будущего» (2008), «Мы из будущего 2» (2010) и «Туман» (2010), открывшими новую моду на историко-патриотические фильмы о Великой Отечественной войне в период разработки и старта *WoT*.

Появление таких фильмов, как «Белый тигр» (2012), «Двадцать восемь панфиловцев» (2016), «Танки» (2018), «Т-34» (2019) говорит о том, что у государства сформировался заказ на создание исторических произведений, отражающих события Великой Отечественной войны, и массовому зрителю в простом развлекательном формате предоставляется не столько достоверный рассказ об исторических событиях, сколько поэтика и зрелищность героизируемого прошлого. Для современного российского общества миф о Великой Отечественной войне оказался более привлекательным, чем историческая правда, и это вполне объясняет стремление огромного количества пользователей игры *World of Tanks* создавать новые исторические реальности во время виртуальных танковых сражений.

В этой связи не случайна возрастная специфика аудитории игры, которую традиционно связывают с простотой игрового опыта и гендерным характером тематики. Целевая аудитория игры — мужчины в возрасте 28–35 лет, официальная статистика реальной аудитории после 2015 г. (мировое количество регистраций — 110 млн., из них по России — 30 млн.) не оглашалась. Как показывают социологические исследования коммуникативного статуса игроков MMORPG, средний возраст игроков этого блока игр, играющих в том числе и в

⁴⁶⁰ См. подробнее: Тихонова С. В., Афанасьев И. А. Контуры российской патриотической идеологии: К проблеме конструирования // *Власть*. Москва, 2007. № 1. С. 65–70.

WoT, 33 года (данные 2016–2017 гг.)⁴⁶¹. Мужчины данной возрастной группы относятся к последней генерации, рожденной еще в СССР, для которой наиболее характерен интерес к идеализированным образам советского прошлого из серии «империя, которую мы потеряли».

Аналитический обзор наиболее популярных компьютерных игр по тематике Второй мировой войны жанра экшн, осуществленный О. Н. Грибаном, показывает высокую востребованность тематики как основы игровых миров с разной степенью исторической достоверности⁴⁶². Для большинства таких игр характерна как возможность прохождения игры за любую сторону конфликта, так и альтернативный его исход. Сюжеты этих игр эксплуатируют элементы, взятые из антиутопий, исторической фантастики и исторической мистики. Например, действие игры *Operation Darkness* (2007) разворачивается в реальности, близкой к 1940-м гг. где немецкими вооруженными силами, включающими батальоны зомби и вампиров, командует маг.

Отметим, что для многих транснациональных игр, посвященных тематике Второй мировой войны, характерны не только тенденциозность и исторический волюнтаризм, но и откровенно антисоветская позиция: в *Call of Duty: World at War* (2008) образ советской стороны выстраивается за счет использования системы негативных стереотипов, ранее выработанных в кинематографе и литературе; в *Call of Duty: WWII* (2017) в принципе отсутствуют миссии, в которых игрок выступал бы на стороне Советского Союза; в *Company of Heroes 2* (2013) итоги войны главный герой игры расценивает как смену одной тирании (нацистской) другой (советской) и т. д.⁴⁶³ По отзывам российских пользователей, выступавших с требованием запретить *Company of Heroes 2* к продаже на

⁴⁶¹ Сергеева О. В., Царева А. В., Зиновьева Н. А. «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // *Logos et praxis*. 2017. Т. 16. № 4. С. 51–63.

⁴⁶² Грибан О. Н. Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // *Педагогическое образование в России*. 2017. № 2. С. 38.

⁴⁶³ Белов С. И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20. № 1. С. 96–104.

территориях РФ и СНГ, «Гитлер играл бы в эту игру с удовольствием»⁴⁶⁴. Эти отголоски мемориальных войн вполне могут служить маркетинговыми барьерами, ненамеренно повышая привлекательность менее политизированной игры *WoT* для российской аудитории.

Вместе с тем именно социально-демографические характеристики аудитории *WoT* проливают свет на причины, по которым у белорусской игры не возникло российского аналога. Для последнего советского поколения профессия программистов была субкультурной и редкой, что сделало ее представителей слабо чувствительными к общенациональному культурному контексту. Возможно, именно этим объясняется неспособность советской ностальгии реализоваться в формате российских культовых игр. Объявленный в 2011 г. Министерством образования и науки РФ тендер на создание «движка» для своего нового проекта — многопользовательской игры «Битва за Москву»⁴⁶⁵, автором идеи которой стал президент РФ Д. А. Медведев — не принес результатов.

Между тем свое видение истории геймдизайнеры могут отразить в инди-играх. Как отмечают лингвисты, сокращение «indie» было образовано путем апокопы от слова «independent» («независимый») для обозначения подпольной музыки, существовавшей только в авангардных кругах, которое быстро распространилось для обозначения смежных областей деятельности — литературы и компьютерных игр⁴⁶⁶. Этот лингвистический процесс имел под собой определенную идеологическую основу, связанную с ростом популярности контркультурного движения «Do it yourself» («DIY»), выразившего протест против тотальной коммерциализации творчества в эпоху глобального общества

⁴⁶⁴ Russians Mobilize Online to Fight New War Video Game // RIANovosti, Washington, 25 July 2013. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2013/07/26/russians-mobilize-online-to-fight-new-video-war-game-a26179> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴⁶⁵ Движок «русского WoW» оценили в 90 миллионов рублей // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2011/09/01/wowrussia> (дата обращения: 08.10.2022).

⁴⁶⁶ Калиниченко М. О., Бортников В. И. Сокращение indie как наименование культурного и музыкального направления в рецензиях сайта pitchfork.com // Лингвистика: от теории к практике: Сборник статей III Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. С. 41–45.

потребления. Стартовав в кругах поздней панк-культуры, движение аккумулировало антикапиталистический анархизм и нонконформизм в максимах «не продавайся!» и «полагайся только на себя!». Призыв «сделай это сам» был пропагандой свободы, самостоятельности и независимости, он нацеливал индивида на самостоятельное применение любых технологий для нужд самореализации, от авторской музыки до мототюнинга. Творец кустарных продуктов изживает роль потребителя, через создание хардкорных артефактов утверждает свою личную автономию и автаркию.

Отрицая капиталистическую экономику, движение «DIY» выдвигало проекты «приватизации» высоких технологий, предлагая «гаражные» и «кухонные» варианты их применения. Спектр самих технологий чрезвычайно высок: от звукозаписи и компьютерных технологий до приборов для полимеразной цепной реакции и геномной инженерии. Стоит отметить, что процесс приватизации технологий зависит от степени их ресурсоемкости и доступности. Чем шире распространение технологических инструментов и чем они дешевле, тем выше шансы на персональное использование технологии. Возвращая индивидам науку и искусство, отчужденные от них глобальным капитализмом, практики DIY пронизывают современную технонауку и имеют универсальный характер, раскрывающийся в применимости к любым объектам творчества. Конструирование образов прошлого исключением не является.

В основе популярности игр инди-формата лежит новый технологический уровень средств разработки и распространения игр. Принципиальное изменение роли издателя на игровом рынке в связи с появлением цифровых платформ, создание простых языков программирования и доступных инструментов разработки игр, а также распространение игрового опыта, превращение его в стандартный элемент социализации — все это сделало крайне популярным создание компьютерных игр. Как показывают комментарии к дискуссии на

портале DTF, инди-игр много, так как их сравнительно легко делать⁴⁶⁷. С точки зрения законов спроса и предложения рынок инди-игр перенасыщен, а сами его продукты часто отличаются невысоким качеством, глубиной и привлекательностью при общей низкой востребованности (по некоторым данным, смертность инди-игр близка к 95%)⁴⁶⁸. Однако этот перенасыщенный рынок является питательной средой для появления ярких авторских игр, приходящиеся по душе пользователям.

Подчеркнем, что популярность создания инди-игр связана не с тем обстоятельством, что людям нравится в них играть, а с тем, что людям нравится их делать. Для большинства независимых разработчиков инди-разработка — это хобби, которое строится исключительно на энтузиазме, на желании донести до мира свою авторскую идею с минимальными искажениями и заработать денег. Прибыль крайне редко бывает кратко- и среднесрочной целью проектов с нулевым бюджетом, направленных на самореализацию. Автор компьютерной игры нередко переживает духовный эстетический акт демиургии, создавая новый игровой мир с уникальной (как минимум индивидуальной) идейно-художественной начинкой и соответствующим набором выразительных средств. Результат такого творчества имеет потенциальные шансы на эстетический отклик других людей. Однако их актуализация зависит от множества внешних по отношению к процессу условий.

По большому счету, создатели и пользователи данных игр являются производителями, они создают контент об исторических событиях, который сами же и потребляют, однако, они не являются единственными потребителями, плоды их труда бывают востребованы. Поскольку большинство инди-разработчиков — непрофессионалы, конечный продукт и его продвижение заранее малоперспективны, но этот продукт всегда связан с объективацией

⁴⁶⁷ Мучкин Д. Круглый стол: инди-разработчики о состоянии отечественного геймдева // DTF [Сайт]. URL: <https://dtf.ru/gamedev/23947-kruglyy-stol-indi-razrabotchiki-o-sostoyanii-otechestvennogo-geymdeva> (дата обращения: 08.10.2022).

⁴⁶⁸ Там же.

авторского мировоззрения и мировосприятия. И особенно это важно для восприятия истории и образов прошлого, которые получают новую коммуникационную и эстетическую форму для тиражирования.

Анализ игровых миров новых исторических новых инди-игр по тематике Второй мировой войны *Day of Infamy* (2017), *Fog of War*, (2018), *Post Scriptum* (2018) показывает «каноническую» чистоту жанра шутера от первого лица, в котором привлекательность для пользователя конструируется через погружение в реалии исторической ситуации, приобщение к одной из воюющих сторон и участие в ее миссии. Историческая достоверность этих игр неравноценна, по этому критерию лидирует *Post Scriptum*. Эффект погружения в игру и переживание опыта Второй мировой войны можно проследить по пользовательским отзывам. Наиболее типичны отзывы на игру *Day of Infamy*, вышедшей раньше других:

«...главное — это атмосфера. Сильнее всего она создается стрельбой и звуками. Стрелять в игре действительно приятно. Ствол и выстрел чувствуются ... чуть ли не лучше, чем во всех играх, в которые доводилось играть. Простреливается абсолютно все, пулемет прошибает аж три стены, угол дверного косяка люгер... Игра хардкорная, пару пуль хватит чтобы умереть, поэтому, когда идет обстрел дома, а ты лежишь возле окна — ощущается эффект погружения, становится страшно. Вокруг взрывы, крики и оторванные конечности»⁴⁶⁹;

«...иногда тебе будет казаться, что ты оглох от выстрелов и взрывов, но армейские сапоги громяют немногим тише винтовки. Поэтому врага часто можно услышать через стену. Кроме того, полезно различать английский и

⁴⁶⁹ Кеерскалмвинд. Day of Infamy — крайне атмосферный шутер про Вторую мировую войну // Pikabu.ru [Сайт]. URL: https://pikabu.ru/story/day_of_infamy__krayne_atmosfernyiy_shuter_pro_vtoruyu_mirovuyu_voyn_u_5486341 (дата обращения: 08.10.2022)

немецкий, хотя бы ругань. Помогает не убить своего и предсказать появление чужого, сюжет имеет определенную индивидуализацию образов прошлого»⁴⁷⁰

«...под подавляющим огнем противника (в этот момент у вас замылена картинка и появляется громкое частое дыхание) вы бегаєте от одной комнаты к другой, пытаясь прикинуть, сколько осталось патронов в магазине»⁴⁷¹.

Отдельного упоминания заслуживает дополнение к игре *This War of Mine* (2015), которое называется *Father's Promise* (2017). Сеттинг и сюжет игры созданы по мотивам осады Сараево (1992–1996) и очень близки к сеттингу игр о Второй Мировой войне и последующих войн XX-XXI вв. Сюжетное дополнение к миру *This War of Mine* строится по мотивам одноименной пьесы современного польского писателя Лукаша Орбитовски, основной идеей которого является выживание семьи в условиях гражданской войны. Сильнейшие эмоции: любовь, ненависть, чувство утраты, страх — становятся доступными игрокам благодаря нестандартным для военных игр персонажам — мирным жителям, выживающим в условиях войны между солдатами и ополченцами. При этом основным источником игры (как, впрочем, и всей *This War of Mine*) является личная историческая память одного из разработчиков, Эмира Церимовича, девятилетним ребенком пережившего осаду родного города.

Независимые разработчики стремятся производить свои собственные исторические инди-игры, которые нацелены на воссоздание реальности такой, какой она им представляется. В этом случае они опираются на те исторические источники, которым доверяют, например, на воспоминания своих родственников - участников событий. Так, независимый гейм-дизайнер Боб де Шуттер работает над *Projekt Brukel* (игрой в стиле *Gone Home*), основываясь на воспоминаниях своей 92-летней бабушки, дом которой стал стратегическим

⁴⁷⁰ 4exo8. Day of Infamy. Новобранцам лично в руки [Совершенно секретно] // Stop Game.ru [Сайт]. URL: <https://stopgame.ru/blogs/topic/79784> (дата обращения: 08.10.2022).

⁴⁷¹ Васютинский Е. Настоящий военный хоррор: впечатления от Day of Infamy // Play Ground.ru. [Сайт]. URL: http://playground.ru/articles/nastoyaschij_voennyj_horror_vpechatleniya_ot_day_of_infamy-52342 (дата обращения: 08.10.2022).

пунктом, попеременно переходившим в руки немцев и англичан в ходе одной из битв Второй мировой войны⁴⁷². Однако этот пример также показывает, что пользователи стремятся создавать свои собственные воображаемые исторические миры, вводя в игру элементы массовой культуры, в данном случае - имеющие отношение к сверхъестественному и магии. Таким образом, инди-разработчики расширяют игровое пространство, адаптируют его для более широкой аудитории и выражают свое видение Прошлого, которое нередко стремятся приукрасить и сделать менее ужасным, чем оно было на самом деле.

Примером игры, созданной по воспоминаниям, является разработка Карлова университета и Чешской академии наук *Attentat 1942* (2017 г.). Это игра-повествование о нацистской оккупации территории Чехословакии в 1942 г., рассказанное с точки зрения выживших и представленное в интерактивном формате, где сочетаются личные воспоминания, комиксы, аутентичные кадры, а также кинематографические интервью, подкрепленные исследованиями, написанными профессиональными историками. Реалистичные элементы игры прерываются интерактивными комиксами, которые вписывают игру в пространство массовой культуры и делают ее более понятной и привлекательной для молодежной аудитории. Рассчитывая ознакомить молодых людей с ужасными историями Второй мировой войны, трагическими судьбами людей, ее переживших, разработчики игры применяют инструменты хисторихакинга, вписывая историю в современный формат.

Еще более ярко выражен данный подход к производству игр исторической тематики в компьютерной игре *My Memory of Us* (2018 г.) от команды польских разработчиков «Juggler Games». Игра представлена как воспоминание о дружбе между мальчиком и девочкой, которая объединяла их в трудные времена Второй мировой войны. Она использует тот же визуальный стиль, что и знаменитый художественный фильм «Список Шиндлера» (1993 г.) режиссера Стивена

⁴⁷² Инди-разработчик создает игру, основываясь на воспоминаниях своей бабушки о Второй мировой войне // URL: <https://genapilot.ru/indi-razrabotchik-sozdajot-igru-osnovyvajas-na-vospominanijah-svoej-babushki-o-vtoroj-mirovoj-vojne> (дата обращения: 25.04.2023).

Спилберга, ставший кинематографическим мемориалом Холокоста, а именно, черно-белую цветовую палитру с редкими вкраплениями красного (девочка, главная героиня игры, одета в красное пальто). Солдаты, выступающие антагонистами героев игры, изображены в стиле нацистских войск, но роботизированными. Здесь образы массовой культуры отчетливо проявились в репрезентации трагедии Второй мировой войны, что делает ее более близкой и удобной для восприятия современными геймерами, но в то же время, они «взламывают» и трансформируют историческую реальность.

Однако историческая инди-игра есть нечто большее, чем исторический манифест автора. Благодаря распространению инди-игр влияние картин истории разработчиков на представления пользователей дополняется каналам обратной связи. Так как эти игры обладают открытым исходным программным кодом, они не имеют операционных ограничений со стороны издателей или творческих ограничений, связанных с обладанием авторских прав. Поэтому любой разработчик-любитель может создать модификацию к существующей программной игре, изменив любую ее часть, дизайн, воссоздав любую виртуальную реальность. Воссоздание и переосмысление исторической реальности в подобных компьютерных играх не менее популярно, чем создание других виртуальных миров.

Итак, подвести итог анализа можно следующим образом: сегодня исторические компьютерные игры становятся важным агентом формирования представлений о прошлом. Игровая индустрия располагает огромным количеством продуктов исторической тематики, приобщающих пользователей к историческому знанию в развлекательном игровом формате. Можно даже говорить о геймификации истории как об одной из стратегий в политике памяти. Кинофильмы, музейные экспозиции, преподавание истории, историческая реконструкция очень часто строятся на использовании приемов игры.

Основные тренды в исторической геймификации задают крупные корпорации игровой индустрии, транслируя пользователям определенное видение исторических событий, тем самым проводя политику памяти. В

большинстве случаев пользователи находятся под влиянием той или иной интерпретации истории, даваемой в играх, в которые они играют, однако в случаях, когда эта интерпретация идет в разрез с их устоявшимися представлениями, господствующей политикой памяти или желанием рассказать собственную историческую правду, они имеют возможность создать альтернативную виртуальную историческую реальность, используя практику создания инди-игр.

Инди-игры на историческую тематику являются разновидностью хисторихакинга, объектом которого становятся образы прошлого. Создавая новые формы объективации таких образов с возможностью глубокого эмоционального погружения и учетом индивидуального восприятия, хисторихакинг становится важным приемом, нарушающим монополию на память в цифровом обществе.

Сравнивая инди-игры и компьютерные игры, созданные крупными корпорациями, можно отметить их принципиальную неразличимость по степени воздействия на аудиторию, а также практике формирования и поддержания медиапамяти. Пользователи, не интересующиеся издателями компьютерных игр и их авторами, могут вообще не различать, в игру какого типа они играют. В то же время важно, что индустриальные игры рассчитаны на коммерческий успех, а потому вынуждены ориентироваться на существующую систему ценностей своей целевой аудитории, так или иначе учитывая основные исторические представления, господствующие в массовом сознании, т. е. они скорее не создают память, а поддерживают те образы прошлого, которые уже сложились. Авторы инди-игр ориентируются только на свои собственные знания и фантазию, поэтому вполне свободно могут предлагать новую историческую реальность, которая, когда игра сделана талантливо, может захватить умы многих и влиять на представления о событиях истории. Примеров таких игр пока мало, но в перспективе они могут стать важным способом культурного производства.

Вывод: компьютерные игры реконструируют исторические события, воссоздают культуру и повседневность прошлого, но, в то же время, трансформируют историю в угоду игровым условностям. Исторический материал, представленный в форме компьютерной игры, способен влиять на формирование медиапамяти. Анализ компьютерных игр показал, каким образом они воспроизводят реальные исторические события, воссоздают повседневность, опираются на ментальные характеристики народов, формируя образы прошлого, соответствующие исторической достоверности. Вольная интерпретация истории и мифов в сочетании со стереотипами массовой культуры создает игровой продукт, оказывающий влияние на медиапамять. Реалистичность игр с исторической тематикой не является определяющей характеристикой степени влияния на идентичность современных сообществ. Игры с воображаемыми историческими мирами также эффективно конструируют медиапамять, как и нарративы о реальном прошлом.

Заключение по 4 главе: фейки и интернет-мемы можно назвать наиболее характерными медийными феноменами постправды, определяющими суть этого явления. Оба термина получили широкое распространение в медиасреде и стали предметом анализа научных исследований, в то же время, ни тот не другой не получили однозначной трактовки. Фейки и интернет-мемы в цифровом обществе являются распространённым элементом социальной коммуникации, поэтому они крайне важны для понимания современной когнитивной картины мира индивида. В силу данного положения вещей вклад социальных медиа, ориентированных на изображение и обеспечивающих визуальным рядом большинство сетевых медиатекстов, в конструирование представлений о прошлом представляется огромным. Интернет-пользователи воспроизводят образы прошлого и создают историческое обыденное знание, компилируя находящиеся в Сети источники информации, наделяя их оценочными эмоциональными суждениями. Если эмоции и оценки сообщения на историческую тематику близки к аналогичным читателя, если автор осуждает тех же, кого осуждает читатель за те же самые поступки, которые они находят

возмутительными, реципиент легко принимает реальность утверждаемых автором фактов, не утруждая себя их проверкой. Все это является коммуникационным механизмом появления фейков и интернет-мемов, в том числе, на историческую тематику.

В основе исторического фейка сетевого формата может лежать фальсификация исторического источника, служащего «неоспоримым» доказательством какого-либо исторического события или теоретического положения, эмоциональное высказывание на историческую тему, которое выражает определенные стереотипы и убеждения, не имеющие отношения к реальности, или фейковые (поддельные либо отредактированные графическими способами) исторические фотографии, которые, обладая силой документального свидетельства, якобы представляют визуальное подтверждение фальсифицируемых событий. Фальсифицироваться в фейковом сообщении может любой элемент или все они в совокупности. Кроме того, появление исторического фейка всегда направлено на сенсационность, достигаемую через персонификацию (связь с известной и часто неоднозначной исторической личностью), гиперболизацию, драматизацию, фамильярность, радикализм, дезориентацию и обращение к табуированной в обществе тематике.

Темами исторических интернет-мемов очень часто являются факты прошлого, востребованные повесткой дня и эмоционально воздействующие на общество. Причем достоверность фактов не играет особой роли, что роднит мемы с фейками. В виде интернет-мемов могут выступать афористичные высказывания исторических личностей либо высказывания современников на историческую тематику, также основой для создания мемов служат ключевые события истории, имеющие важнейшее значение для развития государства и общества. Интернет-мем используется как новая форма передачи мифоинформации (от целых мифов до единичных мифем и мифологем) в рамках процессов мифологизации поворотных моментов истории. В них за основу ключевого сообщения исторического характера, передающего мифологизированную информацию, берется персонифицированный образ

исторического деятеля, так как основным компонентом интернет-мема является визуальный образ.

Для массового социального мышления, вынужденного оперативно реагировать на изменения политической (как внутренней, так и внешней) и социальной обстановки, создание фейков и интернет-мемов становится потребностью, через которую индивиды выражают свою субъективную позицию по ключевым вопросам, волнующим общественность. Исторические фейки и интернет-мемы появляются в условиях экономии времени и мышления, когда историческая информация, претендующая на новизну, создается путем применения аналогий и проведения исторических параллелей. Достоверность получаемой исторической информации для интернет-пользователей, живущих в эпоху постправды, становится не важна. Мемы и фейковые исторические сообщения, будучи эмоционально близки им, воспринимаются как часть исторического знания, которое прочно закрепляется в их сознании, формируя медиапамять и мировоззренческие позиции.

Одним из наиболее распространенных цифровых способов виртуальной реконструкции и репрезентации исторических событий являются компьютерные игры. Они позволяют создавать воображаемые исторические миры, в которых можно как отображать историческую реальность, так и видоизменять ее по усмотрению гейм-дизайнера или игрока. Компьютерные игры на историческую тематику являются эффективным способом постижения истории. Погружаясь в игру, пользователь приобретает персональный личностный опыт познания прошлого. Проходя виртуальные миры, он знакомится с историей повседневности, историческими событиями и делает их частью своей индивидуальной памяти. В играх же он может, оставаясь в историческом сеттинге менять характеристики прошлого и исторические детали, создавая свои собственные пространства истории. Реконструкции в играх подлежат в первую очередь внешние аспекты социальных практик. Сложные мировоззренческие феномены реконструируются с гораздо меньшей степенью детализации, на основе поляризации антитезы «свой-чужой», упрощения и гиперболизации.

Культура исторических компьютерных инди-игр построена на феномене ностальгии. Они стали отличной возможностью вернуться в Прошлое, погрузиться в Историю, почувствовать себя участником исторических событий и даже их творцом, так как создание и изменение игр позволяет воссоздавать любую историческую действительность. Одной из главных особенностей инди-игр является их меметичность. Можно сказать, что сами по себе инди-игры являются сложными интернет-мемами, поскольку обладают вирусной природой и распространяются по Сети с невероятной скоростью. Популярность инди-игр обеспечивают используемые в них яркие образы и ощущения, которые легче всего запоминаются публикой.

Игровые компьютерные миры исторических игр не являются репрезентациями социальной истории, воспроизводя общую логику игр, они представляют собой аллегории мира, переделанного в игровое пространство. Насилие над историей выступает основой хисторихакинга, такого изменения исторического знания, пригодного для удовлетворения социального запроса на актуальную память о прошлом, которое не требует учета достоверности этого знания. Компьютерные игры по исторической тематике тяготеют к полному воссозданию социокультурного контекста эпохи, вольно относясь к реальным событиям, чтобы позволить пользователю менять их, а, значит, переживать как свои собственные, случившиеся лично с ним. Основанные на личностных переживаниях и массовых стереотипах компьютерные игры стали объектом хисторихакинга, который можно назвать важнейшим инструментом конструирования медиапамяти в цифровом мире.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование роли и значения медиапамяти в воспроизводстве и трансляции представлений о прошлом позволило выявить неоднозначные процессы социального конструирования коллективной памяти в цифровую эпоху. В ходе исследования была достигнута основная цель, заключающаяся в создании системной социально-философской концепции медиапамяти. Синтез социальной теории, современных социально-философских концепций цифрового общества, исследовательских стратегий социальной философии, направленных на изучение коллективной памяти и теории коммуникации использовался для того, чтобы выявить децентричную и полисубъектную динамику цифровой медиапамяти, установить социальную специфику смены традиционных институтов памяти медийными сетевыми практиками воссоздания исторической реальности и вскрыть процессы формирования механизмов распределения потоков исторического контента в цифровой медиасреде. Исследование было реализовано в социально-философском ключе, открывающем широкие возможности комплексно проанализировать основополагающие практики конструирования медиапамяти в современной цифровой среде, исследовать особенности и механизмы их воздействия на коллективную память, оценить масштаб их влияния на коммеморативное пространство.

Рассмотрение методологического инструментария изучения образов прошлого и конструирования медиапамяти в цифровую эпоху было подчинено исследованию коммуникационного пространства цифрового общества, новых платформ производства исторического знания и коллективно-разделяемых представлений о прошлом. Эти платформы получили название социально-эпистемических арен, в рамках которых историческое знание вырабатывается различными акторами: учеными — профессиональными историками, массами интернет-пользователей, использующими технологии краудсорсинга и нечеловеками (цифровыми технологиями и цифровыми медиа),

осуществляющими конвергенцию истории и памяти, превращая их в новую форму воспроизводства образов прошлого.

Изучение процессов конструирования представлений о прошлом в медиасреде показало необходимость введения термина медиапамять, под которым понимается новая форма коллективной памяти, формируемая с помощью медиа. Медиапамять была определена как цифровая система хранения, преобразования, производства и распространения информации о прошлом, на основе которой формируется коллективная память индивидов и общностей. Ее можно рассматривать как виртуальный социальный механизм запоминания и забвения, он имеет возможность предоставлять разнообразные формы репрезентации истории в пространстве повседневности, расширять практики представления прошлого и коммеморации, а также увеличивать количество создающих и потребляющих мемориальный контент. С позиций исторической эпистемологии также наблюдается появление новых способов познания прошлого. Это приводит к перераспределению исторического знания от ученого сообщества к обывателям, интересующимся историей. Медиапамять является инструментом такого перераспределения.

Поскольку участие в производстве и поддержании медиапамяти имеет минимальные цензы, в основном связанные с медиаграмотностью, преодолимые для большинства населения планеты, ее можно назвать демократичной. Медиапамять создается на основе свободного выражения мыслей и чувств широкодоступными языковыми средствами. Пользовательские фотографии и документальные свидетельства играют одинаково важную роль в формировании представлений о прошлом наряду с субъективным восприятием действительности и оценочными высказываниями. Историческая информация, производимая и распространяемая индивидами, служит целям потребления лично ими самими, на основе ее индивид формирует свою собственную идентичность и мировоззренческую позицию.

Важнейшим теоретическим достижением исследования стало применение коммуникационного подхода к анализу коллективной памяти, что было только

намечено в работах Я. Ассмана, Дж. Фентресса и К. Уайкема. В зарубежной и отечественной науке предпринимались попытки проанализировать процессы производства образов прошлого традиционными медиа, но они не носили систематического характера, также исследованиям подвергались лишь отдельные коммуникационные каналы и жанры социальных медиа, поэтому выводы в этих работах оказывались неполными и противоречивыми.

В данном исследовании было показано, что социальные медиа стали частью коммеморативного пространства, в котором происходит производство исторических знаний и формирование медиапамяти усилиями интернет-пользователей, применяющих цифровые технологии и методы краудсорсинга. Работа по изучению коммуникационных символических элементов медиапамяти проводилась на стыке направлений *media studies*, *meme studies*, *game studies* и *memory studies*, что позволило углубить знания о взаимодействии различных сфер виртуальной цифровой реальности и вписать процесс исследования образов прошлого в контекст медиального поворота и цифровой гуманитаристики.

В фокусе исследования оказался коммуникационный процесс включения цифровых технологий в социальное конструирование медиапамяти. Центром исследовательского внимания стало бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, которое вовлекло массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого. Массированные информационные потоки исторического контента, создаваемые обывателями, не только стали новым фактором влияния на коллективные и индивидуальные идентичности, но и создали благоприятные условия для мемориальных войн.

Важнейшим эмпирическим достижением исследования стало дальнейшее расширение конкретных знаний об особенностях медийной российской исторической культуры и политики памяти. Впервые комплексному анализу на предмет выявления устойчивых представлений о прошлом подверглись фейки, интернет-мемы, селфи, фанфики, компьютерные игры, цифровые проекты, тогда как существующие зарубежные и отечественные исследования в основном

ограничиваются рассмотрением платформ «Wikipedia» и «YouTube». Проведенное исследование позволяет наметить точки пересечения с зарубежными исследованиями коллективной памяти и социальных медиа в философии, социологии, антропологии и исследованиях культуры (cultural studies).

Концептуализация понятия медиапамять позволяет положить конец методологическому плюрализму в исследованиях коллективных представлений о прошлом. Использование исследователями различных исследовательских подходов к изучению феномена коллективной памяти увеличивает количество работ данной тематики, но не приближает к его раскрытию и адекватному описанию, соответствующему современному положению. Термин медиапамять имеет потенциал заменить такие понятия как коммуникативная, культурная, социальная и историческая память, применявшиеся для характеристики процессов конструирования прошлого доцифровой эпохи, но неподходящих для эпохи, когда исторические представления создаются при помощи цифровых технологий и медиа. Конкурирующим с медиапамятью понятием является термин цифровая память, но ее нужно рассматривать скорее как память машин и электронных хранилищ информации, чем как живую социальную ткань сообществ, интегрированных в медиaprостранство.

Перспективными в исследовании социально-философских проблем медиапамяти могут быть такие направления как: исследование структуры и уровней медипамяти, анализ коммуникационных рисков, создаваемых конфликтным потенциалом ее специфических элементов, таких как фейки, цифровые мифы, лженаука, а также влияние новых цифровых технологий и сервисов социальных медиа на трансформацию образов прошлого. Одной из главных научных проблем в данной области является исследование влияния политики памяти, социального контроля и используемых манипулятивных приемов на восприятие образов прошлого, навязываемых массам отдельными акторами. Теория медиапамяти утверждает активное участие масс в конструировании представлений о прошлом, но насколько долго они

существуют в общественном сознании и с какой эффективностью влияют на принятие социальной реальности, все это нуждается в дальнейшем исследовании.

Данные положения открывают перспективы социально-философских, политических, социологических, культурологических, исторических исследований, направленных на изучение новых социальных и коммеморативных практик конструирования исторической реальности, построенных на гармоничном взаимодействии отдельного индивида с массами и цифровыми технологиями.

Список литературы

1. Абрамов, Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования / Р. Н. Абрамов // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 5. – С. 108-120. – DOI 10.31857/S086904990006566-4.
2. Аванесов, С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? / С. С. Аванесов // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. – 2014. – № 1(1). – С. 10-22.
3. Агеева, Г. М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях / Г. М. Агеева // *Вестник Томского государственного университета*. – 2012. – № 363. – С. 68-74.
4. Аккерманн, Ф., Аккерманн, Я., Литтке, А., Ниссер, Ж., Томанн, Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого [Электронный ресурс] / Ф. Аккерманн, Я. Аккерманн, А. Литтке, Ж. Ниссер, Ю. Томанн // *Неприкосновенный запас*. – 2012. – № 3(83). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/a19.html> (дата обращения: 20.11.2021)
5. Александер, Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Д. Александер, Д. Ю. Куракин // *Социологический журнал*. – 2012. – № 3. – С. 5-40.
6. Амзин, А. А. Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016 / А. А. Амзин, А. Н. Галустян, Д. Ю. Кульчицкая. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.
7. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; Пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с.
8. Аникин, Д. А. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: методологические основания исследования / Д. А. Аникин // *Logos et Praxis*. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 32-39. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2017.3.5.

9. Аникин, Д. А. Политика памяти в сетевом обществе: риски и перспективы / Д. А. Аникин // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 12(35). – С. 77-79.
10. Аникин, Д. А. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования / Д. А. Аникин, О. В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 78-84. – DOI 10.17223/15617793/425/10.
11. Аникин, Д.А. Пространство социальной памяти: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Аникин Даниил Александрович; [Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2008. – 20 с.
12. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 612 с
13. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит; [пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 491 с.
14. Арнаутова, Ю. А. Культура воспоминания и история памяти / Ю. А. Арнаутова // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Институт всеобщей истории Российской академии наук, Государственный университет гуманитарных наук; под редакцией Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2006. – С. 47-55.
15. Артамонов, Д. С., Тихонова, С. В. "Безжалостная милостивая Лета" Б. Мелкевика: коллективная ответственность и культура отмены в мемориальных войнах / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2(12). – С. 15-21. – DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-15-21.
16. Артамонов, Д. С., Тихонова, С. В. Историческая лженаука как феномен современной медиасферы / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Диалог со временем. – 2018. – № 65. – С. 317-335.

17. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
18. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; составление, пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
19. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
20. Ассман, Я. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 223 с.
21. Афанасов, Н. Б. Генри Дженкинс и фанфик по теории медиа / Н. Б. Афанасов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2019. – № 3. – С. 250-263. – DOI 10.24411/2658-7734-2019-10033.
22. Афанасьев, И. Тихонова, С. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования / И. Афанасьев, С. Тихонова // *Власть*. – 2007. – № 1. – С. 65-70.
23. Балашевич, Л. И. Трансгималайский сказочник с точки зрения ученого-офтальмолога / Л. И. Балашевич // *В защиту науки*. – 2008. – № 3. – С. 92-93.
24. Бараш, Р. Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде / Р. Э. Бараш // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2017. – Т. 5, № 4(20). – С. 124-151. – DOI 10.19181/snsp.2017.5.4.5523.
25. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.
26. Батищев, Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы /

Р. Ю. Батищев // *Tempus et Memoria*. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 34-42. – DOI 10.15826/tetm.2021.1.005.

27. Белов, С. И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) / С. И. Белов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 96-104. – DOI 10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104.

28. Белоусов, Е. В. Так сколько же лет человечеству? / Е. В. Белоусов // *Вестник Российской академии наук*. – 2007. – Т. 77, - № 1. – С. 43-49.

29. Беньямин, В. О понятии истории / В. Беньямин // *Новое литературное обозрение*. – 2000. – № 4. – С. 81-90.

30. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания / Питер Бергер, Томас Лукман. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

31. Бергсон, А. Материя и память // *Собрание сочинений: в 4 т.* / Анри Бергсон. - Москва: Московский клуб, 1992. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память / [авт. вст. ст. И. И. Блауберг]. – 1992. – 325 с.

32. Бибикина, Л.В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки / Л. В. Бибикина // *Тетради по консерватизму*. – 2015. – № 3. – С. 59-71.

33. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.

34. Бойм, С. Ю. Будущее ностальгии / С. Ю. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 120.

35. Бородкин, Л. И. Историк и мир (больших) данных: вызовы цифрового поворота / Л. И. Бородкин // *Историческая информатика*. – 2019. – № 3(29). – С. 14-30. – DOI 10.7256/2585-7797.2019.3.31383.

36. Бородкин, Л. И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science / Л. И. Бородкин // *Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информации : Труды IX конференции*

Ассоциации "История и компьютер", Москва, 22–25 апреля 2004 года / Редакторы: Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров. – Москва: Алтайский государственный университет, 2005. – С. 7-21.

37. Бородкин, Л. И. Историческая информатика: перезагрузка? / Л. И. Бородкин, И. М. Гарскова // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – № 2(16). – С. 5-11.

38. Бородкин, Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма / Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история. – 1998. – № 5. – С. 3-16.

39. Бряник, Н. В. Историческая эпистемология и культурно-исторический подход в гносеологии / Н. В. Бряник // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 24, № 2. – С. 112-129.

40. Бубнов, А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере / А. Ю. Бубнов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 3-12.

41. Бурдье, П. Социология социального пространства: пер. с фр. / Пьер Бурдье; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. – Москва; Ин-т эксперим. социологии; Алетейя. Ист. кн., 2005. – 288 с.

42. Буряк, М. А. Медиафера: концептуализация понятия / М. А. Буряк // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2014. – № 2. – С. 200-212.

43. Быльева, Д. С. Игры со временем / Д. С. Быльева, В. В. Лобатюк, А. С. Заморев // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2019. – № 4. – С. 72-85. – DOI 10.24411/2658-7734-2019-10037.

44. Вавилов, Н. А. Виртуальные пользователи в социальных сетях / Н. А. Вавилов // Информационные технологии в современном мире - 2016: материалы XIII Всероссийской студенческой конференции, Екатеринбург, 06 мая 2016 года / под науч. ред. Н. В. Хмельковой. – Екатеринбург: Автономная некоммерческая

организация высшего образования "Гуманитарный университет", 2016. – С. 21-22.

45. Ваксберг, А. И. Из ада в рай и обратно: Европейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну / Аркадий Ваксберг. – Москва: Олимп, 2003. – 491 с.

46. Валевиц, Е. С. Эволюция коллективности в аспектах массы, толпы и вождизма / Е. С. Валевиц // Ценности и смыслы. – 2014. – № 5(33). – С. 106-110.

47. Варбург, А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / Аби Варбург; [сост. и пер. с нем. Е. Козиной, пер. с итал. Н. Булаховой; пер. с латин. Д. Захаровой]. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. – 381 с.

48. Вархотов, Т. А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий / Т. А. Вархотов // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51, № 1. – С. 33-38. – DOI 10.5840/eps20175114.

49. Васильев, А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 2. – С. 141-167.

50. Васильев, А. Теория социальной памяти Аби Варбурга. Между философией культуры и историей искусства / А. Васильев // Искусствознание. – 2009. – № 1-2. – С. 16-39.

51. Вассович, А. Л. По поводу статьи М.М. Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей / А. Л. Вассович // Вопросы истории, естествознания и техники. – 1984. – № 2. – С. 114-125.

52. Веряскина, В. П. Современные решения проблемы индивидуальности в контексте методологии исследования исторического развития В.Ж. Келле / В. П. Веряскина // Личность. Культура. Общество. – 2021. – Т. 23, № 1-2(109-110). – С. 48-57. – DOI 10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_48_57.

53. Визинг, Л. Шесть ответов на вопрос: «Что такое медиафилософия?» / Л. Визинг // Антология медиафилософии. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 219–226.

54. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. – М. – Киев: «REFL-book»-«НСА», 1994. – 369 с.
55. Владимиров, В. Н. За цифровым поворотом: история продолжается / В. Н. Владимиров // Историческая информатика. – 2019. – № 3(29). – С. 31-42. – DOI 10.7256/2585-7797.2019.3.31023.
56. Волкова, Г. Е. Судебная защита "права на забвение" в современной России: вопросы теории и практики / Г. Е. Волкова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 165-171. – DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-2-19
57. Володин, А. Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху / А. Ю. Володин // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2015. – № 8(41). – С. 2.
58. Володихин, Д. М. «Тяжелое дело – писать легко». Адресат высказываний современного российского историка / Д. М. Володихин // Диалог со временем. – 2012. – № 38. – С. 345-352.
59. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3(23). – С. 73-78.
60. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-36] Б. Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – 699 с.
61. Гарскова, И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09 / Гарскова Ирина Марковна; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. – Москва, 2018. – 50 с.
62. Гарскова, И. М. Базы данных и квантитативная история / И. М. Гарскова // Материалы Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко, Москва, 02–03 декабря 1996 года / Ответственный редактор С. П. Карпов. – Москва: Издательство объединения Мосгорархив, 1997. – С. 114-121.

63. Гарскова, И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке / И. М. Гарскова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2011. – № 4. – С. 110-124.

64. Гарскова, И. М. Квантитативная история и историческая информатика: эволюция взаимодействия / И. М. Гарскова // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 77-92.

65. Гигаури, Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности / Д. И. Гигаури // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-1(60). – С. 59-64.

66. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. – 190 с.

67. Гобозов, И. А. Философия истории: проблемы и перспективы / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 1997. – № 2. – С. 162-192.

68. Голованова, Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5(360). – С. 135-141.

69. Головашина О. В. Короткая память: представления о прошлом в условиях современной темпоральной трансформации / О. В. Головашина. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – 118 с.;

70. Головашина, О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом / О. В. Головашина // *Tempus et Memoria*. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 43-52. – DOI 10.15826/tetm.2021.1.006.

71. Головашина, О. В. Факт и цифра: станут ли цифровые методы новой теорией исторической эпистемологии? / О. В. Головашина // Вопросы истории. – 2022. – № 9-1. – С. 31-43. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi07

72. Головашина, О. В. Социальная память как способ овладения временем / О. В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 92-96.

73. Голубинская, А. В. Цифровой поворот в теории познания / А. В. Голубинская // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 25–26 января 2019 года / Под редакцией В. С. Слобожниковой, И. В. Сулова. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 22-29.

74. Голубцова, Е.С., Завенягин, Ю.А. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира / Е. С. Голубцова, Ю. А. Завенягин // Вопросы истории. – 1983. – № 12. – С. 63-83.

75. Голубцова, Е.С., Кошеленко, Г.А. История древнего мира и "новые методики" / Е. С. Голубцова, Г. А. Кошеленко // Вопросы истории. – 1982. – № 8. – С. 70-82.

76. Голубцова, Е. С., Смирин, В. М. О попытках применения "новых методов статистического анализа" к материалу древней истории / Е. С. Голубцова, В. М. Смирин // Вестник древней истории. – 1982. – № 1. – С. 171-195.

77. Городецкий, Г. «Миф Ледокола»: Накануне войны / Г. Городецкий. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 352 с.

78. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, № 4. – С. 31-50.

79. Грибан, И. В. «Фюрер в каждом из нас»: образ А. Гитлера и "преодоление прошлого" в современной Германии / И. В. Грибан // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3(53). – С. 158-166. – DOI 10.18503/1992-0431-2016-3-53-158-166.

80. Грибан, О. Н. Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх / О. Н. Грибан // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 2. – С. 32-38.

81. Гришечкина, Н. В., Тихонова, С. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху / Н. В. Гришечкина, С. В. Тихонова // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55, № 2. – С. 123-138. – DOI 10.5840/eps201855233.
82. Грызун, В. Как Виктор Суворов сочинял историю / В. Грызун. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 608 с.
83. Гудков, Л. Д. Время и история в сознании россиян. Часть II / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 2 (104). – С. 13-61.
84. Гуреева, А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А. Н. Гуреева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 192-208.
85. Гусева, Н. С. Математизация исторической науки: становление клиометрии в исторической науке во второй половине XX в / Н. С. Гусева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 87-90.
86. Демин, И. В. Кино как симуляция исторической реальности в концепции Жана Бодрийяра / И. В. Демин // Вояджер: мир и человек. – 2018. – № 10. – С. 105-110.
87. Джонсон, Д., Малинова, О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России / Д. Джонсон, О. Ю. Малинова // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15-41. – DOI 10.31249/poln/2020.02.01.
88. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29-55.
89. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 56-76.
90. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Институт всеобщей истории Российской академии наук, Общество

интеллектуальной истории, Государственный университет гуманитарных наук; под редакцией Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2008. – 799 с.

91. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; [Перевод М. Л. Гаспарова; Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев, с. 3-54]; АН СССР, Ин-т философии. - 2-е изд., испр. – Москва: Мысль, 1986. – 570 с.

92. Дмитриев, А. В., Сычев, А. А. Скандал: социофилософские очерки / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – М.: ЦСП и М, 2014. – 322 с.

93. Донцев, С. П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России / С. П. Донцев // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 91-105. – DOI 10.31249/poln/2018.03.05.

94. Дружба, О. В., Дружба, К. Г. Медиатизация истории и проблема идентичности российского социума / О. Дружба, К. Г. Дружба // Новые медиа сегодня: развитие территорий: материалы II международной научно-практической конференции: электронный ресурс, Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 года. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2015. – С. 285-289.

95. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского Алексея Аполлонова и Татьяны Котельниковой. – Москва: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2018. – 732 с.

96. Дюркгейм, Э., Мосс, М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Э. Дюркгейм, М. Мосс // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Марсель Мосс; сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А. Б. Гофмана. – Москва: Книжный дом - Университет (КДУ), 2011. – С. 6–73.

97. Елисеев, Г. А. Историк России, которого не было / Г. А. Елисеев // Русское Средневековье. – 1998. – Вып. 2. – М., 1999. – С. 94–109.

98. Ефременко, Д. В., Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. Политика памяти и историческая наука / Д. В. Ефременко, О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128-140. – DOI 10.31857/S086956870001569-6.

99. Ефремова, В. Н. Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? / В. Н. Ефремова // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2016. – № 5. – С. 93-98.

100. Жарчинская, К. А. Миф и историческая память: образы славянской «традиции» в социальных сетях / К. А. Жарчинская // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 4(30). – С. 97-103.

101. Железняк, В. Н. Наука без ученой степени / В. Н. Железняк // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2017. – № 1. – С. 37-44. – DOI 10.15593/perm.kipf/2017.1.05.

102. Задирко, Е. «Период застоя»: статья в Википедии как форма исторического знания в публичном пространстве. «История ножниц и клея?» Сетевое «историческое прошлое» и стратегии его создания [Электронный ресурс] / Е. Задирко // Гефтер. [Сайт]. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/22911> (дата обращения: 12.11.2021).

103. Зверева, Г. И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube / Г. И. Зверева // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 4-2. – С. 323-337. – DOI 10.31862/2073-9613-2019-4-323-337.

104. Зорин, А. Л. Современные западные политики как фальсификаторы исторической памяти народов Европы относительно причин Второй мировой войны / А. Л. Зорин // Культура и время перемен. – 2020. – № 3(30). – С. 29.

105. Зотов, В. В., Лысенко, В. А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества / В. В. Зотов, В. А. Лысенко // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 53-55.

106. Иванов, А. Г., Полякова, И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа / А. Г. Иванов, И. П. Полякова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 1(33). – С. 5-15. – DOI 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15.

107. Иванов, А. Реконструкция как форма активизации исторической памяти [Электронный ресурс] / А. Иванов // Ратоборцы [Сайт]. Режим доступа: <http://blog.ratobor.com/agency/2016/11/rekonstrukciya-kak-forma-aktivizacii-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения: 12.01.2023).

108. Иванов, П. В. Компьютерные игры как средство визуализации познавательной активности на уроках истории / П. В. Иванов // Учитель создает нацию: Сборник материалов III международной научно-практической конференции, Грозный, 20 ноября 2018 года. – Грозный: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2018. – С. 254-258.

109. Илизаров, Б. С. Социальная память и архивы: историографический и практический аспекты / Б. С. Илизаров // Отечественные архивы. – 2021. – № 4. – С. 18-31.

110. Илизаров, Б. С. Социальная память человечества: структуры и формы [Электронный ресурс] / Б. С. Илизаров // Гефтер [Сайт]. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/12244> (дата обращения: 12.01.2023).

111. Ильченко, С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики / С. Н. Ильченко // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 70-76. – DOI 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76.

112. Ильченко, С. Н. Эстетика обмана в медийном масскульте / С. Н. Ильченко // Век информации. – 2018. – № 2-1. – С. 81-83.

113. Ильченко, С.Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации / С. Н. Ильченко // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 22. – № 3 (153). – С. 14-18.

114. Инишев, И. Н. "Иконический поворот" в теориях культуры и общества / И. Н. Инишев // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 184-211.

115. Инишев, И. Н., Бедаш, Ю. А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры / И. Н. Инишев, Ю. А. Бедаш // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – № 1(7). – С. 9-25.

116. Исаев, Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля / Е. М. Исаев // Вестник Пермского университета. История. – 2016. – № 2(33). – С. 7-13. – DOI 10.17072/2219-3111-2016-2-7-13.

117. Исследование коммуникативных практик научно-образовательных организаций РФ (РВК; SPN Communications) // Официальный сайт Центра комплектования образовательных учреждений и библиотек. [М., 2014]. Режим доступа: <http://www.xn--80adicoibgipreej9b.xn--p1ai/news/759> (время доступа 17.01.2023).

118. Историческая эпистемология: проблемы и перспективы / Научн. ред. и сост. Л. В. Шиповаловой. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. – 133 с.

119. История и антиистория: критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. – М.: «Языки славянской культуры», 2001. – 619 с.

120. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Институт всеобщей истории Российской академии наук, Государственный университет гуманитарных наук; под редакцией Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2006. – 763 с. – ISBN 5-7396-0099-5.

121. Ищенко, Е. Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии / Е. Н. Ищенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 2(20). – С. 16-27.

122. Йейтс, Ф. Искусство памяти / Ф. Йейтс. – СПб.: «Фонд поддержки науки и образования "Университетская книга"», 1997. – 479 с.

123. Калиниченко, М. О. Сокращение indie как наименование культурного и музыкального направления в рецензиях сайта Pitchfork.com / М. О. Калиниченко, В. И. В И Бортников // Лингвистика: от теории к практике: Сборник статей III Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 01–31 марта 2016 года / М. О. Гузикова (ответственный редактор). – Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. – С. 41-45.

124. Карякин, П. П. Историческая память в компьютерных играх / П. П. Карякин // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов, Калининград, 09–12 ноября 2017 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. – С. 24-27.

125. Касавин, И. Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. № 2. – С. 6–20.

126. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 7, № 1. – С. 5-15.

127. Касавин, И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии / И. Т. Касавин. – СПб.: Издательство РХГИ, 2000. – 320 с.

128. Касавин, И. Т. Эпистемология и историческое сознание / И. Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 3. № 1. – С. 5–14.

129. Касавина, Н. А. "Digital Existence": цифровой поворот в понимании человеческого бытия / Н. А. Касавина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 73-89. – DOI 10.5840/dspl20203441.

130. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Мануэль Кастельс; [Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова]. – Екатеринбург: У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – 327 с.

131. Кириченко, В. В. «Энциклопедические игры» как способ исторической рефлексии / В. В. Кириченко // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2019. – № 4. – С. 130-152. – DOI 10.24411/2658-7734-2019-10040.

132. Кирчанов, М. В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) / М. В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке*. – 2016. – № 3(21). – С. 73-86.

133. Козлов, В. П. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII-XIX вв.: пособие для преподавателей и студентов вузов / В. П. Козлов. – Москва: Издательство Аспект-Пресс, 1996. – 269 с.

134. Козлов, Д. В. Массовое политическое поведение в современной России в свете концепции ресентимента / Д. В. Козлов // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 1. – С. 85-98. – DOI 10.17976/jpps/2017.01.08.

135. Колеватов, В. А. Социальная память и познание / В. А. Колеватов. – Москва: Мысль, 1984. – 190 с.

136. Комплеев, А. В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве / А. В. Комплеев // *Tempus et Memoria*. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 53-58. – DOI 10.15826/tetm.2021.1.007.

137. Компьютерная историческая реконструкция / И. Е. Еремин, М. К. Боднарюк, А. В. Вишневецкий, А. Н. Черкасов // *Ученые заметки ТОГУ*. – 2016. – Т. 7, № 3-1. – С. 111-116.

138. Конопкин, А. М. Когнитивные и социальные предпосылки псевдонауки : специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Конопкин Алексей Михайлович. – Самара, 2010. – 20 с.

139. Копосов, Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.

140. Копосов, Н. Е. Как думают историки / Н. Копосов. – М.: НЛЮ, 2001. – 326 с

141. Косыхин, В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна / В. Г. Косыхин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 393-397. – DOI 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397.

142. Котунова, О. В. Историческая память и этика дискурса: перспектива взаимодействия / О. В. Котунова // Философия и общество. – 2021. – № 1(98). – С. 93-113. – DOI 10.30884/jfio/2021.01.05.

143. Круткин, В. Л. Кит Мокси: о визуальных исследованиях и иконическом повороте / В. Л. Круткин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 30-36.

144. Кучма, В. Р., Текшева, Л. М., Вятлева, О. А., Курганский, А. М. Физиолого-гигиеническая оценка восприятия информации с электронного устройства для чтения (ридера) / В. Р. Кучма, Л. М. Текшева, О. А. Вятлева, А. М. Курганский // Гигиена и санитария. – 2013. – Т. 92, № 1. – С. 22-26.

145. Лабуш, Н. С. К вопросу о теории информационной войны в конфликтологической парадигме / Н. С. Лабуш // Конфликтология. – 2014. – № 4. – С. 105-128.

146. Ланская, Д. В., Гергель, А. В., Жане, Н. Х., Стефанович, И. К. Перспективная модель архива в эпоху постмодерна и в цифровой экономике. Хранитель знаний или поставщик социально-значимой информации? / Д. В. Ланская, А. В. Гергель, Н. Х. Жане, И. К. Стефанович // Естественно-гуманитарные исследования. – 2019. – № 26(4). – С. 124-129.

147. Лапина-Кратасюк, Е. Г. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия / Е. Г. Лапина-Кратасюк, М. В. Рублева // Шаги / Steps. – 2018. – Т. 4, № 3-4. – С. 147-165.

148. Лапина-Кратасюк, Е. Как цифровые медиа изменили подход к истории [Электронный ресурс] / Е. Лапина-Красатюк // Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhodk-istorii> (дата обращения 01.04.2023).

149. Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Бруно Латур; [пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.

150. Латур, Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур; пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.

151. Лебедев, С. А. Философия науки: Словарь основных терминов / С. А. Лебедев. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.

152. Леонтьева, О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О. Б. Леонтьева // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59-96.

153. Линченко, А. А. "Мы сами - время": динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 1 / А. А. Линченко // *Tempus et Memoria*. – 2020. – Т. 1, № 1-2. – С. 53-67. – DOI 10.15826/tetm.2020.1-2.006.

154. Линченко, А. А. Мифы о прошлом в медиасреде: теоретические основания и российская политическая практика / А. А. Линченко // *Социодинамика*. – 2022. – № 1. – С. 1-17.

155. Линченко, А. А. Что нам делать с мифами о Сталине? / А. А. Линченко, А. Г. Иванов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 425. – С. 91-99. – DOI 10.17223/15617793/425/12.

156. Липаков, К. А. Эпистемология социального противоречия и социального конфликта: история или социальная эпистемология? / К. А. Липаков // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – 2009. – № 111. – С. 111-122.

157. Лисенкова, А. А., Тульчинский, Г. Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве / А. А. Лисенкова, Г. Л. Тульчинский // *Человек. Культура. Образование*. – 2017. – № 4(26). – С. 20-31.

158. Листвина, Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху / Е. В. Листвина // *Известия Саратовского*

университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 386-389. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389.

159. Листвина, Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа / Е. В. Листвина // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7-8. – С. 14-18. – DOI 10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18

160. Листвина, Е. В., Фролова, С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 369-373. - DOI 10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373.

161. Ломако, О. М. Генеалогия и социальная память: методологический анализ / О. М. Ломако // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12. – № 3. – С. 24-27.

162. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – 704 с.

163. Луман, Н. Общество общества (кн. 1 - 3). Кн. 1: Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский. Кн. 2: Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. Кн. 3: Эволюция / Пер. с нем. А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2011 – 640 с.

164. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

165. Мазур, Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания / Л. Н. Мазур // Quaestio Rossica. – 2015. – № 3. – С. 161-178. – DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

166. Макаров, А. И. Платон и современная теория надындивидуальной памяти / А. И. Макаров // Деконструкция: Материалы семинаров и конференций по проблемам современной философии и социологии (вып. 2) / [под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Н. Сперанская, М. Трошкина]. – М.: Евразийское движение, 2011. – С. 219-220.

167. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / Маршалл, Маклюэн; пер. И. О. Тюриной. – М.: Акад. Проект; Фонд "Мир", 2005. – 495 с.

168. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн; Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.; КАНОН-пресс-Ц; Жуковский : Кучково поле, 2003. – 462 с.

169. Маленко, С. А. «Забороведение» Валерия Савчука: размышления о пределах цивилизации и возможностях человека / С. А. Маленко, А. Г. Некита // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 60-67. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-2-60-67

170. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с.

171. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2017. – № 4(87). – С. 6-22.

172. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285-312.

173. Малинова, О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90-105.

174. Малинова, О. Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) / О. Ю. Малинова // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 75-91.

175. Малюкова, О. В. Фейк как явление современной риторики / О. В. Малюкова // Философский текст в современной текстовой культуре: Материалы всероссийской конференции, Судак, пос. Новый Свет, 18–20 сентября 2018 года / Под редакцией О.В. Зарапина. – Судак, пос. Новый Свет:

Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 167-169.

176. Мамонов, Ф. Тамбовское восстание 1920-2015: «мемориальная война» [Электронный ресурс] / Ф. Мамонов. Режим доступа: <http://eurorussians.com/tambov-rebellion/> (дата обращения: 11.03.2023).

177. Манович Л. Язык новых медиа / Л. Манович. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. - 399 с.

178. Манько, Ю. В. "Забытая" Великая война (к 100-летию начала Первой мировой войны) / Ю. В. Манько // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 2. - С. 28-39.

179. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Марк, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1954. - Т. 8. - 523 с.

180. Масленкова, Н. А. Компьютерная игра как механизм конструирования культурной памяти (на примере «World of Tanks») / Н. А. Масленкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. – 2014. – № 3(23). – С. 116-125.

181. Масленкова, Н. А. Метаморфозы культурной памяти в World of Tanks / Н. А. Масленкова // Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 197–210.

182. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: Канон+, 2007. – 480 с.

183. Медиатизация истории: методические указания / сост. Ю. Ю. Хмелевская. – Челябинск: учебно-методические материалы кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ, 2017. – 22 с.

184. Мельникова, Е. А. Когнитивно-дискурсивные особенности медиарепрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Мельникова

Екатерина Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2016. – 23 с.

185. Мерзлякова, В. Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете / В. Н. Мерзлякова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 8-2. – С. 289-302. – DOI 10.28995/26867249-2019-8-289-302.

186. Мид, Дж. Г. Философия настоящего / Джордж Герберт Мид; пер. с англ. В. Николаева, В. Кузьминова. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 271 с.

187. Миллер, А. И. «Мы находимся в состоянии войн памяти» [Электронный ресурс] / А. И. Миллер // Восточно-Сибирская правда от 19.09.2017. Режим доступа: <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (дата обращения: 11.03.2023)

188. Миллер, А. И. Войны памяти и первое лицо [Электронный ресурс] / А. И. Миллер // Новая газета. 15 января 2020. № 3. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/13/83431-voyny-pamyati-i-pervoe-litso> (дата обращения: 12.03.2023)

189. Миллер, А. И. Враг у ворот истории / А. И. Миллер // Московский центр Карнеги [Сайт]. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (дата обращения: 12.03.2023).

190. Миллер, А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в / А. И. Миллер // Историческая политика в XXI веке / Под редакцией: А. Миллера, М. Липмана. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2012. – С. 7-32.

191. Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 1(80). – С. 111-121.

192. Миллер, А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал

политической философии и социологии политики). – 2013. – № 4(71). – С. 114-126.

193. Миллер, А. История империй и политика памяти / А. Миллер // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6, № 4. – С. 118-134.

194. Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 3-97.

195. Мифы «новой хронологии»: Материалы конф. на Ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова 21 дек. 1999 г.: [Сб. науч. ст.] / [Науч. ред. и сост. В. Л. Янин]. – М.: Рус. панорама, 2001. – 295 с.

196. Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования / А. Г. Иванов, С. В. Тихонова, А. А. Линченко, И. П. Полякова. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2020. – 330 с.

197. Мифы этого мира: коллективная монография / Е. А. Андриянова, С. В. Тихонова, Д. А. Аникин [и др.]. – Москва: Юность, 2008. – 200 с.

198. Михайлин, В. Бобер, выдыхай!: Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции / В. Михайлин. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2022. – 232 с.

199. Могилина, М. В. Цифровые миражи: представление истории в компьютерных играх / М. В. Могилина // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов, Калининград, 09–12 ноября 2017 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2017. – С. 51-54.

200. Можяева, Г. В., Можяева-Ренья, П. Н., Сербин, В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований / Г. В. Можяева, П. Н. Можяева-Ренья, В. А. Сербин // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 73-81.

201. Мозжилин, С. И., Рязанов, А. В. Образ будущего в условиях постправды / С. И. Мозжилин, А. В. Рязанов // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. - № 6. – С. 1160-1164. – DOI 10.30853/mns210200

202. Момджян, К. Х. О фаталистическом понимании истории / К. Х. Момджян // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2020. – № 2. – С. 48-62.

203. Моретти, Ф. Дальнее чтение / Франко Моретти; пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шель; под науч. ред. И. Кушнareвой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 342 с.

204. Мороз, О. В. Компьютинг на страже памяти? Рец. на Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009 / О. В. Мороз // Фольклор и антропология города. – 2019. – Т. 2. - № 1-2. – С. 403-419.

205. Мучкин, Д. Круглый стол: инди-разработчики о состоянии отечественного геймдева [Электронный ресурс] / Д. Мучкин // DTF. Режим доступа: <https://dtf.ru/gamedev/23947-kruglyy-stol-indi-razrabotchiki-o-sostoyanii-otechestvennogo-geymdeva> (дата обращения: 08.10.2023).

206. Невважай, И. Д. Смысл знака и смысл значения в эпистемологии / И. Д. Невважай // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 29-38.

207. Неклюдов, С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология: сборник статей / составитель М. В. Ахметова. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. – С. 9-26.

208. Некита, А. Г. Стратегии визуализации постапокалипсиса в современной массовой культуре / А. Г. Некита, С. А. Маленко, Е. П. Сулова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 3(42). – С. 11-32. – DOI 10.18799/26584956/2021/3(42)/1122

209. Никитин, Н. Феномен Мурада Аджи [Электронный ресурс] / Н. Никитин // Литературная Россия. - 2005. - № 15. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20120319112440/http://www.adfontes.veles.lv/stirup_seen/m_adzi/nikitin.htm (дата обращения: 08.10.2023).

210. Николаева, Ж. В. Документирование социальной реальности / Ж. В. Николаева // Фотография. Изображение. Документ. – 2020. – № 9(9). – С. 4-5.
211. Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. / Фридрих Ницше. Т. 1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем. — М.: Мысль, 1990. - 831 с.
212. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–50.
213. Носевич, В. Л. Будущее профессии историка в условиях «цифрового поворота» / В. Л. Носевич // Историческая информатика. – 2019. – № 3(29). – С. 90-98. – DOI 10.7256/2585-7797.2019.3.30767.
214. Нуарэ, С. Цифровая история: история и память, доступные каждому [Электронный ресурс] / С. Нуарэ // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2017. – № 7(61). – С. 1. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001917-7-1/> (дата обращения: 06.12.2022).
215. Образцов, П. А. Азбука шамбалоидов: Мулдашев и все-все-все... / Петр Образцов. – М.: Яуза: Пресском, 2005. – 285 с.
216. Образцов, П. А. Анти Мулдашев. От кого произошел уфимский офтальмолог? / Петр Образцов. – М.: Яуза: Эксмо, 2004. – 254 с.
217. Образы времени и исторические представления: Россия - Восток - Запад / под редакцией Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2010. – 959 с.
218. Олешко, В. Ф. Олешко, Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. – 470 с. DOI 10.15826/B978-5-7996-3074-4.0.
219. Олик, Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Д. Олик, Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40-74.

220. Орлов, М. О., Аникин, Д. А. Социальная память как диалог: пространственные и дискурсивные основания / М. О. Орлов, Д. А. Аникин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 55-61.

221. Оттуа, Ж. Технонаука: между технофобией и технофилией / Перевод В.В. Мархинина // Северный регион: наука, образование, культура. – 2017. – №1(35). – С. 110-118.

222. Очеретяный, К. А., Ленкевич, А. С. Медиафилософия: российский контекст / К. А. Очеретяный, А. С. Ленкевич // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 64-72.

223. Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм / А. В. Павлов // Философский журнал. – 2019. – Т. 12, № 2. – С. 20-33. – DOI 10.21146/2072-0726-2019-12-2-20-33.

224. Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: пост-постмодернизм / А. В. Павлов // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21, № 1-2(101-102). – С. 53-62. – DOI 10.30936/1606-951X-2019-21-1/2-53-62.

225. Панченко, Н. Н. Особенности гибридных жанровых форм современных массмедиа / Н. Н. Панченко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов, Орел, 01 апреля – 01 2013 года / Ответственный редактор Пастухов А.Г. Том 11. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. – С. 175-182.

226. Панченко, Н. Н. Фейк-новость в аспекте достоверности / Н. Н. Панченко // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – Т. 8, № 1. – С. 164-169.

227. Петров, А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого / А. Е. Петров // Новая и новейшая история. – 2004. – № 3. – С. 36-59.

228. Петров, Н. В. Цифровые архивы частной памяти / Н. В. Петров // Шаги / Steps. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 29-56. – DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56.

229. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Общ. ред. А. Ф Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М., 1999. Т. 2. – 526 с.

230. Плахова, А. Сайт дня: виртуальная реконструкция Древнего Рима [Электронный ресурс] / Плахова // НОЖ [Сайт]. Режим доступа: <https://knife.media/rome-reborn/> (дата обращения: 12.11.2022).

231. Плотичкина, Н. В. Медийная мифология социального в современном обществе / Н. В. Плотичкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 239-251. – DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-239-251.

232. Плотичкина, Н. В. Просьюмеризм как политическая практика / Н. В. Плотичкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2013. – № 3. – С. 66-79.

233. «Политика постправды» и популизм / В. А. Ачкасов, Н. А. Баранов, Д. А. Будко [и др.]. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2018. – 216 с.

234. Понамарева, А. М. Историческая память и историческая политика: введение к тематическому разделу / А. М. Понамарева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2018. – № 3. – С. 6-14.

235. Попп, И. А., Шахнович, И. С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект / И. А. Попп, И. С. Шахнович // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42-49. – DOI 10.26170/ro18-12-07.

236. Потebня, А. А. Слово и миф / А. А. Потebня; [Сост., подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова; Предисл. А. К. Байбурина]. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

237. Растимешина, Т. В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти / Т. В. Растимешина // Власть. – 2012. – № 10. – С. 60-64.

238. Ребане, Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания / Я. К. Ребане // Вопросы философии. – 1982. – № 8. – С. 44-54.

239. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 559 с.

240. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39-52.

241. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания: (историографические заметки) / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 43 с.

242. Репина, Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации / Л. П. Репина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, № 3. – С. 55-67.

243. Рикёр, П. Память, история, забвение / Поль Рикёр; [пер. с фр.: И. И. Блауберг и др.]. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 725 с.

244. Ройко, В. А. Медиаскандал как резонансное событие: механизмы развития / В. А. Ройко // Academy Journal. – 2018. – № 6(8). – С. 42-45.

245. Романовская, Е. В. Традиция как форма социальной памяти (герменевтический и институциональный горизонты): специальность 09.00.11 "Социальная философия": автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Романовская Евгения Васильевна. – Саратов, 2013. – 37 с.

246. Романовская, Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией / Е. В. Романовская // Философия и общество. – 2010. – № 1(57). – С. 98-109.

247. Ромащенко, И. А. Социальная память и картина мира: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского / И. А. Ромащенко. – Саратов, 2000. – 20 с.

248. Рюзен, Й. «Утрачивая последовательность истории» (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и

дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – № 7. – С. 8-25.

249. Рябченко, Н. А., Малышева, О. П., Гнедаш, А. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92-106. – DOI 10.17976/jpps/2019.02.07.

250. Рягузова, Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9, № 4(36). – С. 324-330. – DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-4-324-330.

251. Рягузова, Е. В. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 61-68. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68.

252. Рязанов, А. В. Новые солидарности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 2А. – С. 186-193.

253. Сабурова, Н. В., Федорова, О. Е. Способы формирования и реализации категории сенсационности в таблоидном медиатексте (на примере анализа текста британского онлайн-таблоида) / Н. В. Сабурова, О. Е. Федорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1-1(79). – С. 164-167.

254. Савельев, А. Е. Концепции памяти в воззрениях античных и средневековых мыслителей / А. Е. Савельев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 1(27). – С. 116-119.

255. Савельева, И. М. Профессиональные историки в «публичной истории» / И. М. Савельева // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 141-156.

256. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Знание о прошлом: теория и история: [в 2 т.] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. – 631 с.
257. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
258. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Социальная организация знаний о прошлом аналитическая схема / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. – 2011. – № 35. – С. 7-18.
259. Саворская, Е. В. Политические сети в процессах надгосударственного регулирования: европейский и мировой опыт / Е. В. Саворская. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 127 с.
260. Савчук, В. В. Медиафилософия: приступ реальности / В. В. Савчук. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. – 348 с.
261. Савчук, В. В. Философия фотографии / В. В. Савчук. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 253 с.
262. Савчук, В. В., Очеретяный, К. А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики / В. В. Савчук, К. А. Очеретяный // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 5-16. – DOI 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16.
263. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге", 2019. – 220 с.
264. Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151): "Антифоменко" / Под ред. И.А. Настенко. – М.: Русская панорама, 2000. – 335 с.
265. Селезнев, Р. С. Использование приемов краудсорсинга в туризме: проблемы и достижения / Р. С. Селезнев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-7(62). – С. 244-250.
266. Сергеева, О. В., Царева, А. В., Зиновьева, Н. А. «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в

многопользовательские онлайн-игры / О. В. Сергеева, А. В. Царева, Н. А. Зиновьева // *Logos et Praxis*. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 51-63. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.6.

267. Сидоров, В. А. Игры как институт культуры «цифрового» пространства / В. А. Сидоров // *Гуманитарный вектор*. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 176-185. – DOI 10.21209/1996-7853-2020-15-5-176-185.

268. Сиземская, И. Н. В.Ж. Келле о системном подходе в познании истории / И. Н. Сиземская // *Личность. Культура. Общество*. – 2021. – Т. 23, № 1-2(109-110). – С. 58-63. – DOI 10.30936/1606_951X_2021_23_1_2_58_63.

269. Симбирцева, Н. А. Метаморфозы памяти: культурологическая интерпретация / Н. А. Симбирцева // *Европейский журнал социальных наук*. – 2011. – № 8(11). – С. 20-27.

270. Синергетическая философия истории: (коллективная монография) / [С. В. Бусов и др.]; под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. – Санкт-Петербург: Северный колледж, 2009. – 313 с.

271. Случ, С. З. Речь Сталина, которой не было / С. З. Случ // *Отечественная история*. – 2004. – № 1. – С. 113-139.

272. Соболев, Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914-1918 / Г. Л. Соболев; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. – 475 с.

273. Соловей, В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа / В. Д. Соловей // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 5. – С. 122-132. – DOI 10.17976/jpps/2017.05.09.

274. Сорокин, П. А., Мертон, Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон // *Социологические исследования*. – 2004. – № 6(242). – С. 112-119.

275. Стоянова Е. От ритуала и мифа к метафоре // *Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания*. – 2008. – № 4. – С. 27-36.

276. Стоянова, Е. В. От ритуала и мифа к метафоре / Е. В. Стоянова // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2008. – № 4. – С. 27-36.

277. Сульжицкий, И. С. К обоснованию дюркгеймианской программы в современных memory studies: коммеморативный ритуал и амбивалентность памяти / И. С. Сульжицкий // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2017. – № 1. – С. 64-72.

278. Сумская, А. С. Свердлов, С. А. «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик / А. С. Сумская, С. А. Свердлов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2019. – Т. 25, № 3(189). – С. 32-48.

279. Суходолов, А. П., Бычкова, А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиaprостранства: понятие, виды, назначение, меры противодействия / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 143-169. – DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169.

280. Сыров, В. Н. Историческая память и историческое знание: проблема соотношения / В. Н. Сыров // Философские дескрипты. – 2020. – № 22. – С. 1-4.

281. Сыров, В. Н. Коммуникация и историческое познание / В. Н. Сыров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2015. – № 3(29). – С. 84-91.

282. Теория и методология истории / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гридин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.

283. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований / С. В. Тихонова, С. М. Фролова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 287-290. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290.

284. Тихонова, С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии / С. В. Тихонова. – Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2008. – 244 с.

285. Тихонова, С. В. Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 287-291. – DOI 10.18500/1819-7671-2018-18-3-287-291.

286. Тихонова, С. В. Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 416-420. – DOI 10.18500/1819-7671-2017-17-3-416-420.

287. Тихонова, С. В. Память Интернета и социальная память: перспективы слияния / С. В. Тихонова // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: Сборник научных трудов Всероссийской конференции VII Аскинские чтения, Саратов, 21 октября 2016 года. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК», 2017. – С. 68-73.

288. Тихонова, С. В. Производство неформального знания в социальных сетях и проблемы популяризации науки / С. В. Тихонова // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Пятой Международной научно-практической конференции имени В.Л. Гинзбурга и Э.П. Круглякова, Санкт-Петербург, 04–05 июля 2017 года / Редколлегия: С.В. Тихонова (отв. ред.) и др. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2017. – С. 118-122.

289. Тихонова, С. В. Публичная сфера информационного общества: развитие электронного государства / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 80-85. – DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-1-80-85.

290. Тихонова, С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета / С. В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 138-152. – DOI 10.17976/jpps/2016.03.11.

291. Тихонова, С. В. Коммуникационное пространство как объект правовой политики: Теоретические проблемы формирования пространственного подхода / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 2-2. – С. 437-443.

292. Тихонова, С. В., Афанасьев, И. А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы / С. В. Тихонова, // Человек. – 2009. – № 3. – С. 57-63.

293. Тихонова, С. В., Фролова, С. М. Историческая память и медиальный поворот: цифровизация Прошлого / С. В. Тихонова, С. М. Фролова // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 78-85. – DOI 10.22394/1682-2358-2020-4-78-85.

294. Тош, Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка / Джон Тош; [Пер. с англ.: Коробочкин М. Л.]. – Москва: Весь Мир, 2000. – 294 с.

295. Трубникова, Н. В. Становление французской квантитативной истории: методы исследований, тематические области, институциональные рамки / Н. В. Трубникова // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312, № 6. – С. 102-106.

296. Тульчинский, Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 24-33.

297. Тульчинский, Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 41-56.

298. Тюкина, Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий / Л. А. Тюкина // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 1(20). – С. 181-187. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187.

299. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2002. – 528 с.

300. Уголев, Е. М. Историческая реконструкция как феномен исторической памяти / Е. М. Уголев // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 8. – С. 10-14.

301. Уильямсон, С. История клиометрики в США / С. Уильямсон // Экономическая история. Обзорение / Под редакцией В. И. Бовыкина и Л. И. Бородкина. Том 1. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1996. – С. 75-107.

302. Устьянцев, В. Б. Социальная память в жизненном пространстве социума / В. Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 414-418. – DOI 10.18500/1819-7671-2018-18-4-414-418.

303. Устьянцев, В. Б. Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Устьянцев Владимир Борисович. – Саратов, 1972. – 17 с.

304. Фадеева, Л. А. Матрица памяти, политики и пространства. О культурах общественной памяти как составной части политических культур / Л. А. Фадеева // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 183-187.

305. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук. – Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2011. – 381 с.

306. Федотова, В. Г. Пандемия COVID-19 в 2021 году: проблемы доверия / В. Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 4. – С. 111-125. – DOI 10.17805/zpu.2021.4.9.

307. Федотова, В. Г. Во время пандемии и после / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 112-122. – DOI 10.21146/0042-8744-2021-12-112-122.
308. Феррарис, М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Феррарис; [пер. с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой]. – Москва: Новое лит. обозрение, 2010. – 346 с.
309. Феррарис, М. Что такое новый реализм? / М. Феррарис // Вопросы философии. – 2014. – № 8. – С. 145-159.
310. Филимонова, О. Ф. Пустое место: голос социальной реальности / О. Ф. Филимонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18, вып. 3. – С. 292–297.
311. Фокин, А. А. Трудные вопросы коллективной памяти о сталинизме в российском обществе / А. А. Фокин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Москва, 25–27 августа 2016 года. – Москва: Издательство «Апельсин»; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 264-271.
312. Фортунатов, А. Н. Кибергуманизм. Как коммуникационные технологии трансформируют наше общество / А. Н. Фортунатов. – М.: Флинта, 2023. – 184 с.
313. Фортунатов, А. Н. О границах современного кибергуманизма / А. Н. Фортунатов // Вопросы журналистики. – 2022. – № 11. – С. 42-53.
314. Фортунатов, А. Н. Память как приговор: феномен гипертимезии в медиареальности / А. Н. Фортунатов // Вестник Нижегородского института управления. – 2022. – № 1(63). – С. 40-45.
315. Фортунатов, А. Н. Медиареальность: в плену техногуманизма / А. Н. Фортунатов. – Нижний Новгород: ННГУ, 2009. – 211 с.
316. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.

317. Фролова, С. М., Листвина, Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление / С. М. Фролова, Е. В. Листвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 408-412. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412.

318. Хабермас, Ю. Политические работы / Юрген Хабермас; [пер. с нем. Б. М. Скуратова]. – М.: Праксис, 2005. – 361 с.

319. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций / Юрген Хабермас; [пер. с нем. М. М. Беляев и др.]. – Изд. 2-е, испр. – М.: Весь Мир, 2008. – 414 с.

320. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 23.03.2023)

321. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти: Перевод с французского / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.

322. Хархордин, О. Предисловие / О. Хархордин // Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Бруно Латур; [пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 3-32.

323. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. – 422 с.

324. Хау, Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса: перевод с английского / Джефф Хау. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 287 с.

325. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш. – М., Новое издательство, 2021. – 428 с.

326. Хитрова, Т. В. Медиатизация «исторической памяти» как средство моделирования социальных процессов / Т. В. Хитрова // Журналістыка-2016: стан, проблеми і перспективы: матеріялы 18-й Міжнародной науково-

практичній конференції, присвячаної 95-годовщину БДУ (10–11 листопада 2016 г., Мінск). Вып. 18. - Мінск: БДУ, 2016. – С. 205-208.

327. Храпов, С. А. Проблемы формирования социальной памяти и гражданской идентичности обучающихся в условиях цифровизации образовательного и социального пространства / С. А. Храпов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2022. – № 2(60). – С. 69-74. – DOI 10.26456/vtphilos/2022.2.069.

328. Храпов, С. А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен / С. А. Храпов // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 99-106. – DOI 10.21146/0042-8744-2020-3-99-106.

329. Хряков, А. В. Г. Геймпель: личное покаяние и «преодоление прошлого» / А. В. Хряков // Диалог со временем. – 2012. – № 38. – С. 213-226.

330. Худякова, Е. В., Путилова, Е. В. «Воплощенная» история: власть визуального образа на пересечении истории памяти и истории повседневности / Е. В. Худякова, Е. В. Путилова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 2. – С. 742-745.

331. Хут, Л. Р., Чеучева, А. К. Цифровая история в эпоху антропоцена / Л. Р. Хут, А. К. Чеучева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2019. – № 4(249). – С. 99-109.

332. Цельковский, А., Суслов, И., Иванов, А., Сидоров, С. Проект «НМДНИ» / А. Цельковский, И. Суслов, А. Иванов, С. Сидоров // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 5(1). – С. 136-161. – DOI: 10.46539/gmd.v5i1.330

333. Что думают ученые о «Велесовой книге». – Санкт-Петербург: ФГУП Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2004. – 237 с.

334. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // Полис.

Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42-59. – DOI 10.17976/jpps/2017.02.04.

335. Шаповалова, Н. С. Социальная память в закрытых и открытых обществах (социально-философский анализ): специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шаповалова Наталья Сергеевна. – Саратов, 2012. – 18 с.

336. Шарков, Ф. И. Визуализация политического медиaprостранства / Ф. И. Шарков // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 97-107. – DOI 10.17976/jpps/2016.05.08.

337. Шевелева, А. П. История: академическая, популярная, публичная / А. П. Шевелева // Артикульт. – 2013. – № 3(11). – С. 4-8.

338. Шевцов, К. П. Память и генеалогия субъективности у Ф. Ницше / К. П. Шевцов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-3(38). – С. 206-210.

339. Шестак, Л. А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс / Л. А. Шестак // Cross - Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 194-199.

340. Шиповалова, Л. В. К вопросу об идентификации современной исторической эпистемологии / Л. В. Шиповалова // Философия и культура. – 2018. – № 7. – С. 13–23.

341. Шиповалова, Л. В. О возможности «переговоров» в исторической эпистемологии / Л. В. Шиповалова // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. № 1. – С. 52–55.

342. Шиповалова, Л. В. Распределенное познание - аналитика и проблематизация концепта / Л. В. Шиповалова // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 175-190. – DOI 10.5840/dspl20192460.

343. Шиповалова, Л. В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований / Л. В. Шиповалова //

Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1, № 4. – С. 153-167. – DOI 10.5840/dspl20181453.

344. Шиповалова, Л. В. Стоит ли мыслить науку исторически? / Л. В. Шиповалова // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. № 1. – С. 18–28.

345. Шкаев, Д. Г. Мифологические аспекты цифровой культуры на примере современной игровой индустрии / Д. Г. Шкаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2018. – № 4. – С. 123-128.

346. Шмелева, Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т. В. Шмелева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 7(90). – С. 145-148.

347. Шмидт, С. О. "Феномен Фоменко" в контексте изучения современного общественного исторического сознания / С. О. Шмидт; Рос. акад. наук, Археогр. комис. – М.: Наука, 2005. – 71 с.

348. Шомова, С. А. Выборы президента РФ - 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики / С. А. Шомова // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 157-173. – DOI 10.17976/jpps/2019.03.10.

349. Штейн, М. Г. Ульяновы и Ленины: семейные тайны / М.Г. Штейн. – СПб.: Нева, 2004. – 510 с.

350. Штомпка, П. Визуальная социология: фотография как метод исследования: учебник / П. Штомпка. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

351. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

352. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социс. Социологические исследования. – 1988. – №2. – С. 129-137.

353. Эпштейн, М. Н. Будущее гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. – М.: ГК «РИПОЛ классик», «Панглосс», 2019. – 239 с. – DOI: 10.22394/2074-0492-2019-4-232-237
354. Юрченко, И. Ю. Казаки - тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.)) / И. Ю. Юрченко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5. – С. 65-69.
355. Baltezarević, B., Milutinović, O., Baltezarević, R., Baltezarević, V. Digital storage and online mediated memory / B. Baltezarević, O. Milutinović, R. Baltezarević, V. Baltezarević // International Review. – 2020. – № 1-2. – P. 34-41.
356. Bartoletti, R. Memory and Social Media: New Forms of Remembering and Forgetting / R. Bartoletti // Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World / Ed. B. Pirani. – Newcastle UK: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 82-111.
357. Bianca, M. L. The Epistemological structure of ordinary knowledge/ M. L. Bianca // Epistemology of ordinary knowledge / Edited by Mariano L. Bianca and Paolo Piccari. – Newcastle UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – P. 3-38.
358. Blackmore, S. The Meme Machine / S. Blackmore. – Oxford: Oxford University Press. 1999. – 264 p.
359. Böhm, G. Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens / G. Böhm. – Berlin: Berlin University Press, 2007. – 282 p.
360. Brodie, R. Virus of the Mind: The New Science of the Meme / R. Brodie. – Seattle, WA: Integral Press, 1996. – 260 p.
361. Burke, P. Varieties of Cultural History / P. Burke. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. – 256 p.
362. Butterfield H. Man on his Past. The Study of the History of Historical Scholarship. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – 238 p.
363. Davison, P. The Language of Internet Memes / P. Davison // The Social Media Reader / Ed. by M. Mandiberg. – New York, London: New York University Press, 2009. – P. 120–134.

364. Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. – New York: Routledge. 2017. – 326 p. DOI: 10.4324/9781315637235
365. Dijck, van J. Mediated Memories in the Digital Age / J. van Dijck. – Stanford: Stanford UP, 2007. – 256 p.
366. Dosi, G., Labini, M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox» / G. Dosi, M. Labini // Research policy. Amsterdam. – 2006. Vol. 35. – № 10. – P. 1450-1464.
367. Durkheim, E. The elementary forms of religious life / trans. by J. W. Swain, introduction by R. Nisbet. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1976. – 435 p.
368. Emden, C. J. ‘Nachleben’: Cultural Memory in Aby Warburg and Walter Benjamin / C. J. Emden // Cultural Memory: Essays on European Literature and History / E. Caldicott, A. Fuchs (eds.). – London: Peter Lang, 2003. – P. 209–224.
369. Ensink, T., Sauer, C. The Art of Commemoration: Fifty years after the Warsaw Uprising / T. Ensink, C. Sauer. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2003. – 245 p.
370. Epistemology of ordinary knowledge / Edited by Mariano L. Bianca and Paolo Piccari. – Newcastle UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015. – 321 p.
371. Erll, A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory / A. Erll // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. By A. Erll, A. Niinning. – Berlin; New York: De Gruyter, 2008. – P. 389-399.
372. Evaluating information: The cornerstone of civil online reasoning. Executive summary Stanford history education group. - November 22, 2016. - 29 p. Режим доступа: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:fv751yt5934/SHEG%20Evaluating%20Information%20Online.pdf>. (дата обращения: 11.11.2022)
373. Fentress, J., Wickham, C. Social Memory / J. Fentress, C. Wickham. – Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. – 239 p.

374. Ferraris, M., Torrenzo, G. Documentality: A Theory of Social Reality / M. Ferraris, G. Torrenzo // *Rivista di estetica*. – 2014. – № 57. – P. 11–27. DOI: 10.4000/estetica.629
375. Ferraris, M. Documentalità. Perché è necessario lasciar tracce / M. Ferraris. – Roma-Bari: Editori Laterza, 2009. – 446 p.
376. Floridi, L. Mature Information Societies — a Matter of Expectations / L. Floridi // *Philosophy & Technology*. – 2016. Volume 29. Issue 1. – P. 1–4.
377. FM-2030. Up-Wingers / FM-2030. – New York: The John Day Company, 1973. – 279 p.
378. Fowles, J. Advertising and popular culture / J. Fowles. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1996. – 278 p.
379. Frandsen, F., Johansen, W. Organizational crisis communication / F. Frandsen, W. Johansen. – Los Angeles, CA: SAGE, 2016. – 280 p.
380. Freudenthal, G. McLaughlin, P. Classical Marxist Historiography of Science: the Hessen-Grossmann-Thesis / G. Freudenthal, P. McLaughlin // *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution: Texts by Boris Hessen and Henryk Grossmann* / G. Freudenthal, P. McLaughlin (eds.). *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Springer, 2009. Vol. 278. – P. 1-40.
381. Fuller, S. Customized science as a reflection of «protoscience» / S. Fuller // *Эпистемология и философия науки*. – 2015. – Т. 46, № 4. – С. 52–69.
382. Garde-Hansen, J. Media and Memory / J. Garde-Hansen. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. – 174 p.
383. Gombrich, E. H. Aby Warburg: Eine intellektuelle biography / E. H. Gombrich. – Oxford: Phaidon, 1986. – P. 105–127.
384. Granovetter, M. S. The strength of weak ties / M. S. Granovetter // *American Journal of Psychology*. – 1973. – № 78 (6). – P. 1360 – 1380.
385. Hartmann F. Medienphilosophie. – Wien: WUV-Universitätsverlag, 2000. – 343 p.

386. Heisler, M. O. The political currency of the past: History, memory, and identity / M. O. Heisler // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 617, № 1. – P. 14–24.

387. Heyen, N. B. Quantified Self as Personal (Citizen) Science [Электронный ресурс] / N. B. Heyen // Режим доступа: <http://blogs.harvard.edu/billofhealth/2017/05/11/quantified-self-as-personal-citizen-science/> (дата обращения: 10.11.2022).

388. Hofstadter, D. R. *Metamagical Themas. Questing for the Essence of Mind and Pattern* / D. R. Hofstadter. – New York: Basic Books, 1986. – 853 p.

389. Howe, J. *Crowdsourcing. Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business* / J. Howe. – New York: Three Rivers Press, 2008. – 280 p.

390. Hunt E. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it [Электронный ресурс] / E. Hunt. // *The Guardian*. 2016. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate>. (проверено 29.02.2023)

391. Hutchins, E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition / E. Hutchins // *Philosophical Psychology*. – 2014. – Vol. 27. – №. 1. – P. 34–49.

392. Johann, M., Bülov, L. One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes / M. Johann, L. Bülov // *International Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 13. – P. 1721–1722.

393. Ledford, H. Garage biotech: Life hackers / H. Ledford // *Nature*. – 2010. – № 467. – P. 650 – 652.

394. Losada, J. M., Lipscomb, A. *Myth and Audiovisual Creation* / J. M. Losada, A. Lipscomb. – Berlin: Logos Verlag, 2019. – 215 p.

395. Makhortykh, M. Everything for the Lulz: Historical Memes and World War II Memory on Lurkomor'e / M. Makhortykh // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. – 2015. – Vol. 13. – P. 63-90.

396. Margreiter R. *Medienphilosophie. Eine Einführung*. – Berlin: Königshausen & Neumann, 2007. – 299 p.

397. Marres, N., Weltevrede, E. Scraping the social? / N. Marres, E. Weltevrede // *Journal of Cultural Economy*. – 2013. – Vol. 6. – Issue 3. – P. 313-335. DOI: 10.1080/17530350.2013.772070
398. McClelland, J. S. *The Crowd and the Mob: from Plato to Canetti* / J. S. McClelland. – London: UnwinHyman, 1989. – 343 p.
399. Merton, R. *The Sociology of Science* / R. Merton. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – 636 p.
400. Merton, R. *The Thomas Theorem and The Matthew Effect* / R. Merton // *Social Forces*. – 1995. – Vol. 74. – Iss. 2. – P. 379-424.
401. Mitchell, W. J. *The Reconfigured Eye: Visual Truth in the Post-Photographic Era* / W. J. Mitchell. – Cambridge (Massachusetts): The MIT Press. 1992. – 283 p.
402. Munker S., Roesler A., Sandbothe M. (Hg.) *Medienphilosophie. Beiträge zur Klärung eines Begriffs*. – Frankfurt am Main: Fischer, 2003. – 224 p.
403. Neiger, M. *Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age* / M. Neiger // *Sociology Compass*. – 2020. – Vol. 14. – Iss. 5. DOI: 10.1111/soc4.12782
404. Nijakowski, L. M. *Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny* / L. M. Nijakowski. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 286 p.
405. Nissenbaum, A., Shifman, L. *Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study* / A. Nissenbaum, L. Shifman // *Journal of Computer-Mediated Communication* – 2018. - Vol. – 23. P. 294–310.
406. Noveck, B. *Wiki government: how technology can make government better, democracy stronger, and citizens more powerful* / B. Noveck. – Washington: Brookings institution press, 2009. – 224 p.
407. Olick, J. K. *Collective Memory: The Two Cultures* / J. K. Olick // *Sociological Theory*. – 1999. – Vol. 17. – №. 3. – P. 333–348.
408. *On media memory: collective memory in a new media age* / Ed. by. Neiger M., Meyers O., Zandberg E. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 296 p.

409. Pence, Ch. H. How to do digital philosophy of science / Ch. H. Pence // *Philosophy of Science*. – 2018. – Vol. 85, № 5. – P. 1-20.
410. Piata, A. When Metaphor Becomes a Joke: Metaphor Journeys from Political Ads to Internet Memes / A. Piata // *Journal of Pragmatics*. – 2016. – №. 106. – P. 39-56. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.10.003
411. Rheingold, H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution* / H. Rheingold. Cambridge: MA Perseus Publishing, 2002. – 266 p.
412. Rodin, P., Ghersetti, M., Odén, T. Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden / P. Rodin, M. Ghersetti, T. Odén // *J Contingencies and Crisis Management*. – 2019. – № 27. – P. 237–246. DOI: 10.1111/1468-5973.12254
413. Runia, E. Spots of time / E. Runia // *History and Theory*. – 2006. – Vol. 45. – № 3. – P. 305-317. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2006.00346.x
414. Ruzicka, V., Kang, E., Gordon, D., Patel, A., Fashimpaur, J., Zaheer, M. *The Myths of Our Time: Fake News [Электронный ресурс]* / V. Ruzicka, E. Kang, D. Gordon, A. Patel, J. Fashimpaur, M. Zaheer. 2019. Режим доступа: ArXiv, abs/1908.01760.
415. *Save As... Digital Memories* / Eds. J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. – Basingstoke & New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 211 p.
416. Seefeldt D., Thomas W. G. *Intersections: History and New Media. What Is Digital History?* // *Perspectives on History*. 2009. № 5. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/may-2009/what-is-digital-history#note3> (дата обращения: 06.12.2020)
417. Seiffert-Brockmann, J., Diehl, T., Dobusch, L. Memes as games: The evolution of a digital discourse online / J. Seiffert-Brockmann, T. Diehl, L. Dobusch // *New Media & Society* – 2018. – Vol. 20. – Iss. 8. P. 2862-2879. DOI:10.1177/1461444817735334.

418. Senft, T. M., Baym, N. K. What Does the Selfie Say? Investigating a Global Phenomenon. Introduction / T. M. Senft, N. K. Baym // *International Journal of Communication*. – 2015. – Vol. 9. – P. 1588–1606.

419. Shao, Ch., Ciampaglia, G. L., Varol, O., Yang, K.-Ch., Flammini, A., Menczer, F. The spread of low-credibility content by social bots [Электронный ресурс] / Ch. Shao, G. L. Ciampaglia, O. Varol, K.-Ch. Yang, A. Flammini, F. Menczer // *Nature Communications*. – 2018. – Vol. 9. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-06930-7> (дата обращения: 11.11.2022).

420. Shifman, L. Memes in a Digital World: Reconciling with a Conceptual Troublemaker / L. Shifman // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2013. – Vol. 18. – Iss. 3. – P. 362–377. DOI: 10.1111/jcc4.12013

421. Shifman, L. *Memes in Digital Culture* / L. Shifman. – Massachusetts: MIT Press, 2014. – 200 p.

422. *Silence, Screen, and Spectacle. Rethinking Social Memory in the Age of Information* / Ed. by L. A. Freeman, B. Nienass, R. Daniell. – N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. – 260 p.

423. Surowiecki, J. *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations* / J. Surowiecki. – New York: Doubleday, 2004. – 296 p.

424. Szacka, B. *Czas przeszły, pamięć, mit* / B. Szacka. – Warszawa: Scholar, 2006. – 237 p.

425. Tapscott, D., Williams, A. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything* / D. Tapscott, A. Williams. – New York: Portfolio, 2006. – 324 p.

426. Thaller, M. *The Need for a Theory of Historical Computing* / M. Thaller // *History and Computing II* / Ed. by P. Denley, S. Fogelvik, and C. Harvey. – Manchester: Manchester University Press, 1989. – P. 2–11.

427. *The Digital Humanities Manifesto 2.0. 2009* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tcp.hypotheses.org/411> (дата обращения: 30.01.2023).

428. *The Invention of tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. – 320 c.

429. Thompson, J. B. *The Media and Modernity: a Social Theory of the Media* / J. B. Thompson. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. – 314 p.
430. Torsti, P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier / P. Torsti // *The Cold War and Politics of History* / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. - Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. – P. 19–35.
431. Turner, L. *Metamodernist || Manifesto* [Электронный ресурс] / L. Turner // Режим доступа: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 29. 11. 2022).
432. Valovic, T. S. *Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet* / T. S. Valovic. – New Brunswick, N.J., London: Rutgers University Press, 2000. – 242 p.
433. Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // *Science*. – 2018. - Vol. 359. – Iss. 6380. P. 1146-1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
434. Wolff, R. S. *The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia* / R. S. Wolff // *Writing History in the Digital Age* / Ed. by J. Dougherty, K. Nawrotzki. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. – P. 64–74.